

A 195

Г 52

*Главные
философские
труды
В.И. ЛЕНИНА*

В.И. Ленин

Политиздат

*Главные
философские
труды
В.И. ЛЕНИНА*

*Москва
Издательство
политической литературы
1987*

Под общей редакцией
докторов философских наук
Б. В. Богданова и И. С. Нарского

Авторский коллектив:

доктора философских наук *Б. В. Богданов* (Введение и Вместо заключения), *К. Х. Делокаров* (разд. I, гл. 3; разд. II, гл. 7), *Т. Исаков* (разд. II, гл. 3, 4, 6), член-корреспондент АН Казахской ССР *А. Х. Касымжанов* (разд. II, гл. 1, 2, 3, 4, 6), доктора философских наук *К. Н. Любутин* (разд. I, гл. 1, 6; разд. II, гл. 1), *И. С. Нарский* (разд. I, гл. 2, 4, 5; разд. II, гл. 1, 2, 3, 4, 5; Вместо заключения), *В. С. Тюхтин* (разд. I, гл. 5; разд. II, гл. 2), член-корреспондент АН СССР *М. Н. Руткевич* (разд. II, гл. 5).

Г52   **Главные философские труды В. И. Ленина /**
Под общ. ред. Б. В. Богданова, И. С. Нарского.— М.: Политиздат, 1987.— 288 с.

В книге, написанной коллективом известных советских ученых, дается систематический анализ содержания фундаментальных философских трудов В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради», а также статей «Карл Маркс» и «О значении воинствующего материализма». В доступной форме раскрывается широкий круг проблем диалектического и исторического материализма, истории философии и критики современной буржуазной философии.

Рассчитана на преподавателей, студентов, всех изучающих марксистско-ленинскую философию.

Г 0102020000—328
079(02)—87 61—87

ББК 13.53

© ПОЛИТИЗДАТ, 1987 г.

На рубеже XIX и XX вв. марксизм вступил в новый, ленинский этап своего развития. Ленинизм возник на базе марксизма, как его продолжение и творческое развитие в качественно новых исторических условиях.

В. И. Ленин отмечал, что в различные исторические периоды в марксизме на первый план выдвигаются различные его стороны и проблемы. Период после Парижской коммуны 1871 г. до первой русской революции 1905 г. он характеризовал как период относительно мирного развития капитализма: «Везде складываются пролетарские по своей основе социалистические партии, которые учатся использовать буржуазный парламентаризм, создавать свою ежедневную прессу, свои просветительные учреждения, свои профессиональные союзы, свои кооперативы. Учение Маркса одерживает полную победу и — *идет вширь*»¹. Эта сравнительно новая ситуация в европейском социалистическом движении выдвинула и ряд новых задач перед марксистской теорией, центральной из которых стала проблема формирования подлинно классового самосознания пролетариата.

Результаты распространения марксизма вширь имели глубоко противоречивый характер. Возникшая на рубеже XX в. необходимость теоретического овладения все более менявшейся ситуацией, потребность в новых политико-стратегических установках — все это предъявляло повышенные требования к социалистическому движению. Благодаря усилиям учеников и последователей К. Маркса в конце XIX в. происходило расширение сферы влияния марксизма, все более глубокое проникновение его в рабочее движение, а также применение марксистской методологии к исследованиям в области истории, политики, искусства и т. д. Однако этот процесс

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 2—3. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте (первая цифра означает том, вторая — страницу).

далеко не всегда сопровождался углублением уровня теоретической мысли.

К. Маркс и Ф. Энгельс с озабоченностью отмечали тенденцию снижения интереса к теоретическому мышлению. Так, они указывали на то, что из интеллектуальной жизни Германии стал испаряться интерес к гегелевской диалектике и вместе с тем широкое распространение получили вульгарный материализм, позитивизм и механистические эволюционистские идеи, проникавшие и в социал-демократическое движение. В обстановке, когда среди естествоиспытателей господствовал метафизический, позитивистский метод мышления, складывалась парадоксальная ситуация: успехи частных наук несли с собой опасность для понимания, усвоения и распространения подлинно научного мировоззрения — диалектического материализма и подлинно научного метода мышления — материалистической диалектики. А это, в свою очередь, разлагало теоретическое и методологическое мышление лидеров социал-демократии. «Маркс и я,— писал Энгельс,— были едва ли не единственными людьми, которые спасли из немецкой идеалистической философии сознательную диалектику и перевели ее в материалистическое понимание природы и истории»¹.

В этих условиях проблема защиты материализма и диалектики становилась политической. Необходимо было показать, что только диалектический материализм и материалистическая диалектика могут быть подлинным мировоззрением и методологией научного исследования и практической революционной борьбы. Эту работу начал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» и других трудах, наметив линию борьбы за материализм, против позитивизма и агностицизма. Аналогично была намечена и линия борьбы за диалектику, против метафизики, борьбы, включавшей в себя и разработку диалектического наследия Гегеля. «Материалистическое понимание истории и его специальное применение к современной классовой борьбе между пролетариатом и буржуазией,— отмечал Ф. Энгельс в 1882 г.,— стало возможно только при помощи диалектики»².

В. И. Ленин на рубеже столетий и в начале XX в., выполняя завет Ф. Энгельса, продолжил борьбу за материализм и диалектику в их единстве. Задача материа-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 10.

² Там же, т. 19, с. 322—323.

листической оценки и переработки диалектического наследия Гегеля как одного из важных средств дальнейшего развития революционной диалектики марксизма была также наиболее глубоко воспринята и понята именно В. И. Лениным.

Главные философские труды В. И. Ленина — «Материализм и эмпириокритицизм» (1908) и «Философские тетради» (1914—1916). Разумеется, философскими идеями проникнуто большинство ленинских произведений, в том числе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894), «Развитие капитализма в России» (1899), «Что делать?» (1902), «Две тактики социал-демократии в демократической революции» (1905), «Марксизм и ревизионизм» (1908), «Три источника и три составных части марксизма», «Исторические судьбы учения Карла Маркса» (1913), «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915), «Военная программа пролетарской революции», «Империализм, как высшая стадия капитализма» (1916), «Государство и революция» (1917), «Экономика и политика в эпоху диктатуры пролетариата» (1919), «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920), «О нашей революции», «Лучше меньше, да лучше» (1923) и многие другие. Уже в сравнительно раннем сочинении «Что такое «друзья народа»...» В. И. Ленин ставит и решает такие сложные философские проблемы, как свобода, случайность и необходимость, альтернативность исторического процесса и общественно-экономическая формация, объективность и субъективизм в исследовании и политической практике и др. Большое философское значение имеют работы В. И. Ленина «Карл Маркс» (1914) и «О значении воинствующего материализма» (1922).

Правильно понять смысл и значение основных трудов В. И. Ленина по философии можно только тогда, когда они осмысливаются в теснейшей связи с эпохой, в которой были созданы. Вступление капитализма в империалистическую фазу развития привело к существенным изменениям в условиях борьбы рабочего класса за свое освобождение. С одной стороны, существование в развитых европейских странах института буржуазной демократии создавало новые возможности для борьбы пролетариата; с другой стороны, центр революционного движения переместился в страну, где господствовал полуфеодально-полицейский режим, — в Россию. При этом многие процессы, определявшие характер наступающей

качественно новой эпохи, на рубеже столетий еще только намечались, и их всестороннее рассмотрение составило в дальнейшем содержание ленинского этапа в развитии марксизма.

Смысл марксистской теоретической программы, воспринятой и продолженной В. И. Лениным, в философском плане выражался в необходимости дальнейшей целенаправленной разработки диалектического и исторического материализма, теории и метода материалистической диалектики. Это и получило свою реализацию прежде всего в ленинских трудах «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради», а также в статье «Карл Маркс». Последняя философская статья В. И. Ленина «О значении воинствующего материализма» выдвинула требование разработки теории материалистической диалектики в качестве главной программной задачи для становившейся в те годы советской философской науки.

Отстаивая и развивая диалектический и исторический материализм, В. И. Ленин придавал огромное значение разработке функций материалистической диалектики. В этой связи показательно его высказывание в связи с изданием переписки К. Маркса и Ф. Энгельса. Если попытаться одним словом определить фокус этой переписки, писал Ленин, «тот центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет *диалектика*. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с основания ее,— истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,— вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот в чем они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» (24, 264).

Материалистическая диалектика неотъемлема от диалектического материализма. Поэтому без учета того, как В. И. Ленин защищал и развивал философский материализм, подняв его в итоге на новую теоретическую ступень, невозможно до конца понять великую роль и значение ленинского вклада в развитие философии марксизма.

Понимание того, что марксистское учение немыслимо вне применения диалектического материализма к решению вопросов революционной теории и практики, вошло в международное социалистическое движение прежде

всего благодаря В. И. Ленину. Учение К. Маркса и Ф. Энгельса охарактеризовано им как «последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества» (26, 48).

Основополагающая роль материалистического мировоззрения и диалектического метода в теоретической системе марксизма и их возрастающее значение в постановке и решении кардинальных проблем политической борьбы за социализм не были осознаны даже теми теоретиками II Интернационала (такими, например, как Ф. Меринг), чьи сочинения оказывали существенное влияние на восприятие и понимание марксизма в социалистическом движении. При этом сам материализм в новую эпоху уже не мог ни быть защищенным, ни тем более развиваться, не будучи диалектическим. Г. В. Плеханов был прав, когда с горечью констатировал в 1906 г., что «в полемике, вызванной «критическими» усилиями г. Бернштейна и компании, большинство ортодоксальных марксистов оказалось наименее сильными именно в защите *диалектики*»¹. Однако при всех заслугах Г. В. Плеханова как теоретика марксизма и критика ревизионизма его деятельность страдала существенными методологическими изъянами, на что В. И. Ленин указывал в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Решительной защитой диалектического и исторического материализма и его творческим развитием именно Ленин в новых исторических условиях двинул вперед философию Маркса и Энгельса.

Важно подчеркнуть, что в начале XX в. только в трудах и практической борьбе В. И. Ленина диалектический материализм стал подлинно воинствующим и побеждающим, а материалистическая диалектика выступила как действительная алгебра революции. Не случайно в самые трудные для рабочего движения периоды Ленин не прекращал работу над философскими проблемами. Так было и в годы торжества реакции и идейного разброда после поражения революции 1905—1907 гг. в России, когда он создал «Материализм и эмпириокритицизм». Так было и в годы измены идеям

---

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. М., 1957, т. 3, с. 57.

пролетарского интернационализма со стороны многих социал-демократических партий Западной Европы во время мировой империалистической войны, когда он создал «Философские тетради». Интенсивные занятия Ленина философией, получившие столь яркое выражение в «Философских тетрадях», органично связаны с его исследованиями социально-экономических и политических закономерностей эпохи империализма в самый бурный период истории и с выработкой им принципиально новых стратегических решений, приведших в конечном счете к коренному перелому в социалистическом движении и свершению Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Итоги своих длительных исследований социальной диалектики новой эпохи, в которую вступил мир, В. И. Ленин изложил в труде «Империализм, как высшая стадия капитализма», явившемся самым значительным после «Капитала» К. Маркса социально-экономическим произведением марксизма, где материализм и диалектика в их единстве были применены к анализу глубочайших классовых противоречий эпохи. (В этом же ряду стоят и работы В. И. Ленина, направленные против оппортунизма лидеров II Интернационала, его труд «Государство и революция» и др.)

Отдельные социально-экономические перемены, происходившие в новую эпоху, были замечены и довольно широко обсуждались в литературе уже с конца XIX в. Употреблялась и категория «империализм» в применении к общей оценке этих изменений. Но целостной научной теории, которая в соответствии с марксистской методологией давала бы глубокое объяснение всем этим фактам, до Ленина не существовало. Именно он разработал научную теорию, давшую возможность объяснить сущность новых противоречий капитализма на стадии империализма, явившихся развитием и качественным преобразованием прежних противоречий, и показать, что их способна разрешить только социалистическая революция, которая вследствие крайне неравномерного развития стран в эпоху империализма вполне возможна в одной, отдельно взятой стране. Таков главный, эпохальный по своему значению вывод В. И. Ленина из анализа империализма. Категориальный аппарат и законы материалистической диалектики, разработанные им в «Философских тетрадях», сыграли в ленинском исследовании империализма и в развитии стратегии и так-

тики социалистической революции существенную методологическую роль.

Буржуазные авторы философы и ревизионисты теперь не отрицают того, что «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради» — это главные собственно философские произведения В. И. Ленина, и признают, что в них содержится «немало интересного». Вместе с тем эти авторы, как правило, пытаются доказать, что данные произведения не имеют никакого отношения к экономическим и политическим трудам В. И. Ленина, посвященным проблемам империализма, революции 1905—1907 гг. в России, первой мировой войны и борьбы за социализм. При этом утверждается, что стратегия и тактика коммунистического движения, выработанная Лениным, якобы не имеет строгих философских (мировоззренческих и методологических) оснований. Одной из задач настоящего издания является опровержение подобных рассуждений, находящихся в прямом противоречии с исторической истиной, с фактами истории классовой борьбы и развитием философии марксизма-ленинизма в процессе борьбы против политического, социально-экономического и философского ревизионизма. Работа В. И. Ленина над «Материализмом и эмпириокритицизмом» и «Философскими тетрадями» была тесно связана с актуальными задачами политической борьбы, хотя, разумеется, эти труды имеют и широкое общеполитическое значение: прежде всего именно эти два произведения подняли философию марксизма на уровень его ленинского этапа во всех основных частях философского знания и метода. Не предвзятого разбора содержания этих произведений, подчеркнем только, что появление книги «Материализм и эмпириокритицизм» означало крах попыток ревизионистов разрушить теоретические основы марксизма и обеспечило идейную консолидацию партии перед новым подъемом революционного движения. «Философские тетради» же послужили методологической основой трудов В. И. Ленина по империализму и выработки им стратегии и тактики коммунистов, направленной на то, чтобы вывести человечество из пучины мировой империалистической войны и открыть путь к осуществлению социалистической революции.

Разработанная В. И. Лениным генеральная линия революционной борьбы исходила из того, что только социализм является исторически назревшим способом

разрешения социальных противоречий новой эпохи. Благодаря деятельности Ленина, в результате победы социалистической революции и реализации ленинского плана социалистического строительства марксистская философия доказала свою плодотворность и жизнённость как подлинно научная методология и теория реального гуманизма нашей эпохи.

Ныне, когда речь идет об обогащении марксистско-ленинской мысли на качественно новом этапе развития нашего общества, о преодолении явлений застойности и догматизма, которые накопились в общественных науках в последние годы, предшествовавшие апрельскому (1985 г.) Пленуму ЦК КПСС, особую настоятельность приобретает обращение к теоретическому (в том числе и философскому) наследию В. И. Ленина. «...Мы постоянно обращаемся к Владимиру Ильичу Ленину,— подчеркивалось на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС,— его мыслям, идеям. Это — не просто дань огромного уважения, не только признание ленинского авторитета. Это — настоящее стремление возродить в современных условиях, и возродить как можно полнее, дух ленинизма...»¹.

И следует иметь в виду, что «К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин решали задачи своего времени. Они оставили нам великое наследие своих достижений и открытий, диалектико-материалистической методологии, творческий дух исканий истины в науке. Но любым наследием надо пользоваться умело, тем более таким гениальным, как марксизм-ленинизм, таким, которое по своей природе антидогматично, само рождено жизнью и требует постоянного проникновения в тайны общественного бытия. Суть в том, чтобы накопленный теоретический и методологический потенциал, само диалектическое мышление направить на выдвижение и стимулирование новых положений и подходов. Отправная теоретическая задача может быть кратко сформулирована так: *современный социализм должен познать в первую очередь самого себя*»².

---

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 27—28 января 1987 года. М., 1987, с. 65.

² Яковлев А. Достижение качественно нового состояния советского общества и общественные науки.— Коммунист, 1987, № 8, с. 10.

В предлагаемой вниманию читателей работе содержится систематический анализ главных философских трудов В. И. Ленина — «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради». Авторы стремились охарактеризовать ленинский вклад в философию марксизма, рассматривая эти произведения как важнейшие взаимосвязанные звенья общего процесса развития диалектического и исторического материализма в XX в. в контексте общественно-политической борьбы эпохи. Они видели свою задачу в том, чтобы донести до читателей хотя бы в основных чертах богатейшее содержание ленинских сочинений, а также противопоставить буржуазным и ревизионистским фальсификациям итоги научного исследования истории философии марксизма-ленинизма, достигнутые советскими и зарубежными историками философской и общественной мысли. При этом учитывалась новейшая литература по данной тематике и материалы философских дискуссий, состоявшихся в нашей стране и за рубежом.

В книге рассматриваются также философские идеи В. И. Ленина, содержащиеся в его работах «Карл Маркс» и «О значении воинствующего материализма». Статья «Карл Маркс», в которой дается целостное изложение марксизма, в том числе его философии, является как бы связующим звеном между «Материализмом и эмпириокритицизмом» и «Философскими тетрадями». Работа «О значении воинствующего материализма», представляющая собой философское завещание В. И. Ленина, синтезирует основные идеи двух главных его философских трудов и намечает перспективы и пути дальнейшего развития и применения диалектико-материалистической философии.

В наши дни, когда в социалистическом обществе происходят глубокие процессы обновления и перестройки, начатые апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС и XXVII съездом партии, живительный дух ленинской диалектической мысли всем нам особенно необходим. Новое мышление, верное правдивому осмыслению действительности во всей ее сложности и взаимопереплетении присущих ей противоречий и чуждое какой бы то ни было фальши, лжи, самообману и «полуправде», есть подлинно ленинское мышление, но оно развивается далее в качественно иных, современных нам условиях внут-

ренной и международной жизни. Важными чертами этого нового мышления являются непримиримость к догматизму, шаблонности в мышлении и поведении, к застою и робости в постановке проблем. Самокритичность нового мышления, его глубокий историзм, творческий охват всего происшедшего и происходящего в его динамической полноте, во всем комплексе причинно-следственных диалектических связей — все это выражает, так сказать, «неаксиоматический» характер подлинно научного социального познания, ориентацию его не на отдельные «фактики» и выборочные примеры, а на действительность во всем ее многостороннем многообразии и единстве, не укладывающуюся в какую-либо двузначную, контрастную («черно-белую») схему. Подобные схемы порождаются чисто формальной экстраполяцией предвзятых и упрощенных представлений о якобы неизменной сущности вещей. Между тем В. И. Ленин прозорливо отмечал, что «...не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности* вещей также» (29, 227).

Чтобы своевременно и точно отразить коренные изменения, происходящие ныне не только в явлениях, но и в самой сущности развивающегося социализма, надо иметь в виду, что «наступил именно тот исторический момент, когда теория превращается в практику, оживляется практикой, исправляется практикой, проверяется практикой...» (35, 202). И это свидетельствует не о каком-то «растворении» теории в практике, но, наоборот, о ее обогащении практикой жизни, а значит, о подъеме диалектико-материалистической теории на новый, качественно более высокий, творческий уровень.

ВЛ. ИЛЬИНЪ.

**МАТЕРІАЛИЗМЪ
И
ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМЪ**

критическія замѣтки объ одной
реакціонной философіи.

ИЗДАНИЕ „ЗВЕНО“
МОСКВА
1909

Раздел I

*„МАТЕРІАЛИЗМ
И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ“*

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ ЛЕНИНСКОГО ТРУДА

*Социально-
политическая
обстановка*

На рубеже прошлого и нынешнего веков человечество вступило в новую эпоху всемирной истории. Начало этой эпохи было связано с перерастанием европейского и североамериканского капитализма в его империалистическую стадию и новым подъемом пролетарского движения европейских стран, а также с «пробуждением Азии» к национально-освободительным движениям. Все это настоятельно требовало глубокого анализа новой действительности с творческих марксистских позиций. Существенно то, что российское пролетарское революционное движение в начале XX в. приобрело всемирно-историческое значение. Русская революция 1905—1907 гг. не только вызвала глубокие социально-политические сдвиги в самой России, но и революционизировала народные массы во многих странах мира.

Борьба пролетариата России под руководством большевиков явилась необходимой предпосылкой дальнейшего развития научной идеологии пролетариата, его революционной теории. «В творческом развитии марксизма Ленин видел необходимое условие действенности революционного учения, ключ к теоретическому и практическому решению назревших задач рабочего класса, важнейшее средство борьбы против правого и «левого» оппортунизма, догматизма и ревизионизма всех мастей»¹. Первая русская революция подтвердила справедливость ленинских оценок международного и российского развития, содержащихся в его работах конца XIX — начала XX в. После поражения буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. в России встала неотложная задача: проанализировать новые исторические события и теоретически обобщить опыт клас-

---

¹ К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза. М., 1970, с. 4.

совой борьбы в период российской революции. В. И. Ленин в этой связи писал: «...периодами временного затишья в массовом действии мы должны воспользоваться, чтобы критически изучить опыт великой революции, проверить его, очистить от шлаков, передать его массам как руководство для грядущей борьбы» (16, 411).

Изучение опыта революции происходило в очень трудных условиях. Поражение революции означало торжество реакции. Царизм мстил народу, прежде всего российскому пролетариату. На партию обрушились жестокие репрессии. Главный удар самодержавие направило против гегемона революционного движения — рабочего класса и его авангарда — марксистской партии. Монархия, помещики и крупная буржуазия общим фронтом шли на рабочий класс. В статье «Наши упразднители» (1911) В. И. Ленин подчеркнул реакционность поведения бывших либералов и разброд в мелкобуржуазной среде. Казнями, прочими экзекуциями и ссылками на каторгу царизм стремился запугать рабочих и крестьян. «Партия рабочего класса находилась в особенно тяжелом положении. Репрессиям подверглись почти все местные партийные организации. Большевицкая организация Петербурга за годы реакции перенесла 15 массовых арестов руководящих партийных работников. Столичный комитет полностью арестовывали шесть раз. Московский комитет и Московский окружной комитет арестовывались 11 раз»¹.

Полицейские акции царизма подкреплялись, с одной стороны, экономическим давлением в различных формах — от традиционного изгнания активных участников революции с работы до проведения аграрной политики, нацеленной на усиление кулачества. «Царское правительство, помещики и капиталисты, — отмечал В. И. Ленин, — бешено *мстили* революционным классам, и пролетариату в первую голову, за революцию...» (20, 72). С другой стороны, волна репрессий подкреплялась идеологически. «В печати на все лады воспевались верно-подданные идеи, прославлялся «прогресс» царизма, оплевывалась революция. Книжный рынок наводнили черносотенные издания. Повальными обысками была проведена радикальная очистка всех книжных магазинов и библиотек страны от «крамольной» или даже

---

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т. М., 1966, т. 2, с. 245.

«сомнительной» литературы, запрещена деятельность рабочих организаций, общеобразовательных курсов, народных домов»¹.

*Идеологическая
обстановка*

В. И. Ленин писал об этом периоде в идеологической жизни России: «Упадок, деморализация, расколы, разброд, ренегатство, порнография на место политики. Усиление тяги к философскому идеализму; мистицизм, как облачение контрреволюционных настроений» (41, 10). В стане откровенной идеологической реакции оказалась и либерально-буржуазная интеллигенция, вчера еще заигрывавшая с марксизмом. Книга «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции» (1909) стала действительно начальной вехой на пути предательства либералов, братания их с монархией. Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М. О. Гершензон, П. Б. Струве, С. Л. Франк и другие участники «Вех» поносили разум, прогресс, науку, ратовали за иррационализм и мистику. Это была, по словам В. И. Ленина, «энциклопедия либерального ренегатства», она свидетельствовала о широком идеологическом сплочении сил контрреволюции, о поднимавшейся волне религиозного идеализма.

Не только собственно религиозная и философская литература, но и публицистика, художественная проза и поэзия насыщались подобного рода идеями и мотивами. Буржуазно-дворянские писатели и поэты — от Д. С. Мережковского до М. П. Арцыбашева — создавали произведения, нацеленные на духовное растрепывание читателей. Шельмование революции и освободительных идей сопровождалось призывами к бегству от реальности, в мир мистических грез.

В этой обстановке популяризовавшийся еще с 1877 г. В. В. Лесевичем, а затем В. М. Черновым и другими буржуазными и мелкобуржуазными авторами махизм (эмпириокритицизм)² приобрел специфическую функцию. Наукообразность махизма, самореклама его как «философии науки» делали махистские воззрения привлекательными для временных «попутчиков» пролетариата — интеллигентов, которые, примкнув к партии, принесли в рабочее движение груз мелкобуржуазных

¹ История Коммунистической партии Советского Союза. В 6 т., т. 2, с. 244—245.

² Подробную характеристику этого субъективно-идеалистического философского течения см.: Буржуазная философия кануна и начала империализма. М., 1977, с. 125—163.

предрассудков и теоретических иллюзий. В. И. Ленин отмечал: «Когда рабочая партия растет особенно быстро (как это было у нас в 1905—1906 годах), проникновение в нее массы элементов, пропитанных мелкобуржуазным духом, неизбежно... Историческая задача пролетариата — переваривать, переучивать, перевоспитывать все элементы старого общества, которые оно оставляет ему в наследство в виде выходцев из мелкой буржуазии» (19, 106—107).

Усиленно популяризировали махизм в России меньшевики Н. Валентинов (Н. В. Вольский), П. С. Юшkevич и другие.

Этим же занялись и примыкавшие в политике к большевикам А. А. Богданов, А. В. Луначарский, В. А. Базаров, С. А. Суворов, разделявшие распространенный среди западноевропейских социал-демократов ревизионистский миф о якобы отсутствии в марксизме философского основания. Согласно этой точке зрения, марксизм представляет собой сочетание политико-экономического учения и социологии, и потому надо чем-то «дополнить» марксизм в философском отношении. Эти мелкобуржуазные шатания развились в благоприятной для них обстановке реакции, наступившей после поражения революции 1905—1907 гг. Под давлением насаждавшейся сверху буржуазно-дворянской идеологии некоторые партийные интеллигенты обратились к религиозным идеям и заговорили о «богостроительстве». А. В. Луначарский, прослушавший в 1895—1896 гг. в Цюрихе курс лекций Р. Авенариуса и принимавший участие в двух его семинарах, стал сторонником его идей. Еще перед революцией 1905—1907 гг. он начал проповедовать некую «новую пролетарскую религию», в которой место бога занимали коллектив, прогресс общества. Такое «богостроительство» смыкалось с активным «богоискательством» вообще как с частью общего религиозно-идеалистического движения. В. И. Ленин отмечал: «Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый черт отличается от черта синего» (48, 226). В конечном счете это поветрие соответствовало спросу контрреволюционной русской буржуазии на религию, стремлению привить ее народу (см. 19, 90).

Говоря о трехлетии, закончившемся летом 1910 г., и о резкой смене условий общественной жизни, В. И. Ле-

нин в статье «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» (1910) подчеркивал: «Отражением смены явился глубокий распад, разброд, всякого рода шатания, одним словом,—серьезнейший *внутренний* кризис марксизма. Решительный отпор этому распаду, решительная и упорная борьба за *основы* марксизма встала опять на очередь дня. Чрезвычайно широкие слои тех классов, которые не могут миновать марксизма при формулировке своих задач, усвоили себе марксизм в предыдущую эпоху крайне односторонне, уродливо, затвердив те или иные «лозунги», те или иные ответы на тактические вопросы и *не поняв* марксистских критериев этих ответов. «Переоценка всех ценностей» в различных областях общественной жизни повела к «ревизии» наиболее абстрактных и общих философских основ марксизма. Влияние буржуазной философии в ее разнообразных идеалистических оттенках сказалось в махистском поветрии среди марксистов...

С другой стороны, дух веховщины, дух отречения, охвативший самые широкие слои буржуазии, проник и в то течение, которое стремится уложить марксистскую теорию и практику в русло «умеренности и аккуратности» (20, 88).

«Веховцы», по словам В. И. Ленина, помогли буржуазии обзавестись новейшей идеологической «палкой». Реакция — и веховская, и кадетская — принялась также и за усиленную пропаганду обычной религии. Именно махизм (эмпириокритицизм), будучи антиматериалистической философией, дал методологическую основу этим реакционным явлениям в идеологической жизни России тех лет. А. А. Богданов заявлял, что пролетариат России должен проявить недоверие к материализму Энгельса, поскольку он-де восходит в своих источниках к буржуазному материализму Гольбаха, и учиться у Маха, для которого характерно «беспощадное истребление всех идолов мысли»¹.

В статье «Наши упразднители» В. И. Ленин, говоря об идеологической борьбе в рассматриваемый период, отмечал: «При богатстве и разносторонности идейного содержания марксизма ничего нет удивительного в том, что в России, как и в других странах, различные истори-

---

¹ Богданов А. Вместо предисловия. Чего искать русскому читателю у Эрнста Маха.— В кн.: Мах Э. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. М., 1908, с. 11.

ческие периоды выдвигают особенно вперед то одну, то другую сторону марксизма... В России до революции особенно выдвинулось применение экономического учения Маркса к нашей действительности, во время революции — марксистская политика, после революции — марксистская философия» (20, 128). Послеревolutionное время требовало, по выражению В. И. Ленина, «переваривания», глубокого осмысления уроков революции, а это придавало особую значимость теоретическим и собственно философским вопросам.

Но дело было не только в специфических российских условиях. Борьба с ревизионизмом уже к концу XIX в. приобрела международный характер, и критическая «разборка» реакционных идей служила интересам мирового пролетариата. «Эта философская «разборка», — писал В. И. Ленин, — подготовлялась давно и в других странах мира постольку, поскольку, например, новая физика поставила ряд новых вопросов, с которыми должен был «сладить» диалектический материализм. В этом отношении «наш» (по выражению Потресова) философский спор имеет не только известное, т. е. русское, значение. Европа дала материал для «освежения» философской мысли, а отставшая Россия во время вынужденного затишья 1908—1910 гг. особенно «жадно» бросилась на этот материал» (20, 128—129). Этот «философский спор» был важен не только с точки зрения критики общей философской «беззаботности» ряда лидеров западноевропейской социал-демократии, но и вследствие прямого отказа от материалистической диалектики ряда социал-демократических теоретиков стран Запада.

Социал-демократы и махизм В гносеологическом отношении махизм делал выгодные для себя выводы из революции в естествознании на рубеже столетий. При этом он широко использовал ситуацию мировоззренческого «кризиса в физике», связанного с кризисом в методологии, теоретико-познавательные ошибки ученых-естествоиспытателей. В конце 1904 г. со статьей против махиста Богданова выступила член меньшевистской фракции Л. И. Аксельрод (Ортодокс), а летом 1905 г. начал критиковать русских махистов в печати и Г. В. Плеханов, признанный философский авторитет среди социал-демократов и меньшевистский лидер. Но связь махизма с проблемами естествознания они не поняли, тогда как В. И. Ленин обратил

на нее самое пристальное внимание. Эта ошибка Плеханова не являлась случайностью, а была связана с неглубоким пониманием диалектики. Он не был в состоянии отстоять позиции диалектического материализма в философских вопросах естествознания. Правда, Плеханов немало сделал ранее для заполнения «философского вакуума» во II Интернационале, для защиты материализма; однако, несмотря на это, в сознание ряда теоретиков проникли идеи позитивизма и неокантианства, а затем и махизма. Теперь же, исходя из своих фракционных интересов, Плеханов попытался выявить некую внутреннюю связь, существующую якобы между махизмом и большевизмом. Эта его попытка вносила в отношения между политикой и философией большую идеологическую путаницу (см. 47, 138 и 151), хотя Плеханов критиковал и махистов-меньшевиков.

Важно подчеркнуть, что махизм проник в Россию именно в качестве будто бы самой современной и новейшей «философии науки». Недаром потом, в 1906 г., А. А. Богданов прославлял Маха как великого разрушителя научных фетишей¹. Первым и крупнейшим эмпириокритиком в России В. И. Ленин назвал близкого к журналу «Русское богатство» В. В. Лесевича, который всячески старался убедить своих читателей в «научности» этой философии.

Критика философии Маха, Авенариуса и их последователей стала для партии важным моментом общей борьбы с буржуазно-дворянской идеологией и со всей идеологией новейшего, не только русского, ревизионизма. Своеобразие ситуации заключалось в том, что эмпириокритицизм А. А. Богданова, эмпириосимволизм П. С. Юшкевича и «религиозный атеизм» А. В. Луначарского и т. п. оказались при этом модернизациями махизма, созданными людьми, утверждавшими, что они выступают от имени марксизма. Непосредственным толчком к философской критике В. И. Лениным махизма стало появление проникнутого махистскими идеями сборника «Очерки по философии марксизма» (1908).

Лидеры II Интернационала во главе с К. Каутским, придерживавшиеся в это время эклектических философских воззрений, отнеслись к махизму сочувственно. Если в конце XIX в. и в первые годы XX в. К. Каутский, ко-

---

¹ См.: Богданов А. А. Эмпириомонизм. Спб., 1906, кн. III, с. XII.

торый тогда еще не перешел на ревизионистские позиции, безоговорочно считался сторонником мировоззрения К. Маркса и Ф. Энгельса, то теперь он рассуждал так: «Вы спрашиваете, является ли Мах марксистом. Это зависит от того, что понимать под марксизмом. Я марксизм рассматриваю не как философское учение, а как эмпирическую науку, как особое понимание общества. Это воззрение, правда, несовместимо с идеалистической философией, но оно не противоречит теории познания Маха»¹. С этих позиций Каутский оценивал борьбу Г. В. Плеханова против махистской теории познания как излишнюю, поскольку-де Маркс объявил «конец всякой философии». Вопрос о философских основах марксистской теории Каутский считал настолько несущественным, что квалифицировал махизм как частное дело каждого; но когда в 1908 г. Маху исполнилось 70 лет, тот же Каутский счел возможным напечатать в «Die Neue Zeit» хвалебную статью А. А. Богданова о Махе.

Другие теоретики II Интернационала, такие, как, например, Э. Бернштейн, встали на путь прямой критики философских основ марксизма, «доказывая» при этом не только ненужность, но и вредность диалектики. Вообще отношение махистов, в том числе и русских, к материалистической диалектике было в принципе враждебным. Я. А. Берман в работе «Диалектика в свете современной теории познания» (1908) рассуждал о том, что диалектика мешает увидеть «истинность» махизма, а новейшее естествознание диалектику-де опровергает, поскольку никаких противоречий в процессах природы якобы не оказалось и противоречия бывают только в мыслях. Он всячески рекламировал идеи крайнего релятивизма как «научные». Между тем В. И. Ленин вскоре показал, что принцип релятивизма — *«при незнании диалектики»* — неминуемо ведет к идеализму» (18, 327). А. А. Богданов, пытаясь дискредитировать диалектику и представить ее в лучшем случае лишь как подготовительную ступень к идеям равновесия, организации и экономики мышления, не прочь был вместе с тем поиздеваться над склонностью Г. В. Плеханова к метафизическим «абсолютам», софистически смешивая моменты плехановского догматизма в вопросах политики с его непоколебимой приверженностью материализму. Роль диалектики в отношениях между двумя основными направле-

---

¹ Der Kampf, 1909, N 10, S. 452.

ниями в философии была при этом безнадежно запутана.

Говоря о положении и роли философии у деятелей II Интернационала, В. И. Ленин сделал следующий вывод (в письме А. М. Горькому от 13 февраля 1908 г.): «Материализм, как философия, *везде у них в загоне*. «*Neue Zeit*», самый выдержанный и знающий орган, равнодушен к философии, никогда не был ярым сторонником философского материализма, а в последнее время печатал, без единой оговорки, эмпириокритиков» (47, 137—138). Отметил Ленин и возрастающее тяготение теоретиков II Интернационала к махизму.

Отрицательную оценку махизму В. И. Ленин дал с первых же шагов проникновения этого учения в рабочее движение. Он внимательно ознакомился с работами А. А. Богданова (одну из них проштудировал еще в сибирской ссылке), А. В. Луначарского и других сторонников идей Авенариуса и Маха. Общая характеристика философской эволюции Богданова, данная Лениным, очень конкретна и подробна: «За девять лет, с 1899 по 1908 год, Богданов прошел четыре стадии своего философского блуждания. Он был сначала «естественноисторическим» (т. е. наполовину бессознательным и стихийно-верным духу естествознания) материалистом. «Основные элементы исторического взгляда на природу» носят на себе явные следы этой стадии. Вторая ступень — модная в конце 90-х годов прошлого века «энергетика» Оствальда, т. е. путаный агностицизм, спотыкающийся кое-где в идеализм. От Оствальда (на обложке «Лекций по натурфилософии» Оствальда стоит: «посвящается Э. Маху») Богданов перешел к Маху, т. е. перенял основные посылки субъективного идеализма, непоследовательного и сбивчивого, как вся философия Маха. Четвертая стадия: попытки убрать некоторые противоречия махизма, создать подобие объективного идеализма» (18, 243). Эти попытки были связаны и с «богостроительством» Богданова, причем «бог» выступал как некий «комплекс» социально-организующих чувств, и с теорией «всеобщей подстановки», и с другими поисками объективации «общезначимых» «организационных» связей и отношений, где смутные предвосхищения принципа системности потонули в идеалистической схоластике (см. 25, 355; 48, 231—232). Все более явно обнаруживалась враждебность Богданова марксистской диалектике: для него противоречия выступали лишь как проявления дезорганизации в обществе. Спенсеровский принцип равновесия, пред-

ставлявший собой центральное понятие пресловутой всеобщей «организационной науки» Богданова, сводил у него все отношения между людьми к технико-энергетическим связям, полностью выхолащивая классовое содержание социальных противоречий. Но субъективный идеализм снова и снова обнаруживал себя: «организационные» связи Богданов в свою очередь сводил к физиологическим, вслед за Махом находя «тайну философии» в физиологии, понятой как описание ощущений на принятом в ней языке.

На третий выпуск «Эмпириомонизма» (1906) Богданова Ленин отреагировал подробным его разбором, занявшим три тетради. В письме к Горькому он вспоминал: «Сии тетрадки показал я некоторым друзьям (Луначарскому в том числе) и подумывал было напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии», но не собрался» (47, 142). Когда же ревизионистский поход против философии марксизма развернулся вовсю, Ленин усмотрел в критическом анализе махистских концепций очень важную и теперь уже неотложную теоретическую и политическую партийную задачу. Он прозорливо увидел то, чего не видели многие партийные деятели, а именно: что махизм как разновидность субъективного идеализма есть орудие реакции и что существует тесная внутренняя связь не только между философией махизма и «богостроительством» в мировоззрении, но и между махизмом и тактическим отзовизмом и ликвидаторством в политике. Поэтому совещание расширенной редакции газеты большевиков «Пролетарий» по инициативе В. И. Ленина вскоре приняло ряд принципиально важных резолюций по этому вопросу.

В борьбе В. И. Ленина против махизма выделяются два этапа. В 1904—1907 гг. он считал необходимым отделить философскую критику в адрес наиболее влиятельного русского махиста А. А. Богданова — автора «Эмпириомонизма» (кн. 1—3) от задач партийной работы и политической борьбы. Ведь и Богданов, и Луначарский, и Базаров в эти годы в той или иной мере примыкали к большевикам, и вносить раскол в политическую деятельность публицистов-большевиков по собственно философским мотивам в тех условиях было нежелательно. Поэтому свою критику Ленин повел в форме разъяснения Богданову его ошибок. По-видимому, уже в первой половине 1904 г. Ленин сделал начальный набросок работы по критике махистской ревизии в философии.

Однако к 1908 г. обстановка изменилась. Меньшевики, и прежде всего Г. В. Плеханов (начиная с его статьи в августе 1905 г. «Выбранные места из переписки с друзьями»¹) и Л. И. Аксельрод (Ортодокс), а также кадет Н. А. Бердяев и эсеры стали аттестовать махизм как философию большевиков, будто бы обосновывающую ленинский «бланкизм» и «волютаризм» (А. М. Горькому, наоборот, казалось, что Ленин в противоположность Богданову и К⁰ занял позицию «фатализма»). Русские махисты вообще резко усилили свою пропагандистскую деятельность в философии. В 1906 г. вышла в свет третья книга «Эмпириомонизма», вызвавшая глубокое возмущение Ленина. Появились и три книги Юшкевича, Бермана и Валентинова, а также «Очерки по философии марксизма» (1908), представлявшие собой сборник статей Базарова, Богданова, Луначарского, Бермана, Гельфонда, Юшкевича и Суворова. У Богданова проявились политические шатания волютаристского характера (отзовизм), которые привели к исключению его в 1909 г. из партии, после чего он стал разжигать фракционную борьбу. В. И. Ленин принял теперь решение выступить против махизма в печати со специальной работой. В письме А. М. Горькому от 24 марта 1908 г. он писал: «Бой *абсолютно* неизбежен... Нейтральности в таком вопросе быть не может и *не будет*» (47, 151). При этом в борьбе против махизма он стремился сохранить философский союз с Плехановым, признавшим правоту Ленина в вопросе критики махистов.

В. И. Ленин писал «Материализм и эмпириокритицизм» с февраля по октябрь 1908 г. Он напряженно изучал научную литературу вопроса в широком диапазоне смежных тем, работал в библиотеках Женевы, Лондона и Парижа, а затем вплоть до декабря того же года вносил в текст уточнения, исправления и дополнения. Книга была выпущена в свет издательством «Звено» в Москве и в конце апреля — начале мая 1909 г. появилась в книжных магазинах крупнейших городов России. Ее ожидали с нетерпением, и она быстро разошлась.

Книга состоит из небольшого «Предисловия», вступительного текста «Вместо введения», в котором Ленин напоминает о критике субъективного идеализма Беркли со стороны великого материалиста XVIII в. Дидро, шести глав, «Заключения» и «Добавления к § 1-му главы IV.

---

¹ См.: Плеханов Г. В. Соч. М.—Л., 1926, т. 13, с. 274—275.

С какой стороны подходил Н. Г. Чернышевский к критике кантианства?» Вступительный текст и «Добавление» призваны, в частности, обратить внимание читателей на наличие глубокой, в том числе российской, традиции принципиальной материалистической критики в адрес субъективного идеализма и агностицизма, а также подчеркнуть берклианские и неокантианские историко-философские корни махизма. Первые три главы книги содержат противопоставление махистской гносеологии теории познания диалектического материализма; в четвертой главе рассматриваются родственные эмпириокритицизму течения и тенденции его эволюции; в пятой трактуются вопросы революции в естествознании и методологически-мировоззренческого кризиса в физике; наконец, в шестой разоблачаются махистские фальсификации исторического материализма и тот вред, который махизм в целом приносит обществоведению.

Книга «Материализм и эмпириокритицизм» имеет скромный подзаголовок: «Критические заметки об одной реакционной философии». Этот труд составил эпоху в развитии марксистской философии. В. И. Ленин убедительно доказал всю ложность философских построений ревизионистов, рядившихся в тогу «подлинных» марксистов. Он показал действительное место махизма в истории философской мысли, его идейные истоки и тенденцию его дальнейшей эволюции, ведущую к смыканию с религиозным идеализмом. В. И. Ленин вскрыл гносеологические корни махизма и его связь с агностическими и идеалистическими шатаниями в новейшем естествознании. Вместе с тем было указано и на реакционное политическое значение махизма, на то, что объективная классовая роль эмпириокритицизма состоит в прислужничестве фидеистам (сторонникам религиозной веры) в их борьбе против материализма и в проведении реакционной линии в подходе к вопросам политики, в закреплении вообще ревизионистского «стиля мышления». Выявив сущность мировоззренческого кризиса в физике и подвергнув глубокой критике «физический идеализм», В. И. Ленин не только отстоял, но и существенно развил философию диалектического материализма,

КРИТИКА ИДЕАЛИЗМА И ПРИНЦИП ПАРТИЙНОСТИ ФИЛОСОФИИ

*Критика
субъективного
идеализма*

Критика В. И. Лениным философского идеализма — прямое продолжение и развитие традиций борьбы К. Маркса и Ф. Энгельса против буржуазной идеологии в философии. «Материализм и эмпириокритицизм» был направлен прежде всего против махистской философии; вместе с тем Ленин подверг здесь глубокой критике и основные идеи философских предшественников эмпириокритицизма в лице Дж. Беркли, Д. Юма, Дж. С. Милля, неокантианцев и родственных махизму течений буржуазной философии, а в методологическом отношении и основные идеи всей буржуазной философии периода становления империализма. Ленинская критика в адрес Э. Маха, Р. Авенариуса, школы имманентов, а также эпигонов из числа философских ревизионистов марксизма имеет непреходящее значение и является могучим оружием в идеологической борьбе против буржуазной философии наших дней и философских основ марксологии и ревизионизма.

Эмпириокритицизм (махизм) возник еще в 70—80-х гг. XIX в. как попытка осмысления в духе берклианско-юмистского идеализма успехов естествознания, обнаруживших ограниченность и недостаточность механистического материализма и всей прежней классической картины мира. Эмпириокритицизм использовал субъективно-идеалистические высказывания творцов новой термодинамики и психофизиологии (Г. Кирхгофа, И. Мюллера, Г. Гельмгольца и других), столкнувшихся с некоторыми теоретическими трудностями в своих науках. В дальнейшем эмпириокритики стали истолковывать на свой лад бурные преобразования в физике, последовавшие за открытием электрона (1897) и радиоактивности (1896).

Враждебность махизма (эмпириокритицизма) к материализму вообще и к диалектическому материализму в особенности маскировалась его сторонниками не толь-

ко с помощью уверений в том, что им удалось создать «оригинальную» философию, но и посредством утверждений, что прежняя взаимная борьба между материализмом и идеализмом якобы вообще утратила всякий смысл. В. И. Ленин разоблачил претензии махистов на «преодоление» ими основной историко-философской противоположности, на их философскую «нейтральность» и «надпартийность». Вскрыв специфические черты буржуазного философского мышления XX в., характерные для всех ведущих школ новейшего идеализма, Ленин в тесной связи с критикой буржуазной философии и философского ревизионизма разработал такие важные теоретические проблемы диалектического и исторического материализма, как принцип партийности в философии и принципы критики идеализма и позитивизма вообще. «Материализм и эмпириокритицизм» — важнейшее философское произведение Ленина, в котором теоретическая проблематика марксизма развита через прямое противопоставление его современной буржуазной философской мысли в целом.

В. И. Ленин убедительно доказал, что махизм (эмпириокритицизм) явился новой разновидностью позитивизма — течения, чрезвычайно характерного для умонастроений буржуазии в эпоху ее духовного и политического кризиса. «...Суть дела, — отмечал Ленин, — состоит в коренном расхождении материализма со всем широким течением позитивизма, *внутри* которого находятся и Ог. Конт, и Г. Спенсер, и Михайловский, и ряд неокантианцев, и Мах с Авенариусом» (18, 214). При этом для махистской формы позитивизма были характерны и непосредственные заимствования из идеализма и агностицизма XVIII в.: «Начав с Канта, и Мах и Авенариус пошли от него не к материализму, а в обратную сторону, к Юму и к Беркли» (18, 379). Махисты взяли у своих британских предтеч отождествление реальных объектов с комплексами ощущений субъекта и расширенно воспроизвели свойственную их взглядам субъективизацию причинности, концепцию «экономии мышления» и даже зачатки конвенционализма (понимание истины как условной, установленной в результате соглашения). Ленин указывал и на наличие в махизме субъективно-идеалистических фихтеанских мотивов. Вместе с тем он подверг анализу связь махизма с родственными ему по духу течениями — так называемой имманентной школой, неокантианством, неокритицизмом, прагматизмом, эмпи-

риомонизмом, концепцией всеобщего символизма и др. Специально была исследована также связь махизма с философской ревизией марксизма, хотя и не тождественной ревизионизму политическому, но прокладывающей ему дорогу.

Уже в тезисах «Десять вопросов референту», написанных в первой половине мая 1908 г. и явившихся кратким наброском основных идей начатой книги, В. И. Ленин решительно отмежевался от махизма А. А. Богданова и его сторонников, подчеркнув идеалистический характер этой философии и тесную связь ее с «явно идеалистической» философией представителя имманентной школы В. Шуппе. В «Материализме и эмпириокритицизме» В. И. Ленин подверг критике не только А. А. Богданова, но и временно примыкавшего к большевикам В. А. Базарова, меньшевиков П. С. Юшкевича и Н. Валентинова (Н. В. Вольского), эсера В. М. Чернова и других участников политической борьбы. Ревизионистам-махистам Ленин ставил в упрек «их *чисто ревизионистский* прием — изменять *сути* материализма под видом критики *формы* его...» (18, 266). В письмах А. М. Горькому в феврале 1908 г. Ленин подчеркивал настоятельную необходимость дать ревизионистам отпор и очистить марксизм от внесенных ими извращений. «Все мещанские течения в социал-демократии, — отмечал он, — воюют всего больше с философским материализмом, тянут к Канту, к неокантианству, к критической философии» (47, 138). В «Материализме и эмпириокритицизме» в целом было доказано, что «все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм, — вот чем характеризуется современный ревизионизм...» (18, 351).

Краеугольным камнем махистских построений являлась концепция так называемых «нейтральных элементов». Р. Авенариус и Э. Мах строили иллюзорные расчеты на то, что «номенклатура способна изменить философскую линию, что ощущения, названные «элементами», перестали быть ощущениями!» (18, 108). При этом ощущения были поняты махистами, по существу, субъективно-идеалистически, ибо «одно дело — *исходить* из ощущений, и совсем другое — *ограничиваться* ими, останавливаться на них»¹, а именно последнее и сдела-

---

¹ Ленин как философ. М., 1969, с. 211.

ли в теории познания махисты. Ленин разоблачил подобные ухищрения, показав всю бесплодность связанных с ними расчетов: «...«новейшие» махисты не привели против материалистов ни одного, буквально ни единого довода, которого бы не было у епископа Беркли» (18, 31). Ревизионисты и здесь пошли вслед за махистами. При этом существо их общих философских конструкций оставалось субъективным идеализмом, перерастающим в солипсизм (т. е. признание за существующее только данного «я») и фидеизм (т. е. подчинение разума религиозной вере), хотя и соединенным с отдельными материалистическими оговорками, которые были необходимы махистам и их ревизионистским продолжателям, для того чтобы затушевать несовместимость своих воззрений с научным познанием.

В. И. Ленин показал, что неуклонное падение эмпириокритических построений в пропасть солипсизма является общей закономерностью внутренней эволюции всякого субъективного идеализма: «Если тела суть «комплексы ощущений», как говорит Мах, или «комбинации ощущений», как говорил Беркли, то из этого неизбежно следует, что весь мир есть только мое представление» (18, 35). И здесь не спасают ни словечко-прикрытие «элемент», ни материалистические оговорки, ни идея о пресловутом потенциальном «центральной члене» так называемой принципиальной координации субъекта и объекта¹, который мог бы быть «примыслен» к ситуации, где нет или не было субъектов (например, до возникновения человека). Ухищрение со ссылкой на тот потенциальный противочлен объекта, который в случае отсутствия реального субъекта его «заменяет», что будто бы доказывает наличие взаимообусловленности сосуществования объекта и субъекта, глубоко софистично и фальшиво. Это парафраз субъективного идеализма. «...Таким образом,— заключает Ленин,— Авенариус делает индивидуальное Я лица, ставящего вопрос или мысль о таком Я, условием не простого акта мысли о необитаемой земле, а условием нашего права мыслить существование земли в то время» (18, 76).

Солипсизм остается непреодоленным и при использовании мнимо «объективной» терминологии, когда он объявляется не «обыкновенным», а лишь «теоретико-

---

¹ Об учении Р. Авенариуса о так называемой «принципиальной координации» см. подробно: Буржуазная философия кануна и начала империализма, с. 130—132.

познавательным» (см. 18, 226), «коллективным» и т. д. Ссылки на «коллективное Я» отнюдь не выводят за пределы субъективного идеализма или спиритуализма (см. 18, 242). Следует отметить, что в последней четверти XX в. в буржуазной философии вновь оживились поиски «коллективного Я» (в 60-х гг. этим занимались уже некоторые деятели «франкфуртской школы»). Такие поиски смыкаются с идеями бихевиоризма, вульгарного социологизма и пресловутого «неомарксизма».

Одним из средств обоснования махизма стал принцип «экономии мышления», который ввел в заблуждение и такого крупного ученого математика и физика, как А. Пуанкаре. В. И. Ленин показал, что этот принцип в его махистском толковании является лишь одной из форм выражения субъективного идеализма и вместе с тем содержит некоторый момент априоризма (отрицания значения опыта). Принцип «экономии мышления» в этом толковании не только оказывается неопределенным, но и ведет к утверждениям о возможности существования движения или силы без материи, индивидуального «Я» — без общества и природы, мысли — без реальности. «Экономнее» всего «мыслить», что существу только я и мои ощущения,— это неоспоримо, раз мы вносим в *гносеологию* столь нелепое понятие,— замечал Ленин.— «Экономнее» ли «мыслить» атом неделимым или состоящим из положительных и отрицательных электронов? «Экономнее» ли мыслить русскую буржуазную революцию проводимой либералами или проводимой против либералов? Достаточно поставить вопрос, чтобы видеть нелепость, субъективизм применения *здесь* категории «экономии мышления». Мышление человека тогда «экономно», когда оно *правильно* отражает объективную истину, и критерием этой правильности служит практика, эксперимент, индустрия. Только при отрицании объективной реальности, т. е. при отрицании *основ* марксизма, можно всерьез говорить об экономии мышления в теории познания!» (18, 176).

Критику В. И. Лениным принципа «экономии мышления» было бы ошибочно понимать в абсолютном смысле. Ленин отнюдь не выступал против «экономии мышления» в смысле дидактическом. В преподавании и обучении «экономность» рассуждения и хода доказательства — положительные факторы, заметно способствующие успеху. В наши дни актуальна задача «экономизации» информации.

Следует заметить, что в буржуазной философии науки второй половины XX в. принцип «экономии мышления» все чаще стал выступать в виде требования «простоты», будь то «простота опровержения» теории (К. Поппер), «динамическая простота» (Г. Шлезингер) и т. д. Сказать, что «простота» теории и теоретического рассуждения — софистическое требование, было бы неверно. Однако познавательные возможности «принципа простоты» невелики и чаще бывают обманчивы, хотя на него ссылался иногда, например, А. Эйнштейн. Как справедливо отмечает М. А. Марков, «многое, казавшееся нам простым, не реализуется в природе... Конкретная, *реальная простота*, вернее, ее констатация носит характер, если можно так сказать, существенно «постфактумный». Поэтому она не может в силу своей «предварительной неизвестности» быть таким действенным критерием в поисках истины»¹. Подлинным методологическим критерием, подчеркивает В. И. Ленин, может быть лишь раскрытие единства неисчерпаемого материального мира как движущейся материи (см. 18, 275).

В пользу единства мира говорит, например, факт «поразительной аналогичности» дифференциальных уравнений, относящихся к разным областям явлений» (18, 306). Известно, например, что дифференциальные уравнения, описывающие либрацию (кажущиеся колебания) Луны и поведение судна при морской качке, аналогичны, и таких примеров можно ныне привести огромное количество.

В. И. Ленин показал, что априористский момент, присущий принципу «экономии мышления», обнаружил себя также в рассуждениях Й. Петцольдта о причинности, в концепции эмпириосимволизма П. С. Юшкевича, опирающейся на эклектические идеи А. Пуанкаре, в построениях эмпириомонизма А. А. Богданова и в аргументации С. А. Суворова насчет «универсального закона экономии сил». В этих своих побочных разновидностях данный принцип также несостоятелен. Кроме того, «универсальность закона» С. А. Суворова такова, что он носит бессодержательно общий характер, лишен связи с особенным и ориентирован только на подбор единичных «примеров».

---

¹ Марков М. А. О единстве и многообразии форм материи в физической картине мира. — Вопросы философии, 1980, № 11, с. 74.

«Второй позитивизм», т. е. эмпириокритицизм (махи́зм), характеризовался все более усиливавшимся фидеизмом, т. е. служением целям религии и подчинением разума вере, а науки — религиозному сознанию. В. И. Ленин усмотрел в процессе оживления и распространения фидеизма проявление закономерных судеб философского идеализма в условиях XX в., вскрыл тот существенный факт, что не только объективный, но и субъективный идеализм ведет в конечном счете к оправданию религии. Это особенно заметно на примере так называемой имманентной школы. Прямым преддверием фидеизма стало учение Авенариуса о потенциальном «центральной члене» принципиальной координации.

Аналогичную тенденцию имели также и рассуждения Маха о возможности объяснения электричества вне реальных времени и пространства, послужившие мостиком для перехода Маха «из лагеря естествознания в лагерь фидеизма» (18, 187). «...Объективная роль этих гносеологических ухищрений,— подчеркивал Ленин,— одна и только одна: расчищать дорогу идеализму и фидеизму, служить им верную службу» (18, 362).

В. И. Ленин обращает внимание на то, что в условиях XX в. сторонники подчинения философии религиозному диктату действуют более гибко, чем прежде: «Современный фидеизм вовсе не отвергает науки; он отвергает только «чрезмерные претензии» науки, именно, претензию на объективную истину» (18, 127). В этих новых, более сложных условиях изменяются и критерии оценки поведения философа; его «нейтральность» в споре науки с религией *уже есть* лакейство пред фидеизмом, а дальше нейтральности не поднимаются и не могут подняться Мах и Авенариус в силу исходных пунктов своей гносеологии. Раз вы отрицаете объективную реальность, данную нам в ощущении, вы уже потеряли всякое оружие против фидеизма, ибо вы уже скатились к агностицизму или субъективизму, а это для него только и нужно» (18, 365). Другим посредствующим звеном между философией и фидеизмом явился иррационализм, занявший в буржуазной философии XX в. главенствующее положение и систематически усиливавший свои позиции в течение последующих десятилетий.

В наши дни иррационалисты и даже религиозные философы, прежде всего неотомисты, нередко изобра-

жают себя противниками идеализма. Однако неотомисты, по сути дела, — философы глубоко иррационалистские, их «антиидеализм» и рационализм совершенно мнимые, и они не так уж далеко отошли от псевдорационализма неопозитивистов, быстро нашедших демаркационную линию с религией, удобную и для них, и для служителей любых церквей. В то же время неопозитивисты и близкие к ним «критические рационалисты» вслед за их признанным лидером К. Поппером обвиняют марксизм в «религиозном» отношении к материи. В. И. Ленин показал как несовместимость диалектического материализма с религией, так и внутреннюю связь позитивизма с иррационализмом (на примере взглядов П. С. Юшкевича), а самого иррационализма — с религией и фидеизмом, вскрыл их глубокое идейное родство. Тем самым Ленин раскрыл идейное родство всех основных течений буржуазной философии эпохи империализма на общей основе примирения с религией. Неопозитивизм продолжал позитивистские традиции эмпириокритицизма не только в вопросе о «нейтральности» мира (поставив на место «нейтральных элементов» — ощущений — «нейтральные факты», «нейтральный материал» науки), но и в вопросе об отношении к религии, начав с терпимости и придя в конце концов к полному единению с ней. Ленин предвидел именно такой характер развития позитивистских традиций и дальнейшее нарастание их реакционности; его аргументы против субъективного идеализма, позитивизма, иррационализма и фидеизма наносят меткий удар и по позитивистам середины и конца XX в. Он подверг уничтожающей критике конвенционализм П. Дюгема и А. Пуанкаре, а также трактовку критерия истины в виде так называемой когерентности, подменяющую свойства истинности субъективной, произвольной взаимосогласованностью предложений друг с другом. Ленин показал вредоносность концепций, которые истолковывают науку как произвольное «конструирование» теорий и как «упорядочение» чувственных данных. Вторая из этих концепций, будучи унаследована от махизма неопозитивистами «Венского кружка», стала редукционистской программой М. Шлика и раннего Р. Карнапа, а первая концепция получила развитие в гипотетико-дедуктивной программе К. Поппера и П. Фейерабенда.

Неопозитивизм и близкие к нему течения буржуазной философии науки последней трети XX в. унаследо-

вали от махизма и те приемы мимикрии, которые использовали представителями «второго позитивизма», для того чтобы изобразить себя сторонниками научного знания. Это прежде всего некоторые уступки материалистическому мировоззрению, носящие случайный характер и логически не связанные с основной нитью их рассуждений.

В. И. Ленин с большой тщательностью выявил эти фальшивые, во многом вынужденные «уступки» в рассуждениях махистов. Так, Э. Маху пришлось волею-неволей признать связь ощущений с определенными процессами в мыслящем мозгу вопреки тому, что сам мозг для него — это всего лишь комплекс ощущений (см. 18, 38). Р. Авенариус путем заимствования отдельных положений материализма пришел к идее о так называемом «независимом жизненном ряде» (см. 18, 58—59). Мах иногда сбивается на материалистическое толкование опыта, и вкупе с Авенариусом они «тайком протаскивают материализм» (см. 18, 50, 154). Это происходит и при оперировании понятием причинности (см. 18, 164). Однако они понимают опыт как совокупность ощущений, так что «независимость» или, наоборот, «зависимость» одних ощущений от других утрачивает здесь всякий онтологический смысл (относящийся к объективной реальности). Если подвести итог этим уступкам материализму и оговоркам в его пользу, то получается даже, что «кусочек правды есть в этом усиленном подчеркивании нейтральности махизма: поправка Маха и Авенариуса к их первоначальному идеализму всецело сводится к допущению половинчатых уступок материализму» (18, 62—63; см. 18, 55). Но окончательный результат этих уступок — эклектическая смесь, бестолковое перепутывание материализма и идеализма (см. 18, 88).

С другой стороны, В. И. Ленин иначе оценивает хотя бы частичный поворот к материалистическим посылкам или выводам, происшедший в мышлении некоторых ученых-агностиков (Т. Гексли) или даже отдельных позитивистов (А. Рей), для характеристики взглядов которых он использует термин Ф. Энгельса «стыдливый материализм». Сам позитивизм, по существу, несовместим с естественнонаучным, или естественноисторическим, материализмом, т. е. стихийным и философски-бессознательным убеждением большинства естествоиспытателей в существовании материального мира и его

познании людьми,—убеждением, которое все более возрастает и крепнет среди естествоиспытателей и совпадает в тенденции с «наивным реализмом» человечества, т. е. подавляющего большинства простых людей, не искушенных в философии (см. 18, 372, 63, 65). Здравый смысл простых людей — это не предрассудки своего времени, как считал Гегель, а стихийный материализм. Когда же ученые, пусть даже субъективно считающие себя позитивистами, фактически способствуют закреплению естественнонаучной стихийно-материалистической точки зрения, они действуют тем самым не в пользу позитивизма, но вопреки ему и объективно против него, хотя их колебания могут продолжаться¹.

Такова диалектика борьбы между наукой и идеализмом. И здесь Ленин предвидел дальнейшие тенденции этой борьбы в XX в. Одна из форм, в которых эти тенденции реализовались во второй половине текущего столетия,—так называемый «научный материализм» Д. Армстронга, Д. Смарта, Г. Фейгла и М. Бунге. Эволюция этих мыслителей от логического позитивизма к материализму перешла рубеж, отделяющий идеализм от материализма, но непонимание диалектики и позитивистские пережитки существенно ослабляют действенность их полемики против их вчерашних собратьев и союзников — логических позитивистов и идеалистов. Не исключено и обратное движение через границу, разделяющую материализм и идеализм.

*Принцип
партийности
философии*

Вопрос об отношении коммунистов и вообще пролетариата к философии очень важен. В. И. Ленин специально подчеркнул и выделил пометкой на полях слова И. Дицгена из его книги «Мелкие философские работы» о том, что философия «становится совершенно близким делом для рабочего класса» (см. 29, 378). Одно из важнейших теоретических достижений труда «Материализм и эмпириокритицизм» состоит в разработке учения о партийности философии. Ленинский принцип партийности является высшим развитием марксистской концепции классовости идеологии и главным принципом критики современной буржуазной философии марксистами.

---

¹ Иначе В. И. Ленин оценивает колебания между идеализмом и материализмом у классиков античной философии (см. 29, 253, 326, 327).

Буржуазные идеологи обычно сводят принцип партийности философии к субъективистской предвзятости. Так поступали уже махистствующие ревизионисты, противопоставляя марксистской позиции фальшивое утверждение, согласно которому весь эмпириокритицизм «претендует на беспартийность и в философии и в общественной науке» (18, 338). Обвинял марксистов-ленинцев в субъективизме и предвзятости в 50—70-х гг. XX в. и лидер «критических рационалистов» К. Поппер.

Следует заметить, что признание наличия двух основных направлений в философии (материализма и идеализма) стало теоретическим достоянием уже буржуазной философии классического ее периода¹. Каково же действительное содержание ленинского принципа партийности философии?

Первое, на что обращает внимание В. И. Ленин, состоит в том, что марксисту необходимо не только абстрактно и вообще признавать основную историко-философскую противоположность (материализм и идеализм), но и конкретно выявлять ее в действии. Факты говорят о том, что «новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет тому назад. Борющимися партиями по сути дела, прикрываемой гелертерски-шарлатанскими новыми кличками или скудоумной беспартийностью, являются материализм и идеализм» (18, 380). Эта борьба — реальный факт историко-философского процесса, и неудивительно, что эмпириокритик Р. Вилли в начале XX в. воюет с материалистом Демокритом, словно с живым. Но надо не только выявлять «две основные линии, два основных направления в решении философских вопросов» (18, 356), но и вести активную наступательную борьбу против идеализма. «Гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, *почти полустолетия*, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии...» (18, 356), опровергая направление противоположное, идеалистическое, и систематически разоблачая его тесную внутреннюю связь с религией и его прямое или косвенное стремление подчинить науку религии, т. е. фидеизм, а также «засорение» сути вопроса различными ухищрениями, что стало входить в практику буржуазных философов уже во

---

¹ См., например: *Фейербах Л.* Избранные философские произведения. В 2 т. М., 1955, т. 1, с. 518.

второй половине XIX в. Ленин убедительно показал неразрывную связь идеализма, религиозного иррационализма и фидеизма, составляющих основное содержание идей реакционного лагеря в философии (см. 18, 172—173): «Отношение к религии и отношение к естествознанию превосходно иллюстрирует это *действительное* классовое использование буржуазной реакцией эмпириокритицизма» (18, 364).

С другой стороны, В. И. Ленин отмечал, что на протяжении исторического развития материализма укреплялся его союз с наукой. Вспомним научный подвиг французских материалистов-энциклопедистов XVIII в. Материализм великих домарксовских мыслителей Д. Дидро, Л. Фейербаха и других является и ныне союзником философии марксизма в борьбе против фидеизма и религии. А вообще о философах следует судить прежде всего по тому, как они решают основной вопрос философии по существу, а не по их декларациям, которыми они уснащают или прикрывают свое решение (см. 18, 228).

Реализация В. И. Лениным принципа партийности философии проявилась прежде всего в активной защите материализма и развитии его главных тезисов против всяческих форм идеализма — открытого или завуалированного на позитивистский, прагматистский или неокантианский манер. Большинство из «Десяти вопросов референту» и весь труд «Материализм и эмпириокритицизм» нацелены на защиту как материалистических позиций вообще¹, так и последовательного, т. е. диалектического, материализма в особенности. Следуя принципу философской партийности, Ленин разработал типологию материализма, исходя из критериев соответствия его требованиям диалектики, содержанию развивающейся науки и общественной жизни. Это — «наивный материализм» (см. 18, 65) здравого смысла, «стыдливый», т. е. полуагностический, естественнонаучный, вульгарный виды материализма и, наконец, научный, диалектический материализм. Ленин отличает, кроме того, полуматериализм Е. Дюринга. Особыми чертами отмечены материализм Л. Фейербаха, а также Дицгена.

Второй момент содержания ленинского принципа

---

¹ При этом защита Лениным материализма вообще не означала поддержки им в условиях XX в. метафизического материализма (см. 18, 275—276).

партийности философии заключается в требовании оценки общественного значения рассматриваемых философских явлений с точки зрения того, какие социально-классовые, а значит, и партийно-политические интересы они представляют, защите каких способствуют, борьбе против каких интересов помогают. В сентябре 1909 г. в статье «Еще о партийности и беспартийности» В. И. Ленин указал на основополагающее значение принципа партийности в собственно политической деятельности. Основные классовые антагонизмы тех или иных периодов гражданской истории определяют в конечном счете ориентацию философских учений на одну из противоположных друг другу позиций в социально-политической борьбе. Таким образом, классовые битвы приобретают своеобразный вид философских столкновений, за которыми чувствуется накал классовых страстей. «...За гносеологической схоластикой эмпириокритицизма,— отмечал Ленин,— нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов современного общества» (18, 380).

Но это именно «в последнем счете». В. И. Ленин резко осуждал попытки прямого сведения содержания философского творчества к демонстрации расстановки классовых сил в обществе. Для того чтобы не только в самом общем виде свести философские процессы к их социально-классовой основе, но и конкретно вывести из нее их главное своеобразие, необходимо изучить весь сложный механизм конкретных связей и опосредствований, учитывая полноту отношений и взаимодействий интересов как основных, так и примыкающих к ним, промежуточных и колеблющихся, классов и групп. Только при этом условии возможна точная оценка с позиций принципа партийности философии тех течений, которые выдают себя за направления «нейтральные», «третьи» в отношении материализма и идеализма или же «возвышающиеся» над тем и другим. Речь идет о раскрытии механизма образования определенных философских иллюзий как составной части идеологических иллюзий вообще. К. Маркс в произведении «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» показал это на примере политических иллюзий, а Ф. Энгельс в работе «Крестьянская война в Германии» — на материале иллюзий религиозных. В. И. Ленин разрешает эту же задачу в собственно философской области, раскрывая механизм

преобразования объективных узкоклассовых мотивов и побуждений в субъективно «хорошие» и прекраснотуш-ные теоретические утверждения. «...«Благие» намерения остаются *в лучшем случае* субъективным делом Карпа, Петра, Сидора, а общественное значение подобных заявлений безусловно и неоспоримо, и никакими оговорками и разъяснениями ослаблено быть не может» (18, 366). Философия и политика не тождественны, но между ними существует глубокая внутренняя связь, и Ленин систематически вскрывает ее на протяжении всего своего труда. Более того, борьба вокруг махизма в России показала, что сами философские вопросы могут приобретать политическое звучание. Так, вопрос о диалектике природы получил политическую окраску, поскольку отрицание ее означало субъективизацию диалектики в общественной жизни и волюнтаристическую трактовку политической деятельности.

Конкретная задача состояла в том, чтобы объяснить, почему махисты, будучи на деле идеологами «реакционного мещанства» (см. 18, 377, 370), все же афишировали свою надпартийность и надклассовость, настойчиво претендуя на то, что они стали «выше» материализма и идеализма.

В. И. Ленин решил эту задачу, показав, что само тяготение к «нейтралистским» философским декларациям не случайно, а обусловлено классово-партийным образом; в условиях XX в. оно вытекает из особенностей промежуточной социальной позиции левобуржуазных слоев, части буржуазной интеллигенции и мелкой буржуазии. Перед нами не житейские желания и мечты какого-то отдельного мелкого буржуа, но определенная структура теоретического поведения мелкобуржуазного идеолога, соответствующая как его тяготению к соглашательству, так и стремлению скрыть это тяготение и от своих читателей, и от самого себя. Неудивительно, что подобным идеологам свойствен уже отмеченный выше лицемерный прием — «изменять *сути* материализма под видом критики *формы* его...» (18, 266). Эти идеологи упрекают диалектический материализм даже в «метафизичности» под тем предлогом, что он признает существование материи, «неизменно» остающейся материей.

Декларации такого философа о его теоретической «самостоятельности» и о полной «независимости» его пресловутой «третьей» линии, за которыми стоит иллю-

зорный тезис о «свободе» всех этих деклараций от социальной обусловленности, сами социально обусловлены вполне определенным образом. Последнее и создает иллюзию самостоятельности и независимости, возможность конструирования взамен реальных идеологических противоположностей противоположностей мнимых, которые довольно легко «преодолеваются» на словах, но сосредоточение внимания на которых уводит далеко в сторону от решения действительных теоретических и практических проблем.

Разумеется, причины попыток занять «среднюю» позицию в философии могут быть и другими: иногда речь идет о промежуточных и колеблющихся социальных группах и прослойках, которые еще не обрели отчетливого теоретического самосознания и не готовы к идеологической самостоятельности; иногда перед нами свидетельство сравнительно раннего этапа становления теоретической мысли. Конспектируя лекции Гегеля по истории философии, Ленин заметил по поводу Пифагора и пифагорейцев, что по сравнению с древнегреческой философией VI—V вв. до н. э. в XX в. существенно изменилось соотношение между научными и религиозно-мифологическими моментами в философии: «То же, та же связь, но пропорция науки и мифологии иная» (29, 225). Агностики начиная с Юма и Канта и вплоть до новейшего времени действительно являются в общем «средними» (см. 18, 5) по своей принципиальной теоретической позиции, но они все-таки не одинаковы, и оценивать их надо конкретно и по-разному. Действительно, одни из них — такие, как Юм и Кант, — ближе к идеализму, другие — такие, как Гексли, — к материализму. В усиленных попытках махистов подчеркнуть «нейтральность» своей философии есть, по словам Ленина, «кусочек правды», поскольку они в своей философской практике действительно то и дело колеблются между идеализмом и материализмом (см. 18, 62, 63). Но это значит, что необходимо видеть классы, их идеологов, группы теоретиков и сами их концепции в движении, изменении, поворотах и зигзагах.

В наши дни правота ленинского подхода к «промежуточным» течениям подтверждается на каждом шагу. Не случайно на «третью» линию в философии претендуют и неопозитивисты, и экзистенциалисты, и структуралисты, и даже неотомисты, настаивающие на «гармонии науки и веры» в лоне «божественного разума»,

который в данном случае играет роль некоей «третьей силы». Подняться «выше» борьбы материализма и идеализма пытаются и представители новых «интегрирующих» течений — логико-лингвистического и герменевтического анализа языка, так называемой постпозитивистской философии науки. Но за всеми этими претензиями и попытками вновь и вновь обнаруживается философски партийная враждебность к материализму. «Беспартийность» в философии — это иллюзия или маскировка. Участники школы Маха и Авенариуса *«хвалятся своей беспартийностью»*, и если есть у них антипод, то только один и *только... материалист»* (18, 362). То же самое следует сказать и о новейших буржуазных «философах науки», «научных рационалистах», некоторых «научных реалистах», структуралистах и др.

В. И. Ленин проводил определенное различие между принципом партийности в собственно философской борьбе и в борьбе мировоззренческой в более широком смысле слова, которая не сводится к столкновению философско-теоретических концепций, но охватывает всю область конфронтации между наукой и религией, атеизмом и фидеизмом, знанием и верой. Многие естественные науки, не говоря уже о науках общественных, имеют очень близкое отношение к мировоззренческой борьбе, как бы ни старались затушевывать этот факт буржуазные теоретики, заявляющие о своей «беспартийности». «Наука беспартийна в борьбе материализма с идеализмом и религией, это — излюбленная идея не одного Маха, а всех современных буржуазных профессоров...» (18, 141) — отмечал Ленин.

Но неверно также и то, что содержание научной деятельности в целом везде и всегда однозначно философски материалистично и противостоит идеализму безоговорочным образом; нет, скажем, особой буржуазной или пролетарской физики, но структура науки отличается большой сложностью и вместе с собственно мировоззренческим содержанием в нее входят кроме собственно фактической основы (впрочем, зачастую по-разному интерпретируемой) специальный аппарат, гипотезы, обобщения и выводы, практические рекомендации. В среде самих ученых идет борьба между материалистическими и идеалистическими тенденциями, причем в буржуазном обществе для последних существуют благоприятные условия. Исходя из этого, В. И. Ленин проводил качественное различие между отношением марк-

сизма к теоретической деятельности буржуазных ученых в связи с оценкой их мировоззрения, с одной стороны, и квалификацией их частнонаучных результатов — с другой. «*Ни одному* из этих профессоров, способных давать самые ценные работы в специальных областях химии, истории, физики, *нельзя верить ни в едином слове*, раз речь заходит о философии,— подчеркивал он.— Почему? По той же причине, по которой *ни одному* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, *нельзя верить ни в одном слове*, раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная наука* в современном обществе, как и *гносеология*» (18, 363—364). Отсюда вытекала конкретная программа теоретической деятельности. Она заключается в том, чтобы усвоить и переработать те завоевания, которые делаются «учеными приказчиками класса капиталистов»; «(вы не сделаете, например, ни шагу в области изучения новых экономических явлений, не пользуясь трудами этих приказчиков), — и *уметь* отсеять их реакционную тенденцию, уметь вести *свою* линию и бороться *со всей линией* враждебных нам сил и классов» (18, 364). В VI главе книги «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин специально остановился на этом вопросе, касаясь противоречивой структуры общественного сознания буржуазного общества.

Из сказанного следует, что ленинское понимание принципа партийности философии и идеологии органически связывает его действие с учетом принципа научной объективности. Сам принцип партийности был строго научно обоснован, т. е. объяснен и доказан, Лениным с позиций исторического материализма.

Историко-философские оценки, даваемые Лениным ряду философов прошлого, крупным представителям «классической ветви» домарксистской философии — Беркли, Юму, Канту, Дидро, Гегелю, Фейербаху, характеризуются единством партийности и научности. Иногда такие оценки вытекают из способа цитирования Лениным данного философа; очень часто они даются в виде противопоставления верного, материалистического или диалектического, взгляда воззрению ложному — идеалистическому, метафизическому, агностическому. Уже в разделе «Вместо введения» Ленин обращает внимание на меткость и поучительность критики субъективного

идеализма Беркли материалистом Дидро. Оценки взглядов Канта, Фейербаха и в особенности Гегеля получили дальнейшее развитие в «Философских тетрадах».

Подлинная научная объективность неизбежно приходит в конфликт с буржуазной партийностью и тяготеет в конечном счете к тесному единству с партийностью пролетарской. Единство коммунистической партийности и научной объективности является следствием того, что именно рабочий класс всецело заинтересован в овладении полнотой истины, в достижении строго научного отражения действительности. Именно поэтому принцип партийности является глубоко научным принципом. Соответственно и марксизм-ленинизм в целом выступает и как идеология, и как наука. Речь идет, разумеется, не о буквальном тождестве принципов партийности и научности, а об их органическом единстве и диалектической взаимонерывности.

Будучи концентрированным выражением идеологической целеустремленности и практической действенности марксистско-ленинского мировоззрения, принцип партийности философии мобилизует на активную наступательную борьбу против идеализма и буржуазной идеологии вообще¹. И сам труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» проникнут духом активной борьбы. Он написан с большой страстью и полемическим жаром, соединенными со строгой научностью и логической последовательностью.

*Другие принципы
критики
современной
буржуазной
философии*

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин разработал систему принципов критики современной буржуазной философии. Эти принципы основаны на методологических установках диалектического и исторического материализма — материалистическом понимании природы и общества, требовании выявления социально-материальных корней идеологических явлений и положениях о диалектическом отражении и взаимодействии объективного и субъективного в общественной практике людей. Принцип партийности — главный из этих принципов, хотя и не единственный. Согласно принципу партийности критика буржуазной философии есть необходимая

---

¹ Ныне буржуазные «социологи познания» усиленно используют мифическую идею К. Мангейма о «внепартийном» характере общественных наук, а представители франкфуртской школы создали миф о «свободно парящей» над классами и партиями интеллигенции.

составная часть критики буржуазной идеологии вообще. Из принципа партийности философии непосредственно вытекает требование судить о философах «не по тем вывескам, которые они сами на себя навешивают... а по тому, как они на деле решают основные теоретические вопросы, с кем они идут рука об руку, чему они учат и чему они научили своих учеников и последователей» (18, 228).

Использование ревизионистами мелкобуржуазной философии означало, что на деле стала складываться «все более тонкая фальсификация марксизма, все более тонкие подделки антиматериалистических учений под марксизм...» (18, 351). В собственно философской области это проявилось, в частности, в изощренном спекулировании понятием «здравого смысла», в попытках подделаться под него. Еще Беркли изображал «здравый смысл» как отрицание «веры» в существование материи. Ленин показал, что подлинный «здравый смысл» практически мыслящих людей — это не совокупность обывательских, в том числе религиозных, предрассудков. Он чужд всякому идеализму и совпадает с позицией стихийного материализма. Однако по мере развития теоретического естествознания и других наук дистанция между обычным, стихийно-материалистическим взглядом на вещи и абстрактно-теоретическими представлениями ученых-специалистов все более увеличивается. Но и в науке идет борьба между материалистическими и идеалистическими направлениями. Идеалисты и позитивисты стремятся использовать для агностических и крайне релятивистских выводов и неудачи науки, и ее проблемы, и ее достижения (см. 18, 326). Поэтому одна из задач марксистов состоит в том, чтобы опровергать попытки противников материализма говорить как от имени науки, так и от имени «здравого смысла».

Основные принципы критики буржуазной философии XX в. были изложены В. И. Лениным в «Заключении» к книге. Принцип партийности указан здесь в качестве четвертого, завершающего пункта.

Во-первых, В. И. Ленин указал на необходимость осуществлять сопоставление теоретических основ критикуемой философии с основами диалектического материализма. По его словам, «кто желает знать *врага*, тот должен побывать во *вражеской* стране» (18, 336). Но более важная цель такого сопоставления состоит в том,

чтобы раскрыть реакционность идеализма по существу, а для этого следует выявить позицию идеалистических учений по всем основным пунктам философской проблематики. Необходимо также показать ложность попыток идеалистов опровергнуть философию диалектического материализма. А сделать это можно только при условии творческого ответа с марксистских позиций на все те вопросы, которые неверно поставлены и ложно разрешены нашими теоретическими противниками. Здесь везде необходим последовательный исторический подход. Оценка буржуазной мысли XX в. существенно отличается от оценки того, что было сделано ее предшественниками. Для буржуазной философии эпохи империализма характерно забвение «ценного плода идеалистических систем, гегелевской диалектики — этого жемчужного зерна...» (18, 256). Вместе с тем Ленин признавал наличие в новейшей буржуазной философии не только мнимых и искусственных, но и реальных проблем, к числу которых он относил, например, проблемы соотношения объективного и субъективного в ощущениях людей и взаимодействия объекта и субъекта в познании, находившиеся в центре внимания гносеологии эмпириокритицизма¹. Однако убедительно критиковать буржуазных философов можно только тогда, когда их утверждениям противопоставляются действительные пути выхода из возникших тупиков. Ленин был глубоко убежден в неисчерпаемых творческих возможностях марксистской философии и видел в необходимости «сравнить» (см. 18, 379) с нею системы идеализма и позитивизма побудительный мотив к такой критике, в которой ложным ответам на проблемы будут противопоставлены ответы истинные и практически действенные. Всестороннее развитие наук и философии диалектического материализма — это наиболее действенная форма критического преодоления буржуазной философии.

Второй принцип критики, по В. И. Ленину, состоит в определении места данной философской школы среди других буржуазных течений. Речь идет о выявлении всех историко-философских и вообще теоретических связей и влияний на ее представителей. Подход Ленина

---

¹ В буржуазной философии второй половины XX в. тоже нередко затрагиваются реальные проблемы. Таковы, например, проблемы видов значения знаков в познании, логических условий истинности научных теорий, различных форм социального отчуждения.

здесь, как и в других случаях, глубоко диалектичен: с одной стороны, «марксизм отвергает не то, чем отличается один позитивист от другого, а то, что есть у них общего, то, что делает философа позитивистом в отличие от материалиста» (18, 214), и соответственно главное в махизме *«не то, что отличает его от всех других направлений и системок идеалистической философии, а то, что обще ему со всем философским идеализмом вообще»* (18, 321; см. 18, 288); с другой же стороны, выявление различий, иногда «десятистепенных», между всеми этими мнимо-«новыми» школами и системками все-таки в определенной мере необходимо, ибо помимо этого невозможно доказать фальшь и обманчивость их претензий на «оригинальность» и «самостоятельность», ложность и софистичность их аргументации, путаность и двусмысленность используемой ими терминологии. Только такой, «двусторонний» подход обеспечивает выявление динамики критикуемых идей, внутренне присущих им тенденций и реально переживаемой ими эволюции. Кроме того, необходимо раскрывать перспективы дальнейшего развития рассматриваемого учения, обнаруживать, «куда идет» оно, с какими учениями сближается, в какие перерастает, трансформируется. Так, наметившееся сближение эмпириокритиков и имманентов с религиозной философией и превращение их в сторонников крайнего идеализма разоблачает их действительную реакционную сущность. В то же время Ленин указывал на те черты эмпириокритицизма, которые будут, по-видимому, унаследованы представителями более поздних разновидностей позитивизма (в том числе неопозитивистами), течение которых в период работы над книгой «Материализм и эмпириокритицизм» еще не сформировалось.

В-третьих, отмечал В. И. Ленин, необходимо исследовать естественнонаучные источники и гносеологические корни рассматриваемого философского течения. Под естественнонаучными источниками он понимает конкретное использование той или иной философией результатов частных наук о природе, их проблем, споров ученых, трудностей и неудач, а в особенности кризисных состояний в данной области знания. Под гносеологическими корнями, как позднее разъяснял он в «Философских тетрадах», понимается использование определенных понятий, категорий, закономерностей, особенностей процесса познания в вольно или невольно

частично гипертрофированном, т. е. односторонне преувеличенном и абсолютизированном, виде¹.

Как видно из содержания V главы книги «Материализм и эмпириокритицизм», В. И. Ленин при анализе гносеологических источников идеализма исходит из того, что к идеализму в XX в. ведет метафизический, в том числе мнимодialeктический (в случае крайнего релятивизма), метод истолкования особенностей процесса познания; с другой стороны, идеализм сам закрепляет метафизическую методологию, противопоставляя ее материалистической диалектике, поскольку гносеологические корни идеализма и метафизики во многом являются общими. Это относится как к домарксистской, так и к новейшей буржуазной философии. В принципе в отношении той и другой возникает вопрос не только о том, какую роль она играла или играет объективно в свое время, но и о том, какой шаг вперед она сделала по сравнению со своими предшественниками и куда по сравнению с ней пошли ее преемники и наследники. Однако ответы окажутся качественно различными. У буржуазных философов эпохи империализма могут быть ценные достижения, но большей частью только в тех случаях, когда одновременно они занимаются исследованиями в области частных наук. Так, Ч. С. Пирс был семиотиком, Б. Рассел — логиком и математиком, К. Ясперс — психиатром и т. д. В самой же философии таких ученых оказываются поучительными в лучшем случае рассматриваемые ими проблемы, но не предлагаемые решения. Эпоха прогрессивного развития буржуазной философии миновала. Но общим для всех эпох истории философии остается то, что в ней «нельзя не видеть борьбы партий в философии, борьбы, которая в последнем счете выражает тенденции и идеологию враждебных классов...» (18, 380).

Сказанным ленинские принципы критики идеализма и метафизики не исчерпываются. В. И. Ленин обращает, в частности, внимание на ту роль, которую в критике ложных философских конструкций играет раскрытие присущих им внутренних логических противоречий. Многие из них связаны с софистическими ухищрениями, а

---

¹ В наши дни к числу гносеологических корней основных течений буржуазной философии следует отнести абсолютизацию роли знаковой аппаратуры в процессе познания, воздействия языка на философскую аргументацию и мировоззрение, а также ряда социально-психологических моментов познания и др.

нередко с теми вынужденными уступками и непоследовательными поворотами и колебаниями в сторону материализма, которые приходится совершать почти каждому идеалисту и тем более позитивисту под ударами упрямых фактов действительности и критики со стороны противников. Так, у Маха «первичными данными являются ощущения, хотя они «связаны» только с определенными процессами в органической материи...» (18, 39; см. 18, 59, 83, 101). Ленин детально выявил софистический характер учения Авенариуса о всеобщей («тотальной») взаимообусловленности субъекта и объекта, а также аналогичных рассуждений Маха, русских и зарубежных махистов. Ленинский вывод о том, что философия эмпириокритицизма «есть крошка, набор противоречивых и бессвязных гносеологических положений» (18, 227; см. 18, 89), полностью обоснован всесторонним логическим анализом критикуемых текстов и заявлений.

Логический анализ дополняется В. И. Лениным таким вспомогательным критическим приемом, как анализ значений используемых в теории терминов. В случае критики буржуазных философских учений эпохи империализма роль такого лингвистического анализа возрастает, поскольку среди них появились сугубо лингвистические по методологии течения: философия лингвистического анализа, «общая семантика», герменевтика. Ленин утверждает, что «весь махизм, в широком смысле этого слова, есть не что иное, как извращение путем незаметных нюансов реального смысла слова «опыт»!» (18, 311). Поэтому Ленин тщательно вскрывает семантические злоупотребления Авенариуса и Маха. Первый из них создал отдающую схоластикой и весьма замысловатую терминологию, а второй попытался запутать вопрос о двух возможных выводах из посылок эмпиризма и сенсуализма посредством терминологической эквилибристики со словом «элемент». Эмпириокритики и их союзники не раз использовали чисто словесные приемы лингвистической софистики, чтобы подорвать материализм. Чего стоят, например, рассуждения В. Оствальда о том, что тезис о существовании материи равносителен «требованию», чтобы природа состояла не только из «сказуемого», но и из «подлежащего»! Разоблачая подобную софистику, Ленин показал, в частности, двусмысленность, многозначность, а подчас и расплывчатость терминов «опыт», «непосредственные данные»,

«соответствие» и «совпадение», «практика», «энергия» и др., которые усиленно использовались буржуазными философами и их ревизионистскими комментаторами (см. 18, 112, 114, 152, 156, 363). Используют они их и по сей день.

Важно отметить, что В. И. Ленин разоблачил широкую игру в псевдобинологическую терминологию, затеянную склонявшимися к позитивизму социологами, которые либо стирали различие между законами общества и природы, либо, как это делали ревизионисты, пытались изложить учение Маркса, пользуясь биологической терминологией. Но жонглирование биологическими словечками бесплодно и тем более вредно, когда эти слова скрывают «идеализм, переодетый в марксистские термины...» (18, 351). Это касается и термина «энергия», вносящего в философию нежелательные ассоциации с субъективным антропологизмом¹.

Другое дело, что в силу материального единства мира могут быть вскрыты некоторые общие закономерности развития, присущие неорганическому миру, биологической эволюции, истории техники, теории познания и т. д. В этом смысле современные историки науки говорят, например, о «естественном отборе» механических средств передвижения людей и т. п.

Какую бы пользу ни приносил логический и лингвистический анализ при условии его материалистического понимания, он не в состоянии стать главным средством критики. Основные аргументы для опровержения в философии всегда даются не теорией и ее логическими средствами, но факторами самой действительности. «...Недостаточно одних доводов и силлогизмов для опровержения идеализма... не в теоретических аргументах тут дело...» (18, 28), — писал В. И. Ленин. Жизнь, практика — вот что безусловно доказывает правоту материализма и ложность идеализма.

Книга В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» — классический образец научной критики идеализма, боевое методологическое оружие, служащее развитию этой критики в наши дни.

---

¹ Вопрос о критике псевдобинологических аналогий связан с более общим вопросом об отношении между социальными и биологическими закономерностями (см. с. 160—161 настоящей книги).

АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ

*Революция
в естествознании
и кризис
в физике*

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» важное место занимает философский анализ развития естествознания XX в. Совершенно необходимо было, отмечал В. И. Ленин, «принять во внимание несомненную связь махизма с одной школой в одной отрасли новейшего естествознания» (18, 379—380). Разоблачая фальшь дезориентирующих заявлений последователей Э. Маха и Р. Авенариуса о том, что махизм является будто бы «философией современного естествознания», а Мах — наиболее «крупным в настоящее время философом вообще», Ленин показал, что на стороне материализма стоит подавляющее большинство естествоиспытателей, в том числе физиков. «Меньшинство новых физиков, под влиянием ломки старых теорий великими открытиями последних лет, под влиянием кризиса новой физики, особенно наглядно показавшего относительность наших знаний, скатились, в силу незнания диалектики, через релятивизм к идеализму» (18, 380). Доказательство истинности материализма как философско-методологической основы развивающегося научного знания было осуществлено Лениным через анализ философского смысла новейших открытий в физике и связанного с ними кризиса. Он доказал, что в основе последнего лежат заблуждения именно методологического и философско-мировоззренческого характера. Кризис означал не банкротство физики как науки, а потрясение ее прежних философско-методологических оснований. Дальнейшее развитие естествознания подтвердило правоту ленинского анализа кризисных явлений в науке. Ленин вскрыл принципиальную несовместимость новых научных идей с наличным метафизическо-механистическим методологическим инструментарием, связав это с фактом несовместимости науки и идеалистических философских систем, которые стремились «присвоить» себе научные достижения и тем самым извращали их действительный смысл.

Новейшие открытия в области физики свидетельствовали о начавшейся революции в естествознании. Революция в науке начала XX в. была самой глубокой среди научных и технических революций нового времени, которые происходили так, что скачки в развитии науки и техники возникали порознь, они не совмещались во времени и по существу. Это были: научная революция XVI—XVII вв., связанная с коперниканско-галилеевским отрицанием некритического доверия к чувственной очевидности в области макроявлений, а затем технические революции пара и электричества, относящиеся соответственно к середине XVIII и второй половине XIX в. Научная революция начала XX в., перешедшая позднее в революцию научно-техническую, характеризуется, во-первых, низвержением «классической» картины мира, т. е. учения о наличии абсолютно неделимых и неразрушимых вещественных элементов мироздания, обладающих неизменной массой (вскоре пришло осознание того, что механические модели мира вообще несостоятельны), во-вторых, отказом от механической наглядности в области микроявлений в пользу математической абстрактности¹. Последующее развитие науки и техники в середине XX в. связало воедино преобразование знаний о микро-, макро- и мегамирах и поток научно-технических открытий и изобретений. По мере дальнейшего развития революции в науке XX в. продолжалась ломка классических представлений о пространстве, времени, движении, причинности, что послужило толчком к пересмотру всего стиля научного мышления вообще.

Приступая к анализу сложившейся ситуации, В. И. Ленин говорит о тех недостатках старого метафизического материализма, которые с антиматериалистических позиций подвергли критике такие авторы, как П. Дюгем, Дж. Б. Сталло и другие, о том, что они действительно имеют место и что данные недостатки были основательно раскрыты в трудах К. Маркса и Ф. Энгельса. Но Маркс и Энгельс никоим образом не отказались от принципов материализма, а показали адекватность открытий XIX в. мировоззрению и методу диалектического материализма. С этих позиций и следует подойти к новой ситуации в науке, искать выход из методологи-

---

¹ См.: *Кедров Б. М.* Ленин и научные революции. М., 1980; *Аронов Р., Микешина Л.* Ленин о научной революции.— *Коммунист*, 1984, № 8; *Кикоин И.* Ленинский подход к анализу развития физики.— *Коммунист*, 1984, № 9.

ческого кризиса в физике. Но поиски такого выхода, если они происходят неосознанно, несут с собой огромные издержки ввиду противодействия со стороны той социальной среды, которая окружает ученых в условиях капитализма и мешает пониманию действительного мировоззренческого содержания больших научных открытий.

Сложный и опосредствованный характер воздействия господствующих социально-экономических отношений на трактовку философских проблем науки приводит к тому, что сами естествоиспытатели часто оказываются не в состоянии осознать связи наук, мировоззрения, идеологии правильно. Почему? Во-первых, как отмечает Ленин, потому что реальные проблемы, выдвигаемые развитием научного знания, имеют в себе такие гносеологические предпосылки, которые удается использовать для идеалистических интерпретаций процесса познания. «Реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки» (18, 326). Во-вторых, анархия в сфере капиталистического производства способствует тому, что в буржуазном сознании возникает иллюзия полной свободы выбора тех или иных мировоззренческих и гносеологических концепций.

Очень характерно в этом отношении признание известного физика-теоретика В. Гейзенберга: «...мы входим в состав общества или коллектива. Это общество связывают воедино общие идеи, общий критерий моральных ценностей или общий язык, на котором говорят о всеобщих проблемах жизни. Эти общие идеи могут поддерживаться авторитетом церкви, партии или государства, и, даже если это не будет иметь место, все равно очень трудно отойти от общепринятых идей, не противопоставляя себя обществу. Но результаты научных размышлений могут противоречить некоторым из общепринятых идей. Без сомнения, было бы неразумно требовать, чтобы ученый вообще не был лояльным членом общества, чтобы он принципиально отказался от всех благ, которые можно получить, принадлежа коллективу...»¹ Рецепт поведения, предлагавшийся Гейзенбергом, был таков: молчаливое согласие на условия, навязываемые правящими классами в капиталистических странах. Задолго до того, как это было написано, В. И. Ленин

---

¹ Гейзенберг В. Физика и философия. М., 1963, с. 113.

очень точно охарактеризовал такой «выход» из положения, предлагаемый буржуазными идеологами: они советуют естествоиспытателям, чтобы те отдали этим идеологам гносеологию, философию, а себе оставили бы одну только науку. Ярким проявлением этой партийности гносеологии в период, предшествующий написанию «Материализма и эмпириокритицизма», стала идейная борьба вокруг сочинения немецкого естествоиспытателя Э. Геккеля «Мировые загадки». Э. Геккель отрекался от материалистической философии и проповедовал некую «монистическую религию», но объективно своей собственностью научной деятельностью он демонстрировал силу и неискоренимость естественнонаучного материализма, что вызвало бурю гневных откликов со стороны идеалистов.

В отношении гносеологических выводов из новейшей революции в науке физики в начале XX в. разделились в основном на три школы: энергетическую, механистическую и критическую (см. 18, 271). Механистской (или новомеханистской) точки зрения продолжали придерживаться большинство физиков — Г. Р. Кирхгоф, Г. Гельмгольц, У. Томсон (лорд Кельвин), Г. А. Лоренц и другие. Критическая точка зрения, представленная А. Пуанкаре, не была вполне самостоятельной. Она занимала промежуточное положение между энергетической школой, разделяемой В. Оствальдом, Э. Махом, П. Дюгемом и другими, и школой механистской (механистической).

«Суть кризиса современной физики, — писал В. И. Ленин, — состоит в ломке старых законов и основных принципов, в отбрасывании объективной реальности вне сознания, т. е. в замене материализма идеализмом и агностицизмом» (18, 272—273). Эту замену проделали энергетическая школа и отчасти критическая.

Ошибки естествоиспытателей в области философии, и в частности — теории познания, по мысли Ленина, были порождены гносеологическими проблемами ряда открытий в физике — ведущей уже тогда научной дисциплине. Еще в последней трети XIX в. при исследовании структуры излучений нагретых твердых и жидких тел обнаружили загадочные факты в термодинамике, но на рубеже столетий ситуация резко осложнилась лавиной открытий. Это было открытие А. А. Беккерелем в 1896 г. явления радиоактивности, поставившее под сомнение традиционные представления о структуре

вещества и тем самым всю физическую картину мира. Таковую же роль сыграло жесткое электромагнитное излучение, открытое в 1895 г. В. К. Рентгеном. В 1897 г. был открыт электрон и затем было обнаружено, что его масса изменяется в зависимости от скорости движения. В 1898 г. открыли радий.

Не менее важными были результаты, полученные еще в XIX в. М. Фарадеем, Д. К. Максвеллом, а затем Г. Р. Герцом в области теоретической и экспериментальной физики вообще и оптики в особенности. Электромагнитная теория света Максвелла, по существу, уже не совмещалась с механистическим представлением о мире, тем более вызвал тревогу опыт Майкельсона над скоростью света в условиях движения тел. Но это было только начало крушения картины мира, строившейся и совершенствовавшейся в течение более двух веков. И Максвелл и Герц сами еще опирались на механистические представления, но электродинамика Максвелла не могла быть до конца понята с помощью механистических моделей эфира и истолкована на этом устаревшем языке. Результат знаменитого эксперимента Майкельсона, вступившего в противоречие с прежними опытами Физо, существенно подорвал теперь понятие эфира как материального носителя световых колебаний.

И все-таки идеалом для многих исследователей, пытавшихся решить спорные проблемы электродинамики, оставалась механистическая картина мира. Эту мысль четко выразил лорд Кельвин: «Если я могу создать механическую модель изучаемого мною явления, то я его понимаю, если же я не могу создать такой модели, я его не понимаю». Иначе говоря, при объяснении объективной реальности выход за пределы механистической точки зрения невозможен. Лорд Кельвин надеялся, что удастся создать механическую модель эфира и тогда все электромагнитные явления станут вполне объясненными.

Законы классической механики большинством ученых в начале XX в. рассматривались как всеобщие и фундаментальные законы физики. Если какие-то факты не укладываются в эту застывшую схему, то «тем хуже для них»: значит, во время эксперимента была допущена ошибка или данный экспериментальный факт надо объяснить как-то иначе, т. е. его перетолковать. Как отмечал Герц, «по мнению многих физиков, представляется прямо немыслимым, чтобы опыт какого бы то ни было

далекого будущего что-нибудь мог еще изменить в твердо установленных принципах механики»¹.

Но поскольку и электромагнитная теория света, и явления радиоактивности, и открытие лучей Рентгена уже не укладывались в механические представления о мире, возникли попытки несколько модифицировать механицизм, чтобы все-таки приспособить его к новым фактам. Классическая механика, таким образом, выступала как шаблон для физического мышления и научной картины мира и после возникновения теории относительности, и только позднее она была значительно поколеблена созданием квантовой механики. Начались поиски, сначала робкие, новой понятийной основы. Но оставалось неясным: какой именно должна быть новая физическая картина мира?

Трудность ответа на данный вопрос была обусловлена, в частности, тем, что требовался диалектический, конкретно-исторический подход в отношении к тем ценностям науки, которые были выработаны до появления релятивистской и квантовой механики. Но этому подходу мешала продолжавшаяся абсолютизация некоторыми выдающимися учеными, такими, как Г. Гельмгольц, Г. Герц, механики как идеала познания.

Чтобы правильно оценить умонастроение ряда ведущих ученых начала XX в., сохранивших верность механистической методологии, надо учитывать сильное воздействие традиции, уходящей в глубь веков и отождествлявшей материю с количеством вещества, по существу, с массой покоя. Поэтому открытия разрушимости атома и существования частиц, не имеющих массы покоя, толкали их к тезису об исчезновении материи, так что эти открытия не могли быть ими приняты. Но дальнейшее развитие физики делало всеобщность механической картины мира все более спорной. Так, электронная теория Лоренца, доказывавшая наличие связи между электромагнитными явлениями и структурой вещества, была уже мало совместима с механистическим идеалом.

Итак, развитие естественных наук в конце XIX и в первой половине XX в. сделало явной методологическую беспомощность механицизма и вообще метафизической методологии с ее застывшими догматическими понятиями, в том числе узко-«вещественным» пониманием мате-

---

¹ Герц Г. Три картины мира.— В кн.: Новые идеи в философии. Спб., 1914, сб. 11, с. 76—77.

рии, а также жестким взаимоотношением исследуемого объекта и экспериментирующего субъекта. Мах, Авенариус и их последователи стали на путь создания субъективно-идеалистической концепции не случайно, а во многом именно потому, что они пытались недиалектическим образом разрешить комплекс острых логико-гносеологических проблем, выдвигавшихся развитием естествознания. Эмпириокритицизм (махизм) возник еще в 70-х гг. XIX в., т. е. задолго до появления специальной теории относительности, в которой проблема соучастия субъекта в формировании объективного знания была поставлена наиболее остро, однако противоречиями классической термодинамики, находившимися у истоков махизма, уже был выдвинут вопрос, каково соучастие восприятий субъекта в получении и истолковании объективных (или считающихся объективными) данных. И решение намечалось идеалистическое, направленное на абсолютизацию этого соучастия. Не случайно и Беркли и Мах критиковали многие положения ньютоновской физики с одинаковых позиций, с той лишь разницей, что Беркли критиковал материализм довольно последовательно и откровенно, тогда как Мах, будучи в одном лице и физиком и философом, вполне последовательно проводить субъективно-идеалистическую линию в философии не смог и пытался ее замаскировать.

*Махистский ответ
на кризис
в физике
и ленинский
подход к критике
махистских
решений*

Попытки использования субъективно-идеалистической философии для анализа новой теоретико-познавательной ситуации в науке не смогли сразу привлечь к себе симпатии физиков, ибо физика по самому своему предмету чужда идеализму. Все же идеи Маха постепенно стали распространяться среди интеллигенции Запада. Американский историк науки Д. Холтон пишет о Махе: «Его философские идеи настолько прочно вошли в интеллектуальный обиход периода 1890—1910 гг., что Эйнштейн был вполне прав, когда много позже заявлял, что даже противники Маха не подозревали, насколько они сами пропитаны его идеями, «всосав их с молоком матери»¹.

Вредоносность махистской философии была понята наиболее проникательными физиками, которые занимали

¹ Холтон Д. Эйнштейн о физической реальности.— Эйнштейновский сборник. 1969—1970 гг. М., 1970, с. 209.

позиции естественнонаучного материализма. Л. Больцман, М. Планк, П. Ланжевен и некоторые другие ученые заявили, что естествознание и махистский субъективный идеализм несовместимы. М. Планк, доказывая пагубность для науки известного махистского принципа «экономии мышления», писал, ссылаясь на творчество Коперника, Ньютона, Гюйгенса и Фарадея: «...едва ли все эти ученые опирались на экономическую точку зрения в борьбе против унаследованных воззрений и подавляющих авторитетов. Нет, опорой всей их деятельности была незыблемая уверенность в реальности их картины мира»¹. Созвучна идеям М. Планка была и критика «энергетизма» В. Оствальда французским физиком П. Ланжевром, обвинившим «энергетизм» в «поверхностном знакомстве с явлениями»².

Но вся эта критика была ограниченной, так как физики не анализировали философскую сущность махизма и не видели его идейных истоков. Ленинский анализ махизма (эмпириокритицизма) существенно отличался от критических высказываний в адрес этого течения со стороны отдельных естествоиспытателей начала XX в.

Как уже было отмечено выше, физики, стоявшие на механистических позициях, столкнулись с трудными теоретико-познавательными проблемами еще до великих открытий конца XIX — начала XX в., а именно при изучении тепловых процессов, которые представлялись «чисто» энергетическими, но оказались принципиально необратимыми. Возникло мнение, что остается либо упорствовать в принципе всеобщности механистического подхода к миру, невзирая на факты, либо отказаться от всяких попыток объяснения энергетических процессов. Указанная выше трудность объяснения необратимости термодинамических процессов была преодолена материалистически мыслящим физиком Л. Больцманом, который, опираясь на факт реальности молекул, интерпретировал рассеяние их энергии как переход от менее вероятного состояния к более вероятному, но противники материалистической философии третировали доводы Больцмана как якобы умозрительные. Они стали на путь ограничения задач физики простым описанием наблюдаемых явлений, не выходя за его пределы. Иными словами,

---

¹ Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966, с. 49.

² Ланжевен П. Физика за последние двадцать лет. Л., 1928, с. 250.

метафизическая абсолютизация механики привела их к отрицанию основной функции науки — не только описывать, но объяснять наблюдаемые явления, т. е. искать подлинные, глубинные причины, вызывающие и обуславливающие те или иные события и процессы. С метафизическим ограничением задач науки «чистым» описанием была связана идеалистическая мысль, что причинность как категория познания — это элемент, заимствованный из донаучного мировоззрения.

Ограничивая познание «чистым» описанием, Мах, а первоначально и Оствальд, и их последователи объявили сущность тождественной внешним явлениям (феноменам), а последние — тождественными субъективным переживаниям их человеком. Это скрыто идеалистическое решение, отождествлявшее физическое и психическое, не могло удовлетворить ни материалистов, ни вполне последовательных идеалистов.

Как отреагировали на эту ситуацию теоретики II Интернационала? Большинство их выступили в пользу материалистического истолкования науки, однако они не разбирались глубоко в существовании марксистской философии и, если даже и признавали ее значение, полагали возможным ограничить ее действие социальной действительностью (так рассуждал, например, Ф. Меринг). Поэтому они не были в состоянии разобраться в мировоззренческих и методологических проблемах новейшего естествознания.

Наиболее последовательную позицию по вопросу о мировоззренческом содержании наук в этот период среди теоретиков II Интернационала занял Г. В. Плеханов, который отстаивал мысль о необходимости диалектико-материалистического подхода ко всем явлениям природы и общества без исключения. Он указал на соответствие новых данных науки диалектико-материалистическим представлениям о мире. Вместе с тем подход Г. В. Плеханова был все же односторонним. Так, он недооценивал важность положения Ф. Энгельса о том, что материализму приходится менять свою форму вместе с каждым составляющим эпоху коренным преобразованием в естествознании, а тем более в науках об обществе¹. Будучи уверенным в том, что «не-материалистическое естествознание невозможно»², Плеханов считал, что содер-

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 286.

² Плеханов Г. В. Соч., т. 17, с. 57.

жание философского материализма завершено, а все данные наук о природе подтверждают материализм. К этому в данном случае сводился основной тезис Плеханова.

Не учитывая того, что при такой позиции положения философского материализма постепенно «окаменевают» и что они могут оказаться перед угрозой превращения в догматически натурфилософские и все более обособляющиеся от развивающихся далее наук, Г. В. Плеханов подошел к критике махизма вне связи с реальными гносеологическими проблемами и трудностями, которые его «взрастили». Более того, по его мнению, в атмосфере современного естествознания философскому идеализму «и совсем дышать невозможно»¹. Естественно поэтому отношение Плеханова к махистам как к «несерьезным» идеологическим противникам.

В. И. Ленин подчеркнул ошибочность такой недооценки махистской опасности: «...связь новой физики или, вернее, определенной школы в новой физике с махизмом и другими разновидностями современной идеалистической философии не подлежит ни малейшему сомнению. Разбирать махизм, игнорируя эту связь, — как делает Плеханов, — значит издеваться над духом диалектического материализма...» (18, 265).

Таким образом, ошибочность позиции Г. В. Плеханова была не в том, что он будто бы допускал, что между диалектическим материализмом и новыми открытиями в науке появились расхождения принципиального характера, а в том, что он в значительной мере прошел мимо тех реальных философских проблем, с которыми столкнулось естествознание.

Более поздние дискуссии о путях развития марксистской философии показали, в частности, что здесь вопрос стоял, по существу, еще шире — о принципиальной трактовке характера взаимоотношения философии и естественных наук, в том числе экспериментальных, а в определенном плане — вообще о взаимоотношении философии и практики. Ограниченность решения данной проблемы Г. В. Плехановым, наиболее резко проявившаяся затем у его учеников (например, у А. М. Деборина), сказалась в том, что он не увидел наступления «новой практики» не только в науках, но и в общественной жизни — практики, требовавшей подъема законов и категорий диалектического материализма на новую

---

¹ Плеханов Г. В. Соч., т. 17, с. 60.

ступень, соответствующую требованиям нового этапа классовой борьбы в идеологии и политике. Эта задача огромной важности была решена В. И. Лениным.

Необходимость философского рассмотрения новейшей революции в физике с позиций материалистической диалектики понимали, но только в общем виде, некоторые другие марксисты. Об этом, например, свидетельствует опубликованная в 1907 г. статья венгерского социал-демократа И. Динэ-Дэнеса «Марксизм и новейшая революция в естествознании», с основными положениями которой В. И. Ленин согласился. Однако Ленин в качестве существенного недостатка этой статьи отметил «игнорирование гносеологических выводов, которые делаются из «новой» физики...» (18, 264), что ослабляло критику махизма и не способствовало дальнейшему развитию диалектического материализма. Между тем новейшая революция в естествознании являлась именно тем периодом в развитии наук о природе, когда материализму неизбежно надо было изменить свою форму. А это предполагало существенное обогащение понятийно-категориального аппарата марксистской философии и качественное развитие многих ее положений. Решая эту задачу, Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме» развил и обогатил диалектико-материалистическую философию, особенно такие ее разделы, как теория отражения, теория истины, учение о материи и о формах ее существования.

В. И. Ленин считал, что духу марксизма противоречат как игнорирование связи между махистской философией и извращаемыми ею новейшими открытиями в физике, так и ограничение критики в адрес махизма исходными позициями домарксовского, недиалектического материализма. Допускать в критике махизма эти две ошибки значило ставить материалистическую философию в обороняющееся, а не наступательное положение, подрывать ее творческий потенциал, а при этом, писал Ленин, нередко «жертвовать методом Энгельса ради той или иной буквы у Энгельса» (18, 265). Он считал, что именно из духа Маркса и Энгельса вытекает в новых условиях необходимость «ревизии формы» диалектического материализма, которую он получил в трудах Энгельса, и эта «ревизия» «не только не включает в себе ничего «ревизионистского» в установившемся смысле слова, а, напротив, необходимо требуется марксизмом» (18, 265—266).

К. Маркс и Ф. Энгельс вскрыли принципиальные недостатки предшествующего материализма. Они подчеркивали необходимость обращения естествоиспытателей к научной материалистической философии. В конце XIX — начале XX в. в связи с эпохальными открытиями в физике необходимость перехода ученых на позиции диалектического материализма стала еще более настоятельной, чем во времена Маркса и Энгельса. Несоответствие между потребностью естествознания в адекватной методологической и мировоззренческой основе и господствовавшими в философии феноменалистски-субъективистскими и религиозно-мистическими взглядами обострилось. Стала явной и недостаточность стихийно-материалистического подхода к философским проблемам науки. При этом кризис философско-методологических оснований науки стал особенно глубоким потому, что он оказался частью общего кризиса в идеологии и культуре буржуазного общества на пороге его империалистической стадии.

Оказалось, что представления многих ученых о том, что физическое знание «почти завершено», в корне ошибочны. Новые открытия в физике и ориентированные на них новые ее теории, созданные на рубеже XIX и XX вв., решительно не вписывались в прежнюю картину мира классической механики. Представления о материи, пространстве, времени, причинности потребовали принципиального переосмысления. Революция в физике показала сложный характер отражения реальности внешнего мира в сознании познающего субъекта. Наивно-реалистическая концепция отражения как якобы зеркального процесса, лежавшая в основе домарксистского материализма, и обнаружила свою коренную недостаточность. Гносеологически и мировоззренчески обеспечить разрешение всех этих проблем и задач мог только творческий, революционный марксизм.

Перед диалектическим материализмом сформулированная выше дилемма (либо механицизм, либо субъективизм) в принципе возникнуть не могла, ибо признание качественной разнородности различных форм движущейся материи исключает подход, опирающийся лишь на частный метод какой-то одной науки. Еще Ф. Энгельс подчеркнул наличие различных видов материи и несводимость одних форм движения к другим, дав первую научную классификацию основных форм движения, а на этой основе — принципиальную схему классификации

наук. Он же подверг критике механицизм, основанный на идее сведения всех законов природы к законам механической формы движения. При этом им было определено в общей форме место описания, гипотезы и теории в научном познании. Описание — не конечная цель процесса познания, как считали махисты, а один из его начальных этапов, так как оно фиксирует лишь видимые аспекты изучаемого объекта, познание же сущности предполагает выход за пределы непосредственно данного, внешне фиксируемого к объяснению явлений на теоретическом уровне.

Глубоко изучив конкретную ситуацию, сложившуюся в философии и физике, В. И. Ленин вскрыл действительные пороки механистического материализма. Отметив, что многие физики и философы справедливо их критикуют, он показал, что одна из ошибок этих критиков состоит в отождествлении материализма вообще с его прежней механистической и метафизической формой. Так, анализируя критику П. Дюгемом и Дж. Б. Сталло мировоззренческих основ классической физики, Ленин указывает, что оба эти автора, несмотря на различие их взглядов, нападают на атомистически-механическое понимание природы и они «доказывают ограниченность такого понимания, невозможность признать его пределом наших знаний, законченность многих понятий у писателей, держащихся этого понимания» (18, 328—329). И далее он подчеркивает, что «такой недостаток *старого* материализма несомненен...» (18, 329). Ленин показывает, что недостатком старого материализма является и то, что он часто не видел объективности относительного знания и преувеличивал возможности упрощенных точек зрения. Однако это не всеобщая черта материализма, как считали махисты. Научная, диалектико-материалистическая реакция на новые теоретико-познавательные ситуации в принципе была уже выражена Ф. Энгельсом, который «отказался от старого, метафизического материализма в пользу *диалектического* материализма, а не в пользу релятивизма, скатывающегося в субъективизм» (18, 329). Незнакомство же с марксизмом Э. Маха, П. Дюгема и других еще более усугубляло их философские заблуждения.

Раскрыв принципиальный характер трудностей, с которыми встречается ученый, когда пытается решать гносеологические проблемы физики с позиций метафизического материализма, В. И. Ленин перешел к решению

следующей важной задачи: как «сладить» с новейшими открытиями в естествознании, с революцией и кризисом в физике, последовательно осмыслить их с позиций материалистической диалектики? Решая эту задачу, он не только показал органическое единство диалектического материализма и новейшего естествознания, но и существенно обогатил общеметодологические принципы подхода к новым проблемам наук, содержание понятийного аппарата материалистической диалектики и диалектического материализма.

*Раскрытие
Лениным причин
«физического»
идеализма*

Новейшие открытия в физике, и особенно открытие естественного радиоактивного распада некоторых химических элементов, послужили основанием

для известного утверждения: «материя исчезла». Как могло возникнуть это странное утверждение? Ведь оно предполагает идеалистическую позицию, враждебную науке: «...исчезла материя (а мысль осталась)» (18, 300). Разве может исчезнуть объект познания науки?

Наиболее распространенным приемом, с помощью которого делались попытки доказать «исчезновение» материи, являлось отождествление философского понятия материи с представлениями о строении тех фрагментов объективной действительности, которые изучает естествознание на том или ином этапе своего развития. Так, Э. Мах и его последователи, а также некоторые метафизически мыслящие ученые в конце XIX и начале XX в. отождествляли понятие материи с понятием массы и, неверно трактуя научные открытия, связанные с радиоактивным распадом, с изменчивостью массы, пытались доказать, что, поскольку масса не может-де изменяться, то первична не материя, а энергия, которая представляет собой будто бы нематериальное движение. Поэтому В. Оствальд, известный тогда физикохимик, считая первичным энергию, и возвел отрыв энергии (как одной из характеристик движения) от материи в исходный принцип своего учения, в котором он одно время отрицал реальность материи и таких ее структурных элементов, как атомы и молекулы. «Энергетическая физика,— писал об этой точке зрения В. И. Ленин,— есть источник новых идеалистических попыток мыслить движение без материи — по случаю разложения считавшихся дотоле неразложимыми частиц материи и открытия дотоле невиданных форм материального движения» (18, 290).

Развитие физики показало, что радиоактивный рас-

пад атомов на деле свидетельствовал не об «исчезновении материи» и замене ее энергией, а о превращении одних химических элементов в другие, массы покоя — в массу излучения. Исследование движения электронов со скоростями, близкими к скорости света в вакууме, привело затем к установлению закона изменения массы в зависимости от скорости движения объекта. В действительности всякой массе (не только массе движения, но и покоя) соответствует энергия, и наоборот, всякая энергия имеет массу. К этой мысли подходили уже Д. И. Менделеев и П. Н. Лебедев. Открытый А. Эйнштейном закон взаимосвязи массы и энергии ($E=mc^2$) уже твердо свидетельствует не о превращении материи в энергию, а о тесной и неразрывной связи массы и энергии, о превращении массы и энергии одного вида в массу и энергию другого вида. Установленная Эйнштейном взаимосвязь массы и энергии раскрыла взаимопереход между веществом и светом и явилась новым естественнонаучным доказательством органической связи между атрибутами материи, новым доказательством ее несотворимости и неуничтожимости.

Диалектический материализм, опираясь на ленинские методологические положения, систематически доказывает ошибочность отождествления материи лишь с физическими объектами, обладающими массой покоя. Микрочастицы, кванты излучения, вообще любые объекты, обладающие или не обладающие такой массой, поскольку они существуют вне и независимо от познающего субъекта, материальны, представляют собой тот или иной (различный) вид материи. В. И. Ленин писал: «Материя исчезает» — это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными (непроницаемость, инерция, масса и т. п.) и которые теперь обнаруживаются, как относительные, присущие только некоторым состояниям материи» (18, 275). Абсолютизация конкретных свойств материи несовместима с диалектическим материализмом, поскольку признание каких-либо неизменных элементов, «неизменной сущности вещей» и т. п. не является характерной чертой материализма вообще, а есть лишь черта метафизического материализма, и ошибка махизма состоит в том, что им игнорируется эта основа философского материализма и различие материализма метафизическо-

го от материализма диалектического» (18, 275). Взаимодействие частиц и так называемых античастиц ведет не к «аннигиляции» («уничтожению») материи, превращению ее в ничто, не к ее исчезновению, а к превращению вещества в излучение, в кванты электромагнитного поля, которые не менее материальны, чем вещество, и представляют собой лишь иной вид материи.

В. И. Ленин указывает, что общий объект человеческого познания — движущаяся материя — несотворим, неуничтожим, многокачествен и неисчерпаем по своим свойствам. Не существует ни материи без движения, ни движения без материи. Нет «исчезновения» материи в электродинамике Максвелла, нет «исчезновения» материи, времени и пространства в теории относительности Эйнштейна, нет «исчезновения» материи и объективной причинности в квантовой механике. Возникают, уничтожаются и переходят в другие состояния и виды лишь отдельные материальные образования. Научное содержание понятия «возникновение» составляют структурные перестройки, модификации и преобразования ранее существовавших состояний движущейся материи в новые ее состояния и на разных уровнях — непременно всегда и всюду в определенных пространственно-временных формах. Под научным же содержанием понятия «уничтожение» следует иметь в виду полные переходы одних состояний движущейся материи в другие ее состояния. Абсолютного в философском смысле возникновения и уничтожения не существует.

Если все виды и состояния движущейся материи конечны, в том смысле что они постоянно возникают и исчезают, то сама движущаяся материя в целом бесконечна, и бесконечность ее состоит в этом никогда не прекращающемся переходе из одних состояний, форм, видов в другие ее конечные состояния. Диалектико-материалистическое понимание бесконечности материального мира полностью исключает любые рассуждения о сверхъестественном мире или мирах, будто бы существующих за пределами материального мира. Более того, из фактов многообразия форм и состояний материи это понимание выводит еще одно доказательство материального единства мира.

Методологическим принципом, который должен вести ученых к новым истинам, по мнению Маха, является принцип «экономии мышления». Э. Мах выводил из «экономии мышления» цель науки, связывая именно с

этим принципом переход от одних учений к другим и стараясь придать этому принципу методологическую всеобщность. На примере анализа работы Маха «Учение о теплоте» В. И. Ленин показывает полную невозможность серьезного исследования механизма развития познания с помощью принципа «экономии мышления». Мах как физик, вопреки своим философским установкам, вынужден был в этом случае все же позаботиться о соответствии своих частнонаучных физических идей действительности, а совсем не о пресловутой «экономии мышления» (18, 176). Ленин систематически подчеркивает непоследовательность и противоречивость отношения физика Маха к выдвигаемым философом Махом гносеологическим положениям.

Однако проблема сохранялась — надо было выработать новые требования к категориальному аппарату развивающейся науки, которая переживала революционные изменения и нуждалась в действительно «работающих» методологических идеях. Необходимо было изменить содержание некоторых фундаментальных категорий механики Ньютона, ограничив действие других областью малых скоростей и больших масс; наконец, требовалось обеспечить теоретически обоснованное введение новых понятий для отображения таких вновь открытых связей и отношений, которые вообще не имеют механического аналога.

В период становления новейшей физики был сформулирован ряд принципов, которые выполняли важные методологические функции, — это принцип соответствия, выражающий факт преемственности знания через определенное «подчинение» некоторых прежних, более узких теорий новым, более широким теориям; принцип наблюдаемости, направляющий внимание исследователя на необходимость эмпирического обоснования вводимых в науку понятий; принцип дополнительности, указывающий на необходимость взаимоисключающих друг друга, а в то же время сопряженных величин для целостного отображения исследуемого объекта, и некоторые др. И если принципы соответствия и дополнительности играли преимущественно позитивную, конструктивную методологическую роль, то принцип наблюдаемости исторически выполнял более «разрушительные» функции. Попытки решить с его помощью проблему реальности изучаемых объектов и их свойств носили упрощенный характер и приводили к субъективизму. Этот принцип

вообще наиболее легко поддавался субъективно-идеалистической интерпретации. Именно так стали интерпретировать его позитивисты (махисты).

Таким образом, в какой-то мере потребность в методологических принципах была удовлетворена. Почему же только в «какой-то мере»? Потому что принцип соответствия, принцип наблюдаемости и другие методологические принципы физики помогают выработать строгие научно-диалектические требования к процессу познания не сами по себе, а только в рамках истинной философской системы, где они свободны от искажений. Вне научно-материалистической философии все методологические принципы физики могут быть истолкованы самым различным, в том числе и ложным, образом, что и показали последующие дискуссии вокруг этих принципов.

Когда В. И. Ленин писал «Материализм и эмпириокритицизм», в ту пору вполне сформировался только принцип наблюдаемости, но он сразу же подвергся махистскому извращению. Критикуя манипуляции махистов со словом (понятием) «опыт», Ленин тем самым подверг критике и субъективно-идеалистическое истолкование принципа наблюдаемости.

На первом этапе революции в естествознании многие ученые не могли мировоззренчески и методологически правильно истолковать изменения, происходившие в структуре научного знания. История с принципом наблюдаемости — только один из ряда примеров этого. Особенно явными среди этих изменений были два обстоятельства — математизация процесса познания и обнаружение факта глубокой относительности знания, — которые получили у Э. Маха, А. Пуанкаре, П. Дюгема и других субъективно-идеалистическую трактовку.

Углубляя критический анализ махистской гносеологии, В. И. Ленин указал на названные выше два обстоятельства как на причины «физического» идеализма и дал позитивное решение вставшим в связи с ними проблемам. Но прежде всего Ленин показал, что махисты дают процессу математизации научного знания неверное истолкование. Этот процесс привел к тому, что теоретическая физика стала физикой математической. В результате объективно реальные связи и отношения как объекты физического знания невольно отошли в сознании теоретиков на второй план. Теория стала более «отдаленной» от изучаемого мира, возросла ее абстрактность, «испарилась» наглядность. Значительно

уменьшилась в этой связи возможность использования моделей, особенно механических, в познании, на первый план в мышлении теоретиков вышли математические уравнения. Видимость была принята некоторыми учеными за сущность, и рядом физиков-теоретиков сделан был неправильный вывод, что материя якобы исчезает, а остаются только формальные отношения, представляемые дифференциальными уравнениями.

Анализируя сущность математизации познания, В. И. Ленин показал, что процесс математизации, начавшийся уже более двух столетий назад, но в XX в. сильно развернувшийся вширь и вглубь, свидетельствует не о кризисе познания, а об успехах естествознания, которое в своем развитии начинает изучать процессы, явления и объекты, допускающие самое широкое применение математики. «Крупный успех естествознания,— писал он,— приближение к таким однородным и простым элементам материи, законы движения которых допускают математическую обработку, порождает забвение материи математиками» (18, 326). Еще раз подтверждается диалектика борьбы материализма и идеализма в самом научном познании, когда «реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки» (18, 326).

Современная физика характеризуется все возрастающей абстрактностью своих теорий, связанной в первую очередь с дальнейшей ее символизацией, формализацией и математизацией. Как и в период написания В. И. Лениным «Материализма и эмпириокритицизма», это создает ныне у некоторых физиков и математиков иллюзию того, что теоретическая физика не имеет ничего общего с реальностями нашего опыта и свидетельствует об априорной или же конвенциональной (условной) природе человеческого знания. Так, физик-теоретик Е. Вигнер писал, что невероятная эффективность математики в естественных науках есть нечто граничащее с мистикой, ибо никакого рационального объяснения этому факту нет и «чудесная загадка соответствия математического языка законам физики является удивительным даром, который мы не в состоянии понять и которого мы, возможно, недостойны»¹.

---

¹ Вигнер Е. Непостижимая эффективность математики в естественных науках.— Успехи физических наук, 1968, т. 94, вып. 3, с. 545—546.

Ф. Энгельс отмечал, что, «как и все другие науки, математика возникла из *практических потребностей* людей...»¹. Но возникнув из потребностей материальной практики, математика впоследствии перестроилась, на смену индуктивным обобщениям древних вавилонян и египтян пришли дедуктивно-аксиоматические построения древних греков и ученых эллинистической эпохи. Математика со временем «забыла» о своем земном происхождении, стала наиболее абстрактной наукой, поставляющей иногда даже новые идеи о природе, но не видящей объективного источника этих идей. Изменение статуса математики, философски акцентированное В. И. Лениным в «Материализме и эмпириокритицизме», значительно обострило теоретико-познавательные споры о природе и возможностях математики. Только диалектический материализм, учитывающий противоречивую сущность математического знания, которое в конечном счете изучает реальный мир, но далеко отвлекается от его содержания и исследует количественные и структурные связи между объектами любой природы, в состоянии раскрыть своеобразный характер действия закона отрицания отрицания применительно к истории развития применений математики. Здесь на практике восстанавливается связь между количествами, абстрагированными математикой от реальных качеств, с этими последними, связь между формой и содержанием структур. Постоянное разрешение этого противоречия через отрицание отрицания лежит в основе развития математики как науки. Девиз «математика для математики», по сути означающий отрыв ее от реальной практики, не находит ныне поддержки у подавляющего большинства исследователей природы. Так, один из создателей кибернетики — Н. Винер писал: «Существует немало математических работ, которые при всей строгости и логичности остаются в глазах опытного и компетентного специалиста чисто формальными опусами, ничего не говорящими ни уму, ни сердцу. Но существуют и другие. Их авторы видят задачу математики в том, чтобы с помощью четких и точных методов создать новое, более совершенное представление о мире... Полная свобода делать все, что ты хочешь и как ты хочешь, — это, в сущности, не более чем свобода вообще ничего не делать»². Такое решение

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 37.

² Винер Н. Я — математик. М., 1967, с. 57.

ученым проблемы соотношения математики и реальности идет в русле философского материализма.

В. И. Ленин и в «Материализме и эмпириокритицизме», и в «Философских тетрадах» отмечал, что «математика и другие науки абстрагируют *одну* из сторон тела, явления, жизни...» (29, 330), так что возможность математического описания реальности является «крупным успехом» (см. 18, 326) науки и против символов «вообще ничего иметь нельзя» (29, 108). В то же время он выступал против отрыва математических абстракций от реального мира и противопоставления их ему, поскольку «*против всякой символики*» надо сказать, что она иногда является «удобным средством обойтись без того, чтобы охватить, указать, оправдать *определения понятий*...» (29, 108). Данное ленинское положение особенно важно в связи с тем, что математизация науки как раз в процессе научно-технической революции развилась в общую тенденцию к формализации, а затем и к аксиоматизации знания. Принципиальным является выделенный Лениным и относящийся также к математике вывод о том, что фигуры логики отложились в сознании человека в итоге многократного повторения их в ходе практической деятельности (см. 29, 172). Логические фигуры логики «имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» (29, 198). Особая важность этих мыслей Ленина объясняется тем, что в период написания «Материализма и эмпириокритицизма» и «Философских тетрадей» метод «математической экстраполяции» или «математической гипотезы» стал одним из ведущих в арсенале науки, однако еще не получил адекватного философского истолкования. В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин выделил факт математизации физики не только как одну из предпосылок утверждения, что «материя исчезает», остаются одни уравнения» (18, 326), но и как одну из основных причин «физического» идеализма вообще. Он показал, что утверждения об исчезновении материи и о сведении реальности к процессам в сознании являются во многом результатом интерпретации роли математики в познании в духе неокантианской гносеологии: методологическая установка, восходящая к Канту, привела к идеалистическому выводу, будто «разум предписывает законы природе» (18, 326).

В. И. Ленин строго различал объективный статус ма-

тематики и ее идеалистические интерпретации, и везде, где сторонники критикуемой им позиции по тем или иным отдельным вопросам высказывают правильные материалистические суждения, он это специально отмечает. Так, относительно того, что «в своей «Механике» Мах защищает математиков, которые исследуют вопрос о мыслимых пространствах с n измерениями, защищает от обвинений в том, будто они повинны в «чудовищных» выводах из их исследований», Ленин пишет: «Защита вполне справедливая... Мах не желает идти в компанию теологов и спиритов» (18, 188). Вместе с тем он отмечает эклектичность общей гносеологической позиции венского физика и философа. Вообще Ленин проводит строгое различие между собственно математическими методами исследования мира и философским истолкованием этих методов.

Опровергая попытки использовать факт математизации науки в интересах идеализма, В. И. Ленин обратил особое внимание на специальный аргумент, апеллирующий к исключению одинакового члена из уравнения. Приводя высказывание А. А. Богданова, что «в науке... понятие материи сводится к выступающему в уравнениях механики коэффициенту массы, а этот последний при точном анализе оказывается обратной величиной ускорения при взаимодействии двух физических комплексов — тел», Ленин замечает: «Понятно, что если какое-нибудь *тело* взять за единицу, то движение (механическое) всех прочих тел можно выразить простым отношением ускорения» (18, 305). Таким образом, дело не в распространении математики в современной науке самой по себе, а в происходящих при этом абстрагированиях от материальных тел, в «исчезновении» из математических формул самих материальных «точек». Однако, продолжает далее Ленин, «тела» (т. е. материя) от этого вовсе еще не исчезают, не перестают существовать независимо от нашего сознания. Когда весь мир сведут к движению электронов, из всех уравнений можно будет удалить электрон именно потому, что он везде будет подразумеваться, и соотношение групп или агрегатов электронов сведется к взаимному ускорению их, — если бы формы движения были так же просты, как в механике» (18, 305—306). В подтверждение истинности своего заключения Ленин приводит слова Больцмана, который, борясь с интерпретацией физики Махом и К^о, утверждал, что «те, кто думает устранить атоми-

стику посредством дифференциальных уравнений, не видят за деревьями леса» (см. 18, 306). Для махистов, писал Ленин, то обстоятельство, что физики Максвелл и Герц «ограничивают свою теорию системой уравнений, есть опровержение материализма: уравнения — и все тут, никакой материи, никакой объективной реальности, одни символы» (18, 316). Однако в действительности материализм торжествует и здесь. «Однородность материи», — отмечает Ленин, одобряя верную мысль А. Рея, — не как постулат, а как результат опыта и развития науки, «однородность объекта физики», — вот что является условием применимости измерений и математических вычислений» (18, 316). Подобный ход мысли и приводит Ленина к тому глубокому выводу о причинах возможности выражения одним и тем же математическим аппаратом разнокачественных на первый взгляд явлений, который был им сформулирован и который мы уже упоминали в иной связи: «Единство природы обнаруживается в «поразительной аналогичности» дифференциальных уравнений, относящихся к разным областям явлений» (18, 306). Этот вывод получил ныне множество подтверждений и обнаружил свою большую методологическую значимость.

Еще одним источником идеалистической интерпретации фактов математизации науки явилось истолкование метода математических гипотез, согласно которому сперва отыскиваются (предполагаются) некоторые математические соотношения и лишь затем отыскивается их структурный прообраз в реальной природе вещей. Такой ход познания, представляющий собой момент дедуктивно-аксиоматического построения науки, приводит вновь и вновь к соблазну толковать движение знания к новому содержанию в субъективно-идеалистическом духе.

Другая причина, породившая «физический» идеализм, которая была выделена В. И. Лениным для специального анализа, «это — принцип *релятивизма*, относительности нашего знания, принцип, который с особенной силой навязывается физикам в период крутой ломки старых теорий и который — *при незнании диалектики* — неминуемо ведет к идеализму» (18, 327).

Вопрос о соотношении принципа релятивности нашего знания и диалектики В. И. Ленин отметил как «едва ли не самый важный» при объяснении теоретических ошибок махизма. Принцип релятивности знания был

абсолютизирован в махизме и стал принципом крайней (т. е. субъективистской) релятивизации знаний. Гносеологически это было связано с использованием того факта, что в структуре классической механики, и соответственно в механической картине мира, объективность отождествлялась с абсолютностью. Основанием этого отождествления была позиция наивного реализма, в рамках которой познание субъектом свойств объекта упрощенно квалифицировалось только как абсолютно истинное или же как абсолютно ложное. При такой трактовке истинность означает наличие метафизически полного, законченного, завершенного знания, где субъективный момент исключен якобы абсолютно (полностью).

Метафизическая трактовка проблемы соотношения релятивизма и диалектики приводила к тому, что знание рассматривалось только как абсолютно полное и завершенное или же как абсолютно относительное, т. е. или как абсолютно объективное, или как чисто субъективное (в смысле: ложное). Открытия в физике на рубеже XX в. породили мнение, что «все старые истины физики, вплоть до считавшихся бесспорными и незыблемыми, оказываются относительными истинами,— *значит*, никакой объективной истины, не зависящей от человеческого, быть не может» (18, 328).

Глобальный характер релятивизации виден из факта спекуляций на всех открытиях, сделанных в физике в период с 1895 по 1905 г. Из этих открытий особенно много споров философско-методологического характера вызвали такие, как доказательство изменчивости массы, поскольку до тех пор массу связывали с материей органически; опыты по радиоактивности, приведшие к разрушимости атома, поскольку до этого атом рассматривался как элементарный, далее не разложимый, строительный элемент всей реальности; особенности самопроизвольного распада атомов тяжелых элементов, которые послужили поводом для отрицания всеобщности закона сохранения энергии. Позже, в середине 20-х гг., ожесточенные дискуссии и большое число философских спекуляций были связаны с открытием относительности классического представления о реальности и механической причинности.

Большие споры о релятивизме вызвала работа А. Эйнштейна «К электродинамике движущихся тел», положившая начало революции в наших представле-

ниях о пространстве и времени. Наконец, вскоре за этой статьей, Эйнштейн опубликовал небольшую работу, где была дана новая трактовка соотношения массы и энергии ($E=mc^2$), послужившая позже одной из теоретических основ всей атомной энергетики. Эта работа «подлила масла в огонь».

Отмеченные и другие открытия составили основу начавшейся революции в естествознании вообще и в физике в особенности, которая обострила борьбу материализма и идеализма. Связанный с революцией в физике кризис ее методологических основ (этот кризис, напомним, был «болезнью роста»!) привел к общей релятивизации существующей картины мира и таких основополагающих ее понятий, как масса, пространство, время, причинность и др., что в течение длительного времени, а отчасти и в наши дни использовалось как решающий аргумент против материалистической философии и ее влияния на науки. При этом, как уже отмечалось, «критики» материализма отождествляли его с его механистической, метафизической формой, упорно игнорируя существование качественно более высокой формы материализма — диалектического материализма.

Релятивизация физических понятий и положений была истолкована позитивистами как их полная субъективизация. Напомним слова Ленина: «В действительности, единственная теоретически правильная постановка вопроса о релятивизме дается материалистической диалектикой Маркса и Энгельса, и незнание ее *неминуемо* должно привести от релятивизма к философскому идеализму» (18, 327).

Ломка физических представлений не окончилась в представлениях позитивистов релятивизацией отдельных положений физики или ее теоретических концепций: предельно релятивизирована была вся картина мира. Позитивисты махистского толка сделали вывод, что картина мира совершенно субъективна и представляет собой лишь экономно простое, обобщенное описание непосредственных данных ощущений. В. И. Ленин подверг критике как абсолютизирующую субъективизацию картины мира, так и ее абсолютизирующую объективацию, когда существующую на данный момент времени научную картину мира объявляют полностью соответствующей реальности и целиком ее исчерпывающей. Позиция, занятая позитивистами, игнорировала объективные основания картины мира. Ленин не раз специ-

ально отмечает именно объективное ее содержание, весьма важное значение этого понятия, а значит, и невозможность обособления подлинно научной картины мира от истинного философского мировоззрения. Так, ссылаясь на работу К. Снайдера «Картина мира с точки зрения современного естествознания», он отметил, что «картина мира есть картина того, как материя движется и как *«материя мыслит»* (18, 375). Поскольку же большинство критиков материализма, и не только из числа махистов, как само собой разумеющимся фактом считали неразрывность материализма и механической картины мира, то Ленин, возражая им, подчеркнул, что «это, конечно, сплошной вздор, будто материализм утверждал... обязательно «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира, как *«движущейся материи»* (18, 296). Итак, отождествление философского материализма с любой конкретной научной картиной мира той или иной, в том числе данной, эпохи ошибочно, ибо диалектический материализм, как отмечает Ленин, настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этапов и рубежей познания природы развивающейся наукой. Диалектический материализм настаивает и на единстве противоположностей в природе, «на превращении движущейся материи из одного состояния в другое, по-видимому, с нашей точки зрения, непримиримое с ним и т. д.» (18, 276).

Все эти ленинские высказывания, взятые в их единстве, совершенно однозначно характеризуют диалектикоматериалистическую позицию в отношении проблемы релятивности знаний: В. И. Ленин подвергает критике абсолютизированный релятивизм, но в то же время включает момент релятивности как в содержание знаний, так и в процессы, ведущие к их достижению (см. 18, 184—185, 189, 278).

Естественнонаучные представления о материи и философский взгляд на нее

Анализируя работы Дж. Дж. Томсона «Корпускулярная теория материи», П. Ланжевена «Физика электронов», А. Риги «О строении материи» и др., В. И. Ленин вскрыл ошибочность той исходной посылки при постановке вопроса об «исчезновении» материи сторонниками махистской гносеологии, которая заключается в смешении трактовки основного вопроса философии с тем или иным естественнонаучным учением о строении материи. Между

тем «вопрос о строении материи, об атомах и электронах есть вопрос, касающийся только этого «физического мира» (18, 274).

В. И. Ленин показал несостоятельность новых попыток опровержения материализма, предпринятых со ссылками на новейшие открытия в физике. Никакие новые данные в науке вообще и в физике в частности не могут опровергнуть материализма. Этот тезис Ленин связал со сформулированным им философским определением материи¹. Подлинное развитие науки не в состоянии прийти в противоречие с указанным тезисом диалектического материализма, так как действительный объект научного познания существует независимо от познающего субъекта. Не обладающие свойством «быть частью объективной реальности» объекты не могут стать предметом научного изучения, поскольку они объективно не существуют.

Развитие процесса познания связано с проникновением на новые структурные уровни строения материи и открытием таких объектов, которые обладают не только известными, но и «странными», «диковинными» свойствами. Однако фундаментальные открытия делаются в науке не столь часто, и обычно между открытиями, проникающими на новый уровень и радикально меняющими наши представления о действительности, проходит длительное время. За это время исследователи успевают привыкнуть к мысли об абсолютности и всеобщности тех свойств, с которыми они имеют дело. Происходит как бы объективизация определенного уровня знания о мире, отождествление материи, обладающей в действительности неисчерпаемыми свойствами, с реальностью, познанной на данном этапе развития науки в рамках только тех фрагментов материального мира, которые были до сих пор объектом исследования. Тем самым создается гносеологическая основа для будущего методологического и мировоззренческого кризиса, поскольку при этом, как отмечалось, произошла подмена философского представления частнонаучным.

А. Рей, работы которого В. И. Ленин использовал в «Материализме и эмпириокритицизме», характеризуя процесс превращения физики в метафизику, писал, что традиционная физика придавала своим теориям онтологическое значение и что эти теории были всецело меха-

---

¹ См. настоящее издание, с. 95—103.

нические (см. 18, 269). В результате получалось нечто вроде неизменной, раз и навсегда данной истины. Процессуальный характер познания подменялся статичным, абсолютно неизменным знанием. Такая подмена противоречила проверенной практикой диалектике процесса познания, и уроками этой практики данная подмена опровергается лучше всего. Отождествление философских представлений о мире с частнонаучными данными о нем — это существенная ошибка. Фундаментальность и всеобщность вещества послужила, как уже говорилось, гносеологическим основанием отождествления материи с веществом, однако на первых этапах развития науки неправомерность отождествления частнонаучного и общепhilosophического была далеко не очевидна. До работ Дж. Максвелла и Г. Герца доказать на материале естественных наук ошибочность приведенного выше отождествления было вообще невозможно.

С течением времени, под влиянием многочисленных фактов, которые доказывали применимость законов механики к тепловым, электромагнитным и т. п. явлениям, уверенность в правильности отождествления материи и вещества и превращения механической картины в аналогичную философскую усиливалась и казалось, что наука вполне подтверждает всемогущество и всеобщность действия если не конкретных положений механики, то по крайней мере ее исходных принципов.

В этих условиях универсализации и абсолютизации механической картины мира, механистического идеала познания исследователям чрезвычайно трудно было принять качественно новые результаты. Новые факты под влиянием механистической методологии воспринимались и понимались неверно, ибо, как заметил К. Маркс, «*неверное мышление неизбежно и произвольно фабрикует неверные факты...*»¹. Выработке нового, «неклассического» идеала познания мешали традиции, стереотипы, догматически застывшие прежние философско-методологические взгляды. Во многом, хотя и далеко не полностью, справедливы слова М. Планка, что «великая научная идея редко внедряется путем постепенного убеждения и обращения своих противников, редко бывает, что «Саул становится Павлом». В действительности дело происходит так, что оппоненты постепенно

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 180.

вымирают, а растущее поколение с самого начала осваивается с новой идеей...»¹.

В самом начале кризиса методологических основ научного познания В. И. Ленин показал ошибочность наивно-реалистической, по сути дела, также метафизической трактовки процесса познания, не понимающей того, что всякое знание данного момента не является окончательным. Уже отсюда видно, что философское понимание материи находится в гибком, переменчивом и в то же время всегда в принципе однозначно определенном отношении к изменяющимся естественнонаучным представлениям о ее строении и физико-химических свойствах. Махистская философия, превратив неполное и неточное знание о материи начала XX в. в абсолют и отождествив его с философским, и притом ложным, его пониманием, стала существенной помехой развитию науки и становлению научной методологии. Диалектический материализм отвергает философскую фетишизацию научных представлений о мире, имеющих в данный момент, но в то же время настаивает на необходимости учета этих представлений философией и на неотъемлемости философских материалистических представлений от той научной картины мира, которая вполне отвечает для данного времени этому своему названию — «картина мира» есть «движущаяся материя» (18, 296).

Ложность истолкования махизмом существующего уровня представлений физиков о реальности явно обнаружилась в связи с оппозицией Э. Маха атомистике. Субъективно-идеалистический эмпиризм привел Маха и его сторонников к отрицанию атомов и всех физических представлений, связанных с атомизмом. Защищаясь от материалистической критики М. Планка, Мах писал: «Существенное различие, которое до сих пор удалось найти (с современной физикой.— *Авт.*), заключается в *вере в реальность атомов...* Ясно, что физики находятся на пути к образованию церкви и заранее усваивают уже привычные ей приемы. На все это я могу ответить просто так: если вера в реальность атомов имеет для вас столь существенное значение, то я отказываюсь совсем от физического образа мышления... то я не хочу быть настоящим физиком... то я отказываюсь от всякого научного признания... коротко говоря, покор-

---

¹ Планк М. Единство физической картины мира, с. 188—189.

по благодарю за причисление к верующим. Ибо свобода мысли для меня дороже»¹.

Объясняя причины отрицания в начале XX в. многочисленными тогда скептиками (В. Оствальд, Э. Мах и другие) реальности атомов, А. Эйнштейн писал: «Предубеждение этих ученых против атомной теории можно несомненно отнести на счет их позитивистской философской установки»².

Не смог понять и принять Мах из-за своих философских предубеждений также и концепцию пространства и времени в теории относительности. Не соглашаясь с теми, кто хотел доказать, будто именно он является идейным вдохновителем теории относительности, Мах в предисловии к «Принципам физической оптики» отрекся от каких-либо симпатий к теории Эйнштейна, объявив ее «догматичной»³. Мах почувствовал, что идея относительности (релятивности) знания далеко не сводится к субъективно-идеалистическому, т.е. крайнему релятивизму, и потому и отверг эту идею. Рассказывали, что, когда престарелому Маху показали действие спинтарископа У. Крукса, он воскликнул, что теперь поверил в существование атомов. Так это было или не так, верно то, что развитие атомной физики в последующие годы не оставило камня на камне от скептической иронии Маха.

Таким образом, В. И. Ленин был совершенно прав, когда доказывал, что Э. Мах, будучи физиком, в своих философских блужданиях ушел, однако, далеко в сторону от современного ему естествознания. Такая оценка в определенной мере относится ко всем ученым, которые не только провозгласили ошибочные философские идеи, но и стали следовать этим идеям в своей практической работе. Так, ошибочная философская концепция конвенционализма, доказывавшая условность научных понятий и теорий, оказала отрицательное влияние на творчество видного физика и математика А. Пуанкаре. По мнению Л. де Бройля, конвенционализм помешал Пуанкаре «правильно понять тот факт, что среди логически возможных теорий имеются, однако, теории, которые

---

¹ Мах Э. Основные идеи моей естественнонаучной теории познания и отношение к ней моих современников.— В кн.: Новые идеи в философии. Спб., 1912, сб. 2, с. 136—137.

² Эйнштейн А. Собрание научных трудов. М., 1967, т. 4, с. 276.

³ Цит. по: Холтон Дж. Эйнштейн о физической реальности.— Эйнштейновский сборник. 1969—1970, с. 215—216.

наиболее близки к физической реальности, во всяком случае, лучше приспособлены к интуиции физика и более пригодны содействовать его усилиям»¹. Вот почему А. Эйнштейн, которому было только 25 лет и математические знания которого не могли идти в сравнение с тем, чем располагал французский ученый, все же раньше Пуанкаре осуществил синтез, сразу снявший все трудности (речь идет о создании специальной теории относительности), использовав и оправдав все частичные результаты своих предшественников. Таковы конкретные следствия философско-методологических идей Э. Маха и А. Пуанкаре, превращенных в метод познания. Их принципиальная несостоятельность была показана Лениным еще на заре революции в науке XX в.

Гениальность ленинских решений заключается в том, что он, имея перед собой лишь зачатки новой физики, смог, опираясь на уроки истории философии и истории науки, а главное, на принципы диалектического материализма, стать выше общепризнанного в те годы узкого эталона научности и предсказать относительный характер как классических представлений о мире, так и тех представлений, которые в науке шли им на смену.

Конкретным результатом диалектико-материалистического анализа состояния физического знания В. И. Лениным явились, в частности, далеко идущие философско-методологические прогнозы относительно дальнейшего развития физического знания. Таков, например, ленинский прогноз о неисчерпаемости электрона, показывающий, что разграничение между философским пониманием материи и естественнонаучными представлениями о ней — это одна сторона вопроса. Другая — это их взаимодействие.

Идея В. И. Ленина о неисчерпаемости электрона стала в дальнейшем важнейшей методологической идеей для физиков, занимающихся теорией элементарных частиц. Сила этой идеи в ее опоре на факты, в ее органическом единстве со всем содержанием диалектико-материалистической философии, которая отвергает абсолютизацию каких бы то ни было конкретных состояний материи и ее свойств. «...Для материалиста мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны» (18, 130).

---

¹ Бройль Л. де. По тропам науки. М., 1962, с. 307.

Применительно к структуре мира мысль о бесконечной неисчерпаемости объективной реальности означает неисчерпаемость конкретных форм материи. В. И. Ленин писал: «Разрушимость атома, неисчерпаемость его, изменчивость всех форм материи и ее движения всегда были опорой диалектического материализма» (18, 298). И далее: «...природа бесконечна, как бесконечна и мельчайшая частица ее (и электрон в том числе), но разум так же бесконечно превращает «вещи в себе» в «вещи для нас» (18, 330).

Таким образом, В. И. Ленин пришел к идее о неисчерпаемости электрона, применив кардинальное положение диалектического материализма о неисчерпаемости всей природы и гносеологический тезис о соотношении относительных и абсолютных истин к теоретико-познавательным спорам в области науки вообще и атомистики в частности. Эта идея, и соответственно общий принцип неисчерпаемости, и в дальнейшем была в поле внимания Ленина, что подтверждается его замечаниями в «Философских тетрадах» по поводу идей Эпикура, Демокрита, Лейбница и других мыслителей. Так, он расширяет свое понимание данного принципа до утверждения о «вообще бесконечности материи вглубь» (см. 29, 100).

Защищая философский материализм, В. И. Ленин отстаивал научность его естественнонаучных предпосылок. С этим связано то пристальное внимание, которое он уделял специфике нового атомизма, проблеме действительной реальности неисчерпаемых атома и электрона. Позднее в «Философских тетрадах» В. И. Ленин отметил, в частности, следующее высказывание А. М. Деборина: «...разве электронная теория устраняет атом; она только доказывает, что атом *относительно* устойчив, неделим и неизменен...» (см. 29, 533). Развитие науки, таким образом, уточняет и углубляет наше знание свойств атома, и именно научная электронная теория преодолевает прежнее представление об атоме как якобы абсолютно неизменном, неделимом и беспредельно устойчивом, обладающем неизменной массой, показав относительность этих характеристик атома. А факт этой относительности еще раз подтверждает правоту принципов материалистической диалектики.

Развитие познания показало огромную методологическую силу ленинской идеи о неисчерпаемости электрона и вообще о бесконечности материи «вглубь». Зна-

комство с этой идеей способствовало выработке диалектического подхода к проблеме сложности изучаемых объектов, ибо она выражает бесконечную иерархическую многокачественную содержательность природы и ее познавательную неисчерпаемость. Ленинская идея о неисчерпаемости свойств, уровней и структур материи не допускает никаких догматических запретов и не накладывается никаких метафизических шаблонов на научные исследования и их результаты. Она не ограничивает и не постулирует какое-то определенное или, наоборот, непременно бесконечное число уровней и видов материи, она не абсолютизирует ни противоречащего редукционистским принципам качественного своеобразия тех или иных уровней, ни самой идеи редукционизма (сведения высшего к низшему).

Изменения форм и состояний материи не сводимы к комбинированию, перераспределению, чисто структурной переработке и расщеплению на элементарные образования (редукции к ним). Эти процессы имеют место, однако — и это более важно — происходят и качественные изменения и превращения одного в другое, чему современная наука приносит много подтверждений. Сами понятия расщепления и деления, например, на уровне кварков (субэлементарных частиц) приобретают качественно иной смысл. И хотя В. И. Ленин в начале V главы своей книги привел мнение И. Динэ-Дэнеса о «сведениях» всех сил природы, может быть, к одной силе, его собственная позиция в этом вопросе была существенно иной.

В. И. Ленин писал о неисчерпаемости электрона еще тогда, когда многие физики не верили в объективность самого его существования. На заре новой физики он совершенно правильно оценил тенденцию ее дальнейшего развития, указав на факт наступления эры новой механики. Так, английский физик С. Пауэлл писал: «Я хочу подчеркнуть удивительное замечание, сделанное Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм», опубликованной в 1909 г., когда электрон был единственной известной элементарной частицей. В то время, когда весь научный мир склонялся к мысли о существовании неделимых и неизменных частиц, Ленин заявил: «электрон неисчерпаем»¹.

---

¹ Пауэлл С. Ф. Перспективы и проблемы современной науки. — В кн.: Ленин и современное естествознание. М., 1969, с. 150.

Впоследствии японский физик-теоретик С. Саката, используя положение о неисчерпаемости электрона, выдвинул представление о неисчерпаемости нейтрино. Нейтрино, писал он, так же неисчерпаем, как и атом, что свидетельствует о методологической роли идеи неисчерпаемости, ее применимости в исследовании любого материального образования. С. Саката, опираясь на ленинский анализ кризиса методологических основ физики, разработал так называемую составную модель элементарных частиц. По его мнению, «каждое из таких понятий, как «молекула» — «атом» — «атомное ядро» — «элементарная частица», соответствует тому или иному уровню материи в бесконечных по числу ее уровнях»¹. Советские физики В. С. Барашенков и Д. И. Блохинцев сделали общий вывод, что положение о неисчерпаемости электрона «оказало глубокое влияние на мировоззрение нескольких поколений физиков и в настоящее время является одним из руководящих методологических принципов физического исследования»².

Ныне можно констатировать, что развитие современного физического знания доказало истинность и эвристичность ленинской идеи о неисчерпаемости электрона как первого из семейства так называемых лептонов (элементарных частиц, не участвующих в сильном взаимодействии). Но, разумеется, были бы ошибочны попытки доказывать или опровергать с помощью собственно философских аргументов те или иные выдвигаемые ныне конкретно-научные «многоступенчатые» модели элементарных объектов. В настоящее время, например, широкое признание среди физиков получила так называемая глюонно-кварковая модель строения адронов (элементарных частиц, участвующих в сильном взаимодействии). Однако считать кварки и лептоны окончательным низшим уровнем материи нет оснований. Но нет оснований и «ставить запрет» на возможный в будущем вывод, что неисчерпаемость свойств кварков не выражается в наличии более мелких частиц, из которых кварки, может быть, образованы. Вообще суть дела не в непременной субстанциальной или структурной бесконечности материи «вглубь», а в ее принципи-

---

¹ Саката С. Некоторые философские вопросы теории элементарных частиц.— В кн.: Ленин и современное естествознание, с. 162.

² Барашенков В. С., Блохинцев Д. И. Ленинская идея о неисчерпаемости в современной физике.— В кн.: Ленин и современное естествознание, с. 171.

альной качественной неисчерпаемости. Так, новейшие открытия в теории элементарных частиц свидетельствуют о неисчерпаемости их преобразований и связанных с ними свойств. А поиски так называемого «великого объединения» основных взаимодействий в микромире вовсе не означают «конца» этой неисчерпаемости.

Превращая неточные знания в абсолюты, махисты, естественно, их дискредитировали, как только обнаруживалась их неполнота и неокончателность. Так случилось с понятием причинности, которое они превращали либо в «логическое априори» (И. Петцольдт), либо в «произвольную» или «удобную» условную конвенцию «всеобщего символизма» (А. Пуанкаре, П. Дюгем, П. С. Юшкевич), перерастающую в религиозный «символизм» на манер Беркли. Так случилось и с понятиями времени и пространства, относительность которых они истолковали в смысле крайнего субъективистского релятивизма.

Некоторые современные буржуазные марксологи (например, Л. Колаковский и другие), ложно интерпретируя взгляды В. И. Ленина на время, пространство и причинность, видят в них доказательство некоей «непоследовательности» его воззрений: Ленин, дескать, выступал против натурфилософских спекуляций, но сам же стал «диктовать» естествознанию, как именно оно должно понимать эти три категории. Еще В. Базаров пренебрежительно бросил фразу, что представления Энгельса о времени и пространстве «теперь уже устарели»¹, и ополчился на ленинское понимание объективности пространства и времени. «Аргумент» В. Базарова состоял в том, что отражение бесконечности времени и пространства не может поместиться в пространственно ограниченной человеческой голове².

Но ленинская трактовка причинности, времени и пространства представляла собой философский вывод из уроков современного естествознания — вывод, методологически опирающийся на то непреходящее, что содержалось в воззрениях на диалектику природы у Ф. Энгельса и его материалистических предшественников (прежде всего у Л. Фейербаха). В ленинских взглядах нет ни грана чего-либо спекулятивно-натурфилософского.

---

¹ См.: Базаров В. На два фронта. Спб., 1910, с. 66.

² См. там же, с. XXVI.

Еще задолго до создания теории относительности Ф. Энгельс, исследуя результаты и проблемы классической физики, пришел к выводу, что время и пространство как всеобщие формы существования материи, ее атрибуты, неотъемлемы друг от друга и только в абстракции могут быть обособлены от материи и ее движения. Теория относительности полностью подтвердила положение Энгельса об ошибочности ньютоновских представлений о существовании абсолютных времени и пространства, хотя Ньютон был вполне прав, исходя из идеи об их объективности. Время как форма последовательной смены состояний и явлений материи и пространство как форма структурно-протяженного существования материальных систем обладают, по Энгельсу, внутренней диалектической противоречивостью единства прерывности и непрерывности.

Основные ленинские положения о причинности, времени и пространстве концентрируются в тезисах об их объективности, неотделимости от движения материальных объектов, об их неограниченной количественной и качественной содержательности, познаваемости и познавательной неисчерпаемости. Хотя наше знание о причинных связях «всегда несколько упрощает» реальное положение вещей, «наш «опыт» и наше познание все более приспособляются к *объективному* пространству и времени, все правильное и глубже их *отражая*» (18, 160 и 195; см. 18, 181—182). Разумеется, современные нам концепции так называемой «сингулярной точки» и возможного «схлопывания» видимой нам Вселенной не означают ошибочности философского тезиса о неисчерпаемой бесконечности времени и пространства, поскольку речь в данном случае, вероятно, идет только об определенной (хотя и чрезвычайно огромной) области бесконечной Вселенной, а состояние материи до «сингулярной точки», т.е. до метagalактического взрыва, предполагает наличие времени и пространства в каких-то иных, пусть крайне необычных видах.

В. И. Ленин, продолжая начатую Ф. Энгельсом критику механистических представлений о причинности, подчеркнул, что «линейная» каузальность есть только частица неисчерпаемых связей причин и следствий, покрываемых понятием диалектического взаимодействия. Что касается махистов, то они в принципе не смогли пойти дальше понятия функционального отношения, лишь скользящего по поверхности явлений. А когда

позднее, в 20-х гг. XX в., сложилась квантовая теория микромира и на первый план выступило вероятностное понимание причинности, преемники махистов — неопозитивисты попытались свести объективные возможности и причинность к субъективной форме описания в духе крайнего релятивизма; причинность, с их точки зрения, будто бы есть всего лишь логический конструкт, удобный для прогнозирования вероятностей появления будущих ощущений. Ленинская критика махистских взглядов на причинность полностью сохранила свое значение и в этом случае. Что касается времени и пространства, то новейшие идеалисты нередко превращают их либо в чисто субъективные понятия, продукты человеческой точки зрения, либо, отрывая их от материи, — в некие объективно-идеалистические сущности (см. 29, 50).

В. И. Ленин подчеркивал, что учение об объективной реальности времени и пространства неотъемлемо от учения о существовании всего объективного мира и присутствующей ему причинности. Неотъемлемо оно и от учения о диалектике относительной и абсолютной истины в познании (см. 18, 192). Отметим, что Ленин считал применимой категорию причинности к проблеме связи прошлого и настоящего состояний мира (см. 18, 77). Это очень важный момент, если иметь в виду современные споры материалистов с неопозитивистами, отрицавшими вообще временной параметр причинности (Р. Карнап и другие).

*Философия
и структура
реальности*

Кардинальной проблемой, которая вбирает в себя множество различных гносеологических трудностей, является проблема объективной реальности.

Много раз говорилось, что «объективная реальность» в классической физике была синонимом «вещества». Существовать, быть действительно реальным в классической физике означало иметь свойства вещества. Кризис идеи фундаментальности и единственности вещества как субстанциальной основы мира поставил сложные гносеологические проблемы перед физикой и философским материализмом. Что значит в решении вопроса об объективной реальности отказаться от механистического и метафизического материализма? Может быть, следует отождествить материю с электромагнитным полем и считать объективной реальностью только те объекты, которые имеют его свойства (в последней трети XX в. приходится говорить уже о многообразии физических

полей)? В. И. Ленин, решая гносеологические вопросы данной области знания, показал принципиальную ошибочность окончательного отождествления объективной реальности с любым отдельным конкретным видом реального или их конечных наборов. Ленинский подход к данной проблеме коренным образом отличается как от одностороннего эмпиризма, который отождествляет философское решение проблемы со специально-научным, так и от рационализма и априоризма, стремящихся решить встающие здесь проблемы ссылкой на некое «окончательное» трансцендентное и разумно-идеальное бытие. Ленин, исходя из единства (но не тождества!) специально-научного и философского подходов, четко отличил выработанное им определение философского понятия материи от специально-научных понятий и представлений. Материя как философская категория не тождественна ни с каким современным или будущим частнонаучным представлением о ее строении и свойствах.

Выше уже шла речь о специфике и ограниченности решения вопроса о материи метафизическим и механистическим материализмом. Как же пытался решать данный вопрос Э. Мах? Продолжая с позиций субъективного идеализма развивать феноменалистически-эмпирическую (основанную на описании ощущений, чувственных данных) линию в философии, он утверждал, что вообще нельзя «за миром чувственных ощущений постулировать какую-то особую реальность, якобы составляющую основу действительности и эту действительность второго порядка в нашем познании противопоставлять чувственным ощущениям»¹. В. И. Ленин писал: «Этот старый философский вопрос о двух тенденциях или вернее: о двух возможных выводах из посылок эмпиризма и сенсуализма, не решен Махом, не устранен, не превзойден им, а *запутан* посредством языкоблудия со словом «элемент» и т.п.» (18, 128). Недаром сам Мах стал рассуждать в том смысле, что естественному не следовало бы «смотреть на созданные им самим изменчивые средства экономии — на атомы и молекулы — как на какие-то кроющиеся за явлениями реальности. Это приводит к созданию мнимых проблем. Пусть атом останется средством, помогающим изображению явлений, и служит тем, чем служат мате-

---

¹ Валентинов Н. Э. Мах и марксизм. М., 1908, с. 60.

матические функции»¹. Приведенный текст, добавим, свидетельствует не только об отождествлении познавательного явления и реальности, но и о сугубо недиалектическом способе мышления венского философа.

Диалектико-материалистическое понимание проблемы объективной реальности и ее отражения человеческим сознанием не может прийти в принципиальное противоречие с достижениями науки. Уверенность в истинности подобного утверждения покоится на том, что для диалектического материализма нет, как замечал Ф. Энгельс, ничего безусловного, кроме признания отражения человеческим сознанием, когда это сознание существует, независимо от него существующего и диалектически противоречиво развивающегося внешнего мира. Материалистическая диалектика, будучи последовательно критической теорией познания, исключает любые абсолютизации, и, как специально подчеркивает Ленин, для Маркса и Энгельса не существует «никакой другой «неизменности», никакой другой «сущности», никакой «абсолютной субстанции» в том смысле, в каком разрисовала эти понятия праздная профессорская философия...» (18, 277). Для материалистической диалектики относительны не только наши знания о мире на определенном этапе процесса познания, но также и «сущность» вещей или «субстанция» (18, 277). Понятия «сущность», «субстанция» выражают собой углубление, развитие человеческого познания «в глубь» объектов, поскольку диалектический материализм «наступает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих *вех* познания природы прогрессирующей наукой человека» (18, 277). Такая интерпретация процесса познания «субстанциальных глубин» материального мира, как показало дальнейшее развитие науки, была единственно правильной.

Современная наука актуализировала содержащееся в ленинском понятии материи требование данности реального в ощущениях. Теория относительности и квантовая механика показали непростой характер таких очевидных характеристик объективно-реального, как пространственная протяженность и временная длительность, небесспорность того, что все существующее движется по определенным, однозначным классическим траекториям или что материя имеет либо только непре-

---

¹ Мах Э. Научно-популярные очерки. Спб., 1901, вып. 1, с. 43.

рывный, либо только дискретный (прерывный) характер. Наука поставила под сомнение даже применимость к определенным уровням реальности положения «что-то состоит из чего-то». При решении этих и других проблем, пытаясь найти критерии того, что имеет смысл и что его не имеет, естествоиспытатели стихийно, как бы на ощупь двигались в своих методах к материалистической диалектике. Сторонники же Маха и Авенариуса создавали лишь видимость решения целого комплекса философских проблем, важных для естествознания, сводя их к чисто терминологическим. Таково их отношение к категориям «сущность», «качество», «объяснение» и т. д. Как псевдоэмпирик Мах то считал эти категории просто бессодержательными, то давал им субъективно-идеалистическое толкование. Французский историк науки П. Дюгем, сочетавший в своих взглядах идеи Маха и Пуанкаре, писал: «Когда тщетность этих усилий (механического объяснения всех явлений природы.— Авт.) была доказана... Умы сильные и последовательные, считаясь прежде всего с требованиями разума, отказываются требовать от физической теории объяснения законов природы, чтобы зато спасти цельность и последовательность теорий»¹. Но за сохранение формальной цельности и последовательности теорий была заплачена слишком большая цена — отказ от объяснения реального мира, что, по существу, означало отказ от науки.

Как заметил М. Планк, Э. Мах «пошел дальше своей цели, ниспровергая вместе с механистическим мирозерцанием всякое физическое мирозерцание»². На этот результат учения Маха указал также А. Эйнштейн: «Система Маха изучает существующие отношения между данными опыта; для Маха наука — это совокупность этих отношений. Эта точка зрения неверна, и фактически то, что делает Мах, это каталог, а не система»³. Но, по сути дела, именно В. И. Ленин доказал, что Мах не пошел далее поверхностного субъективно-идеалистического описания явлений. Объективная структурность реального мира осталась для махистов книгой за семью печатями.

В ходе критики махизма В. И. Ленин, развивая

---

¹ Дюгем П. Физическая теория, ее цель и строение. Спб., 1910, с. 122—123.

² Планк М. Единство физической картины мира, с. 48.

³ Цит. по: Холтон Дж. Эйнштейн о физической реальности.— Эйнштейновский сборник. 1969—1970, с. 221.

мысль Ф. Энгельса, охарактеризовал современные не-диалектические виды материализма.

Так называемый «стыдливый материализм» обладает в большей или меньшей степени агностическими чертами, а материализм естественнонаучный, или естественноисторический, если и бывает иногда затронут агностическим поветрием, то в своей основе имеет твердое убеждение естествоиспытателей и вообще ученых в объективном существовании объектов, свойств и законов внешнего мира и их принципиальной познаваемости. Но весь махизм *«борется с начала и до конца с «метафизикой»* естествознания, называя этим именем *естественноисторический материализм*, т.е. стихийное, несоздаваемое, неоформленное, философски-бессознательное убеждение подавляющего большинства естествоиспытателей в объективной реальности внешнего мира, отражаемой нашим сознанием» (18, 367).

Критика махистами и близкими к ним философами естественнонаучного материализма шла в различных направлениях. Одним из них (о нем уже шла речь выше) было нападение на исходные принципы атомизма как физического направления, лежащего в основе других частных воззрений. Отрицательное отношение к атомизму всецело, например, поддерживалось имманентной философией, представители которой критиковали естествоиспытателей именно за признание теми объективной реальности. Так, немецкий философ И. Петцольдт, высмеивая естественнонаучный материализм, утверждал, что «совершенно все равно, держится ли мир на сказочном слоне или на молекулах и атомах, если мыслить их себе в гносеологическом отношении реальными, а не только для метафоры... употребляемыми» (понятиями) (см. 18, 368). Ленин характеризует эти положения как *«сплошной обскурантизм»*.

Отношение В. И. Ленина к естествознанию и естественнонаучному материализму принципиально иное: он опирается на данные естественных наук, а также на опыт человечества, его практику, которая доказывает истинность таких исходных посылок материализма и естествознания, как существование внешнего мира, определенной степенью точности отражаемого нашими теориями (см. 18, 46).

Анализируя тенденции развития познания, В. И. Ленин отметил, что старая классическая «механика была снимком с медленных реальных движений, а новая фи-

зика есть снимок с гигантски быстрых реальных движений» (18, 280—281). Это важное положение он написал тогда, когда многие физики, в сущности, еще не понимали специальной теории относительности. По сути дела, Ленин применил здесь физико-гносеологический принцип соответствия (перехода от истины менее полной к истине все более полной). Диалектические идеи о соотношении абсолютной и относительной истины широко проникли в современную физику позднее, когда принцип соответствия был четко сформулирован Н. Бором. Но А. Эйнштейн при решении задач, связанных с созданием новой релятивистской теории пространства, времени и тяготения, фактически уже руководствовался соображениями, которые впоследствии были сформулированы как принцип соответствия. Еще более определенно принцип соответствия был применен в процессе создания квантовой механики. В физике последней трети XX в. уже многие ученые сознательно руководствуются идеями принципа соответствия при построении новых теоретических систем. При этом принцип соответствия выступает как методологический ориентир, особенно в процессе формулировки гипотез и сравнения конкурирующих концепций о реальности, помогая при выборе из конкурирующих теоретических моделей той, которая более верно отображает действительность, и, таким образом, позволяя более конкретно подойти к решению каждый раз в новой ситуации проблемы соотношения абсолютного и относительного в знании и познании. Именно принцип соответствия явился для многих представителей естественнонаучного материализма средством сознательного (или даже неосознаваемого) приобщения к идеям диалектического материализма.

Усилия Маха и Авенариуса были направлены на то, чтобы обратить естественнонаучных материалистов в «веру» субъективистского эмпиризма, но они не могли увенчаться успехом, поскольку научно-исследовательская практика на каждом шагу опровергала идеи и прогнозы махистов. В конечном счете высшей точкой, до которой смогла «возвыситься» гносеология Маха и произвести впечатление на естественнонаучных материалистов, явилась критика претензий некоторых абсолютов классической механики на то, чтобы стать окончательной философско-методологической основой мира и процесса его познания. В такой критике была некото-

рая заслуга Маха, ибо это отчасти способствовало подготовке новой идейной атмосферы, необходимой для возникновения релятивистской и квантовой физики.

Но, как доказал В. И. Ленин, сам махизм в принципе не может положительно решить проблемы, вставшие при «разрушении» классического мировоззрения и создании новой физики и поставившие взгляды естественнонаучных материалистов перед серьезным испытанием. Махизм устранил возможность теоретического объяснения и разрешения проблем развития знания. Критикуя догматизм механицизма как научно-исследовательской программы, махизм сам выступил с догматических и метафизических позиций, ложно отбросив вопрос об истинных моментах классической механики. Релятивистское отрицание классических представлений о мире само оказалось здесь абсолютным в доггелевском смысле слова. Это дезориентировало естественнонаучных материалистов и усиливало мировоззренческие и методологические шатания в их среде.

Мах, Пуанкаре, Дюгем и их сторонники были по своему последовательны, когда они истолковали релятивизацию основополагающих физических истин как крах всей системы научного знания вообще, а вместе с тем и как крах материалистической ориентации среди естествоиспытателей.

Следуя позитивистской логике, махисты заявили и о крахе любой прежней философии вообще, поскольку они трактовали философские положения как непосредственно «взращенные» научным знанием, и если последнее приходит с ними в разлад, то от всех них и надо отказаться. В этом смысле В. И. Ленин отмечал: «Как в философии, так и в физике махисты (имеются в виду махисты среди российских социал-демократов.— Авт.) рабски плетутся *за модой*, не умея с своей, марксистской, точки зрения дать общий обзор известных течений и оценить их место» (18, 321).

С идеей релятивизма (абсолютизации относительно, условного) в познании многие естественнонаучные материалисты на рубеже XIX и XX вв. не совладали, не сумели гносеологически правильно разобраться в ней. Но делать из факта релятивизации (в вышеприведенном смысле) всех физических истин, в том числе таких, которые казались прежде совершенно бесспорными, самоочевидными и незыблемыми, вывод о релятивизации таких основополагающих подлинно философских

истин, как существование вне и независимо от познающего субъекта внешнего мира,— это означает, подчеркнул В. И. Ленин, допустить глубокую ошибку. И вообще подлинно философские истины суть вывод из всей суммы человеческого знания и предшествующей практики; они не могут быть полностью доказаны или опровергнуты какой-то одной отдельной наукой, пусть и такой важной, как физика, а тем более находящейся в ситуации «кризиса роста». Не могут они быть опровергнуты и использующими эту науку спекуляторами от гносеологии.

Но спекуляции не исчезали, атаки на естественно-научный и философский материализм продолжались. Так, во время известной парижской дискуссии, посвященной теории относительности, с участием П. Ланжевена, А. Пуанкаре, А. Эйнштейна, А. Бергсона и других, А. Пуанкаре выдвинул тезис, что положение «внешний мир существует» значит лишь: «удобнее считать, что внешний мир существует». П. Дюгем, доказывая ненужность решения основного вопроса философии для науки, вопрошал: «Существует ли вообще материальная реальность, отличная от чувственных явлений? Какова природа этой реальности?»¹ Далее он заявил, софистически ссылаясь на Ньютона, что «теоретическая физика не постигает реальности вещей, а она ограничивается только описанием доступных восприятию явлений при помощи знаков или символов»². По его мнению, «физическая теория имеет одну только цель — дать описание и классификацию экспериментально установленных законов»³.

А. Пуанкаре, чьи слова В. И. Ленин не раз приводит в «Материализме и эмпириокритицизме», был одним из самых выдающихся ученых на рубеже XIX и XX вв. На примере его взглядов хорошо видно, как непонимание диалектики и крайняя релятивизация знания, понятая как превращение «старых принципов» в «руины», привели ученого к философскому конвенционализму. Характеризуя ход мысли Пуанкаре, Ленин писал: «Ломка самых основных принципов доказывает (таков ход мысли Пуанкаре), что эти принципы не какие-нибудь копии, снимки с природы, не изображения чего-то внеш-

---

¹ Дюгем П. Физическая теория, ее цель и строение, с. 12.

² Там же, с. 137.

³ Там же, с. 215.

него по отношению к сознанию человека, а продукты этого сознания» (18, 267). В ситуации, когда новые данные науки показали относительность классических воззрений о мире, неоднозначность соответствия науки и реальности, А. Пуанкаре растерялся и по многим вопросам методологии и теории познания стал на позиции, близкие к идеализму.

Раскрыв существо и причины кризиса методологических оснований физического знания, В. И. Ленин отметил, что увлечение ряда естествоиспытателей модными субъективно-идеалистическими теоретико-познавательными построениями носит все-таки преходящий характер. «Уклон в сторону реакционной философии, обнаружившийся... у одной школы естествоиспытателей в одной отрасли естествознания, есть временный зигзаг, преходящий болезненный период в истории науки, болезнь роста, вызванная больше всего *крутой ломкой* старых установившихся понятий» (18, 323). В дальнейшем, по словам Ленина, в конечном счете «материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с непрременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим» (18, 324).

Дальнейшее развитие науки полностью подтвердило правоту ленинского прогноза. Значительно расширившиеся масштабы научной революции после выхода в свет «Материализма и эмпириокритицизма», связанные с появлением и последующим осмыслением общей теории относительности, квантовой механики, квантовой электро- и хромодинамики и т. д., усилили взаимозависимость специально-физического и философского знаний в познании реального мира. Это заставило многих ведущих физиков невольно «заговорить» языком диалектики. «Диалектизация» развивающегося знания стала неизбежным и закономерным процессом, необходимым для успешного развития науки. Процесс этот протекал сложно, с зигзагами и временными отступлениями. Но союз диалектико-материалистической философии и передового естествознания — неуклонное веление времени. О необходимости этого союза писал еще Ф. Энгельс. О важности этого союза скажет В. И. Ленин и в «Философских тетрадах», и особенно в своем последнем философском произведении «О значении воинствующего материализма».

ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКОГО ПОНЯТИЯ МАТЕРИИ

*Подход
Ф. Энгельса
к определению
понятия
«материя».
Ленинское
определение
этого понятия*

В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» отнюдь не ограничился только защитой материализма вообще и демонстрацией правоты и могучей познавательной и практической силы наиболее последовательного, т.е. диалектического, ма-

териализма в решении методологических и мировоззренческих проблем современной науки и в опровержении позитивизма и субъективного идеализма; он вместе с тем существенно развил далее диалектико-материалистическое мировоззрение, завершив начатое К. Марксом и Ф. Энгельсом дело создания последовательно материалистической теории материи. Французский марксист-философ Ж. Лабика с полным основанием характеризует «Материализм и эмпириокритицизм» как «подлинный трактат по материализму»¹.

Факты новейших физических открытий на рубеже XIX—XX вв. показали, что продолжать пользоваться далее прежним философским понятием материи как субстанции-вещества уже невозможно. Оно было слишком узким, недостаточным. Спекулируя на факте неудовлетворительности сведения материи к веществу, махисты подменили ее понятием «опыт» в его субъективно-идеалистической интерпретации. По сути дела, они вообще упразднили понятие материи. В. Базаров, например, то и дело апеллируя к «опыту» в махистской его трактовке, писал: «Бытие», «материя», «природа» сверхопытных марксистов — только пустые слова...»² Затем он объявил материю «трупом».

В. И. Ленин избрал иной, единственно верный путь. Задача состояла в том, чтобы качественно расширить

¹ Французские марксисты о диалектике. М., 1982, с. 202.

² Базаров В. На два фронта, с. 98.

существующее понимание материи, обогатив его новым содержанием. Необходимо было выработать новое философское понятие материи, в принципе охватывающее все заново открытые виды материальных образований и процессов, которые были обнаружены теперь наукой и к которым наука в будущем своими открытиями прибавит еще другие, может быть, еще более «диких», причем охватывающее все их, но не путем эмпирического перечня, вроде того, которым ограничился Фейербах, пытаясь дать определение природы, и который был оценен Лениным как проявление неглубокого подхода. Нельзя было уже остановиться и на дефиниции материи, данной в «Диалектике природы» Ф. Энгельса, который определил материю как «совокупность веществ, из которой абстрагировано это понятие...»¹. Кроме этой элементарной, «сокращающе»-эмпирической абстракции, при которой многообразие качеств «веществ» и «тел» просто-напросто не учитывается, Энгельс применяет и абстракцию, при которой эти качества исключаются совершенно сознательно: «Мы отвлекаемся от качественных различий вещей, когда объединяем их, как телесно существующие, под понятием материи»². Энгельс пояснил, что понимает «под словом тело все материальные реальности...»³. Вместе с тем мы находим среди набросков Энгельса о формах движения материи примечательные слова: «От эфира нельзя отказаться уже из-за света. Материален ли эфир? Если он вообще *есть*, то он должен быть материальным, должен подходить под понятие материи. Но он совершенно лишен тяжести»⁴. Таким образом, тяжесть и плотность не обязательно должны фигурировать как признаки в понятии «материя вообще». Но вопрос о природе электричества во времена Энгельса оставался неясным, электрон еще не был открыт, и созданная Максвеллом концепция электромагнитного поля во многом оставалась механистической. Энгельс, по сути дела, наметил вопрос об ограниченности «вещественной» трактовки материи. Однако нового определения материи сформулировано все же не было. Воздержался Энгельс и от анализа концепции Максвелла.

Мысль В. И. Ленина развивалась по пути преодоле-

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 550.

² Там же, с. 570.

³ Там же, с. 392.

⁴ Там же, с. 559.

ния ограниченности сведения материи просто к веществу, массе или к некоторому «изначальному» виду вещества. Ленину предстояло при этом разрешить антиномию «материя есть и не есть вещество» (поскольку то, что вещество есть материя, отрицать не приходилось, но обнаружилось, что материя — это не только вещество). Ленин действовал и под влиянием определенных логико-методологических и историко-философских соображений. Одним из уроков критики Энгельсом Дюринга был вывод об ошибочности попыток определения понятия материи через род и видовое отличие.

Е. Дюринг попытался положить в основу конструкции действительности некое «бытие вообще», образовав его путем объединения всего существующего посредством мысли об этом существующем. Но тем самым Дюринг, как разъяснил Энгельс, возвратился к гегелевскому изначальному тождеству мышления и бытия, которое абсолютно лишено конкретности. Всякое различие между материальным и идеальным при этом исчезает; о мире нельзя совершенно ничего сказать «только на основании того, что всем вещам в равной мере приписывается одно лишь свойство существования»¹. «Бытие вообще» «фактически является всего лишь аналогом мысленного ничто, т. е. представляет собой действительное ничто»². Оно бессодержательно, ибо содержанием «бытия вообще» может быть все, что угодно. Конечно, в понятии «бытие вообще» находит скрытое отражение тот факт, что и материя, и сознание существуют и что сознание не менее реально, чем материя. Но подводить под это понятие материю как «частный вид» бытия бесплодно. «...Есть ли более широкие понятия, с которыми могла бы оперировать теория познания, чем понятия: бытие и мышление, материя и ощущение, физическое и психическое? Нет. Это — предельно широкие, самые широкие понятия, дальше которых по сути дела (если не иметь в виду *всегда* возможных изменений номенклатуры) не пошла до сих пор гносеология» (18, 149)³.

Понятие «материальное бытие» глубоко содержательно и предполагает наличие у материи такого ее продукта, как сознание, причем «внутри» «материального бытия» противоположность между материей и ее

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 43.

² Там же.

³ Здесь Ленин, говоря о «бытии», имеет в виду уже не «бытие вообще», а «материальное бытие».

духовными порождениями относительна. Как указывает Ленин, за пределами, определяющими решение основного вопроса философии, «оперировать противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» (18, 259; см. 18, 151; 29, 90). В рамках сопоставления философских направлений противоположность между материей как объективной реальностью и сознанием как реальностью «субъективной» остается абсолютной, хотя вне этих рамок противоположность сознания и материи только относительна, поскольку это противоположность не двух абсолютно самостоятельных начал, а продукта, атрибута (свойства), функции, с одной стороны, и материального носителя этого продукта, атрибута, функции — с другой. Кроме того, сознание не есть некий эпифеномен, побочное явление; оно обратно воздействует на материю, опредмечиваясь в материальных результатах, так что перед нами относительная противоположность. Проблема активности сознания специально подчеркнута В. И. Лениным в «Философских тетрадах».

Значит, надо было дать определение понятия материи непосредственно на уровне взаимоотношения между материей и сознанием как ее диалектической противоположностью. Но это означало, что определение материи должно быть получено на основе диалектико-материалистического решения основного вопроса философии, через содержащийся в нем диалектико-логический «контраст» между материей и сознанием как противоположностями.

Вот знаменитое ленинское определение материи в § 2 главы V книги «Материализм и эмпириокритицизм»: материя есть «объективная реальность, существующая независимо от человеческого сознания и отображаемая им» (18, 276). В этом определении В. И. Ленин указывает только на два признака понятия «материя»: независимость материи от сознания и отображаемость (отражаемость, познаваемость) материи человеком.

В статье «Materialismus militans»¹. Ответ г. Богданову» (1908) Плеханов привел определение материи, высказанное им прежде в книге «Критика наших критиков»: «...материей» называют то, что, *действуя на*

---

¹ «Воинствующий материализм». — *Авт.*

наши органы чувств, вызывает в нас те или другие ощущения»¹. При этом он разъясняет: «Материальными предметами (телами) мы называем такие предметы, которые существуют независимо от нашего сознания и, действуя на наши чувства, вызывают в нас известные ощущения...»² Однако далее Плеханов прямо пишет, что он понимает свое определение материи и материальных «предметов» как всего лишь переложение сказанного П. Гольбахом и Д. Пристли о «телесной», вещественной субстанции³.

А. М. Деборин в статье «Ленин и его воинствующий материализм» высказал упрек, что ленинское определение материи не дает возможности «перехода» к атрибутивной, а тем более вообще к более полной характеристике материи. Но упрек этот совершенно несправедлив. Что имеет в виду В. И. Ленин, когда в определении понятия материи указывает на независимость ее от сознания? В § 4 главы II он пишет о материи как о философской категории, обозначающей объективную реальность, которая «отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (18, 131). Таким образом, прежде всего (но не только) имеется в виду независимость материи от ощущений человека. Отражение материи в ощущениях людей не есть абсолютно изначальный этап познавательного процесса; познание подчинено их практической деятельности, вплетено в нее и не ощущения сами по себе, но «точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания» (18, 145). Поэтому чувственный этап познания Ленин в «Философских тетрадах» назвал «живым», т. е. активным, неотрывным от деятельности, созерцанием (29, 152)⁴. Указание на познаваемость материи посредством ощущений косвенно свидетельствует именно о практической основе познания, которая не сводится к чисто чувственному восприятию предметов, тел, хотя в процессе практики материя предстает людям и обрабатывается ими прежде всего в чувственно-наглядной форме.

Будучи независимой от ощущений, материя тем бо-

---

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т., т. 3, с. 226.

² Там же, с. 228.

³ См. там же, с. 231.

⁴ В работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин употребляет выражение «живая человеческая практика» (см. 18, 103).

лее независима от форм отражения, надстраивающихся над чувственными и наглядными формами отражения, т. е. от теоретически-абстрактных уровней и видов человеческого сознания. В конечном счете после сложной переработки мышлением возникают «мысленные изображения» (см. 18, 34). Отмечая ступени восхождения структур познавательных образов, В. И. Ленин перечисляет: «ощущение, восприятие, представление и вообще сознание человека...» (18, 282—283). Сама чувственность пронизана орудийными и рациональными моментами. Подытоживая эти мысли, Ленин говорит об «объективной реальности, данной нам в ощущении и отражаемой нашими теориями...» (18, 322). Итак, можно констатировать независимость материи от сознания вообще.

Естественно, что В. И. Ленин имеет в виду человеческое сознание, ибо на Земле не существует более развитого сознания, чем у человека, а сверхъестественных видов сознания нет. Речь идет о независимости материи от всякого сознания вообще, в связи с чем ленинское понятие материи направлено не только против субъективных идеалистов и агностиков, но и против идеалистов объективных. Сама независимость материи включает в себя три момента: пространственный, временной и причинно-следственный. «...Основная посылка материализма есть признание внешнего мира, существования *вещей* вне нашего сознания и независимо от него...» (18, 81; см. 18, 103). Более того, материя существовала и существует прежде всяких форм жизни, всякого сознания, до него. «Органическая материя есть явление позднейшее, плод продолжительного развития» (18, 71). Этим двум моментам содержания понятия «независимость» материи в философском плане — ее существованию вне и до сознания — соответствует в плане естественнонаучном материалистический ответ на вопрос: существовала ли природа до человека?

В. И. Ленин ставит другой вопрос: мыслит ли человек при помощи мозга? Положительный ответ на этот вопрос он характеризует как «элементарную истину физиологии...» (18, 87). Вопрос этот соответствует третьему моменту содержания «независимости» — причинно-следственному, каузальному. Значение его очень велико: без точной каузальной характеристики взаимоотношения материи и сознания не может быть до конца преодолен идеализм в его дуалистической разновидности, не дости-

гается необходимой полноты в критике идеализма вообще. Если махисты сводили материю к якобы «нейтральным» ощущениям, то прагматисты попытались растворить сознание и материю в «нейтральном» опыте. Но в действительности «мысль, сознание, ощущение — продукт очень высокого развития» (18, 72), «высший продукт материи» (см. 18, 85)¹. Таким образом, Ленин указывает как на актуальное порождение человеческого сознания высокоорганизованной материей, т. е. мозгом, так и на атрибутивную принципиальную способность к порождению сознания у материи, достигающей в процессе долгого исторического развития, а значит, качественного усложнения организации, той стадии, на которой эта способность актуализируется, т. е. сознание возникает как психическая «функция мозга» (см. 18, 87) и вообще как социальный продукт материи.

Следовательно, независимость материи от сознания означает ее существование вне, до сознания и как объективной причины возникновения сознания. Материя независима от сознания, но сознание зависимо от материи, т. е. оно возникает в материи, существует во времени позднее, чем материя в ее неорганическом и раннеорганическом состояниях, и формируется как высшее следствие в каузальной цепи порождения все более развитых ее духовных продуктов. Итак, при определении понятия материи в содержание признака существования независимо от сознания В. И. Ленин включает способность материи порождать сознание.

Ленинское определение материи по своей логической структуре построено на основе диалектического противопоставления материи и сознания с учетом их взаимосвязи: материя порождает сознание, а сознание обратно воздействует на материю (познавательным и практическим образом). Значит, определение В. И. Лениным материи складывается на основе включения марксистского решения основного вопроса философии в само это определение. Невозможно «дать какое-нибудь иное «определение» основных понятий, кроме указания *направления... философской линии...*» (18, 150; см. 18, 281).

Эту же мысль В. И. Ленин еще раз подчеркивает, когда отмечает, что за пределами основного вопроса философии противоположность материи и сознания диа-

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 286.

лектически относительно, так как существует единый всеохватывающий материальный мир (18, 151)¹. Ленин сформулировал определение материи в тесной связи с положением Энгельса о материальном единстве мира, но эта связь также носит диалектический характер: в положении о материальном единстве мира было подчеркнуто диалектическое «тождество» сознания с материей (сознание не самостоятельно, оно есть продукт материи, его происхождение материально), а в определении материи подчеркивается диалектическое их «различие» (сознание по своему качеству не материально, но идеально). В обоих случаях речь идет о первой стороне основного вопроса философии и его диалектико-материалистическом разрешении.

В ленинском определении материи учитывается и вторая сторона основного вопроса философии и его марксистского разрешения, т. е. сторона собственно гносеологическая, поскольку связь материи и сознания означает взаимодействие материи и ее продукта — сознания. Правда, иногда В. И. Ленин называет определение материи в целом «гносеологическим» (см. 18, 151), имея в виду, что мировоззренческие материалистические посылки не могут быть получены в отрыве от марксистской гносеологии (теории познания), а та не может быть построена и рассматриваться независимо от мировоззренческих материалистических посылок, в обособлении от них. Поэтому, когда речь идет о гносеологии в широком смысле слова, то имеются в виду и общетеоретические (в смысле теории материализма) ее основы; и наоборот, теория материализма включает в себя моменты гносеологии. Отметим, что в практике людей происходит превращение «вещей в себе» в «вещи для нас», Ленин пишет: «Единственный и неизбежный вывод из этого,— который делают все люди в живой человеческой практике и который сознательно кладет в основу своей гносеологии материализм,— состоит в том, что вне нас и независимо от нас существуют предметы, вещи, тела, что наши ощущения суть образы внешнего мира» (18, 103; см. 18, 104). Здесь Ленин указывает, что в основу гносеологии марксизма кладутся материалистические онтологические положения, которые в данном контексте приобретают тем самым

---

¹ «Различие субъективного от объективного есть, **НО И ОНО ИМЕЕТ СВОИ ГРАНИЦЫ**» (29, 90).

и гносеологическое значение. С другой стороны, сами эти положения могут быть истинными только при условии, что истинно наше познание действительности. Таким образом, вырисовывается вывод о взаимообусловленности теории материализма и материалистической теории познания. Путь к этому выводу намечен уже в третьем из «Десяти вопросов референту», а в «Материализме и эмпириокритицизме» сформулирован как тезис: «Быть материалистом значит признавать объективную истину...» (18, 134).

*Соотношение
теории познания
и мировоззрения*

Вопрос о соотношении теории познания и мировоззрения вообще сложен. Тем более важно охарактеризовать подробнее подход к нему и решение его В. И. Лениным. Это решение углубляет понимание предмета марксистской философии и круга рассматриваемых ею проблем. В работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин характеризовал «материю» не только как «гносеологическую» категорию (см. 18, 276), но и вообще как категорию «философскую»: «Материя есть философская категория...» (18, 131). Сформулированное Лениным определение материи является единственным и единым, и притом мировоззренческим не в меньшей мере, чем гносеологическим. Но что означает у Ленина термин «гносеологическое» во всей его полноте? В § 2 главы V и в других разделах книги «Материализм и эмпириокритицизм» сама гносеологическая сторона основного вопроса философии трактуется им мировоззренчески, а именно как вопрос об отношении познания к его объекту в смысле объективного содержания познания и источника самой познавательной деятельности: «Материализм и идеализм различаются тем или иным решением вопроса об *источнике* нашего познания, об отношении познания (и «психического» вообще) к *физическому* миру...» (18, 274).

Тем самым В. И. Ленин окончательно устраняет опасность неточного понимания соотношения первой и второй сторон основного вопроса философии как будто бы двух различных и независимых друг от друга вопросов. В действительности само содержание вопроса о познаваемости мира взаимосвязано с содержанием мировоззренческого вопроса о природе мира: если первая сторона основного вопроса философии, как его раскрывает Ленин, ставит вопрос о том, что первично — материя или сознание, то вторая его сторона заключает

в себе вопрос о том, что первично — познаваемый материальный объект или познающий субъект. Соответственно сознание характеризуется в плане первой стороны основного вопроса как «высший продукт» развивающейся материи, а в плане второй — как отражение материи¹. Обе стороны основного вопроса философии содержатся в следующей слитной формулировке Лениным материалистического решения основного философского вопроса: «...отображение не может существовать без отображаемого, но отображаемое существует независимо от отображающего» (18, 66; см. 18, 124). Ленин вкладывает в эту формулировку строго материалистический смысл.

Характеристика Ф. Энгельсом двух сторон основного вопроса философии показывала, что если в первой стороне выявляется отношение материи к сознанию (материя порождает сознание), то во второй, наоборот, отношение сознания к материи (сознание познает материю). В. И. Ленин развивает анализ дальше.

Во-первых, в разрезе первой стороны основного вопроса материалистическое его решение означает «основную посылку материализма» (см. 18, 124), что отражаемый в познании объективный мир независим от субъекта, от человечества, а в разрезе второй, гносеологической его стороны — положение о том, что от субъекта не зависит содержание объективной истины об этом мире². Отрицание объективности знания есть «и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человечества существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание» (18, 139).

Во-вторых, материалистическое решение основного вопроса философии означает в аспекте первой его стороны тезис о том, что материя порождает сознание, а в аспекте второй стороны, что материя порождает возможность ее познания ее же собственным продуктом, будучи и источником содержания познания. Поэтому «вопрос о том, принять или отвергнуть понятие материи, есть вопрос о доверии человека к показаниям его орга-

---

¹ В конспекте книги Ф. Паульсена «Введение в философию» (1899), относящемся к 1903 г., В. И. Ленин отмечает также правомерность характеристики мышления как особого вида движения (см. 29, 337).

² Разумеется, по форме выражения объективная истина зависит от субъекта, от человека.

нов чувств, вопрос об источнике нашего познания, вопрос, который ставился и обсуждался с самого начала философии...» (18, 131—132; см. 18, 174).

Таким образом, если вторая, т. е. гносеологическая, сторона основного вопроса философии наполняется мировоззренческим содержанием, то первая, т. е. собственно мировоззренческая, сторона данного вопроса и решение его в плане этой стороны, в свою очередь, рассматриваются В. И. Лениным в трактовке, наполненной также и гносеологическим содержанием, учитывающей его. Взаимопроникновение мировоззренческого и теоретико-познавательного аспектов основного вопроса философии видно и из того, что Ленин указывает и на такую разновидность этого вопроса, как вопрос о соотношении понятия и единичных вещей, об источнике соответствия понятий и эмпирических фактов и вообще о природе универсалий (см. 29, 257, 326). Гносеологическое превращается в онтологическую проблему также и тогда, когда Ленин рассматривает проблему отражения в неорганической природе, т. е. применительно к «фундаменту» материи.

Происходит расширение содержания философских терминов. Рассуждая о понятии материи как о «гносеологической» категории, В. И. Ленин имеет в виду, что именно материя есть источник содержания нашего познания и она же, материя, есть источник самого существования сознания. Таким образом, термин «гносеологическое» по своему содержанию расширяется до «философского» вообще.

Когда В. И. Ленин рассматривает как гносеологическую категорию «истина», такого расширения не происходит, так как характеристика объективности прилагается к истине в ином смысле, чем к внешнему миру. Объективность истины не означает ни ее материальности (это был бы вульгарно-материалистический тезис), ни ее идеальной самостоятельности (это был тезис объективного идеализма), тогда как объективность природы означает ее материальность. Истина объективна в смысле адекватности ее содержания отражаемому в познании миру (см. 18, 195)¹.

Термин «гносеологическое» употребляется В. И. Лениным в труде «Материализм и эмпириокритицизм» таким образом, что это с особенной силой подчеркивает

---

¹ Подробнее этот вопрос рассматривается в следующей главе.

диалектическое единство и взаимозависимость обеих сторон основного вопроса философии, а также взаимозависимость сознания и познания — одно без другого существовать не может. Поэтому Ленин выдвигает, например, такой критерий отнесения того или иного теоретика к одному из двух основных философских направлений: если на вопрос: «является ли источником восприятия *объективная реальность?*» — он отвечает: «да», то он — материалист (см. 18, 129). Здесь сам гносеологический вопрос поставлен в мировоззренческой трактовке. Признание объективности познания органически связано с признанием существования объективной реальности.

С другой стороны, В. И. Ленин подчеркивает теснейшую зависимость учения об объективной реальности времени и пространства от признания наличия объективной истины в наших знаниях о времени и пространстве: «Оторвать учение Энгельса об объективной реальности времени и пространства от его учения о превращении «вещей в себе» в «вещи для нас», от его признания объективной и абсолютной истины, именно: объективной реальности, данной нам в ощущении, — от его признания объективной закономерности, причинности, необходимости природы, — это значит превратить целостную философию в крошку» (18, 192). Таким образом, и сам мировоззренческий вопрос может быть поставлен в гносеологической трактовке. Ленин обращает внимание на то, что уже Энгельс употреблял теоретические формулировки, говорящие о теснейшей взаимобусловленности мировоззрения и теории познания (см. 18, 100—102).

Итак, В. И. Ленин соединил воедино мировоззренческий и гносеологический вопросы в соответствии с тем, что они суть две стороны единого философского вопроса. Но это их соединение не означает их слияния в неразличимое тождество. Такое тождество противоречит теории отражения, оно может иметь только либо вульгарно-материалистический, либо идеалистический характер. Знание не полностью тождественно познаваемому объекту, истина не полностью тождественна источнику познания. Материя есть объект познания, объективная реальность «копируется» ее же собственным продуктом — реальностью субъективной, т.е. своей противоположностью. Но материя бесконечно содержательна, и уже потому процесс ее познания не имеет конца.

В. И. Ленин одобрительно цитирует удачное образное выражение П. Дюгема: «Борьба между реальностью и законами физики будет длиться бесконечно...» (см. 18, 330).

Когда В. И. Ленин пишет о том, что материя «копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями» (18, 131), он использует эти выражения не в смысле абсолютно полного и законченного отражения. Сознание людей отражает материю, но всегда неполно, приблизительно, тоже с некоторой, хотя и уменьшающейся долей субъективности. Однако в принципе материя познаваема, фактически она познается людьми все более и более совершенно; объективность, всесторонность, сущностность, полнота и точность познания в рамках исторического его пути возрастают неограниченно. Успехи наук последней трети XX в. подтверждают это с большой силой.

*Соотношение
понятия материи
и естествен-
нонаучных
данных о ней*

В ленинском определении понятия материи указывается на ее познаваемость как необходимый ее признак наряду с признаком ее объективного, независимого от сознания, существования: «Понятие материи ничего иного, кроме объективной реальности, данной нам в ощущении, не выражает» (18, 283). Имеется также высказывание В. И. Ленина, в котором он сужает требование к определению понятия материи до одного единственного признака: «...единственное «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания» (18, 275).

Это положение нельзя брать в изоляции от всего контекста рассуждений В. И. Ленина о материи. Его, в частности, необходимо рассматривать в единстве с ленинскими высказываниями о диалектических свойствах материи, в том числе и о ее неисчерпаемости: «...диалектический материализм настаивает на приблизительном, относительном характере всякого научного положения о строении материи и свойствах ее, на отсутствии абсолютных граней в природе, на превращении движущейся материи из одного состояния в другое, по-видимому, с нашей точки зрения, непримиримое с ним и т. д.» (18, 276). Вместе с тем Ленин опирается на положения Энгельса об атрибутивных характеристиках материи — времени, пространстве, движении, причинности и развитии. В мире нет ничего, кроме движущейся в простран-

стве и времени материи (см. 18, 181). При этом обнаруживается, что Ленин различает по содержанию три связанных друг с другом, но не тождественных понятия.

Во-первых, это понятие совокупности тех естественнаучных знаний о строении материи и свойствах, которые образуют физическую картину мира частиц, их структур, сил и т. д., как эту картину представляет себе естествознание сегодняшнего дня. Типичное для многих философов-метафизиков XVII—XIX вв. отождествление материи только с веществом, а материальности с телесностью было следствием того, что вещество в представлениях физиков тех веков являлось всеобщим видом материи, а также того, что философы не отличали философского понятия материи от представлений физиков о видах и строении материи. Поэтому механическая вещественная картина Вселенной, сложившаяся в учениях физиков того времени, была принята за безусловную философскую картину материального мира. Это было проявлением метафизической ограниченности представителей старого материализма. Поэтому сведение Фейербахом в «Лекциях о сущности религии» материи к совокупности всех вещей и сил Ленин назвал «неглубоким».

Революция в естествознании, начавшаяся с середины 90-х гг. XIX в., принесла крушение прежней физической, а вместе с тем и философской абсолютизации понятия материи. Стала постепенно намечаться новая физическая картина природы. «Но совершенно непозволительно смешивать, как это делают махисты, учение о том или ином строении материи с гносеологической категорией,— писал В. И. Ленин,— смешивать вопрос о новых свойствах новых видов материи (например, электронов) с старым вопросом теории познания, вопросом об источниках нашего знания, о существовании объективной истины и т. п.» (18, 131; см. 29, 526). При возможных будущих преобразованиях формы материализма философское определение материи «преобразованию» уже не подвергнется, хотя философское ее понятие будет развиваться и обогащаться. Но исследования в области строения материи—это дело самих физиков и вообще представителей частнонаучного знания (см. 18, 274, 131, 296).

В конце XIX в. насчитывали три вида физических образований: вещество, электричество и эфир. В 80-х гг. XX в. известно уже несколько сот различных субатом-

ных частиц, объединяемых в несколько групп, движущихся по законам релятивистской квантовой механики и вступающих в четыре вида взаимодействий: электромагнитное, гравитационное, слабое и сильное, которые наука наших дней стремится свести к единству. При этом для группы так называемых адронов, по-видимому, уже найдены более мелкие по размерам составляющие их частицы — кварки и скрепляющие их глюоны. Различные конкретные виды материи сводятся ныне пока к трем основным: вещество, излучение и различные физические поля; однако некоторые виды излучения следует также считать особой модификацией вещества в субатомных его видах и в условиях очень быстрых движений. Особой модификацией вещества можно считать и так называемую плазму. Таким образом, современная физика видит два вида реальности: вещество и физические поля. Вещество имеет в своей «глубинной» основе многообразные физические поля и «подвещественные», а по сути дела также вещественные, уровни микрочастиц, находящихся в постоянных взаимопревращениях и, по-видимому, сводимых к двум «семействам» — кваркам и лептонам. Отличаясь такими свойствами, как масса покоя, инерция, относительная непроницаемость и четко определенная пространственная структура, вещество теснейшими узами связано с другими состояниями материи, «вырастает» из них, на них «распадается» и их существование косвенно обнаруживает, в особенности благодаря усилиям ученых-экспериментаторов. И именно через вещественно-телесный уровень мы воспринимаем чувственно иной вид материи, а высокоорганизованный «уровень» материи, порождающий сознание, т. е. мозг человека, также является вещественным образованием (см. 18, 85).

Во-вторых, у В. И. Ленина речь идет о философском понятии материи, характеризующем «материю» как категорию диалектического материализма. Между прочим, именно вследствие непонимания того, что Ленин проводит различие между определением понятия материи и общим содержанием этого понятия, французский философ Ж. П. Сартр счел возможным обвинять марксистов в противоречивости их взглядов на материю: «То это наибеднейшая абстракция, то конкретная, самая богатая целостность, смотря по тому, что им нужно»¹. Ленин характеризует содержание понятия «материя», делая

¹ Sartre J. P. *Matérialisme et révolution*.— Situations III. P., 1949, p. 162.

термин «материя» предикатом (объективная реальность есть материя) и раскрывая содержание этого предиката через указание на атрибуты материи. В это содержание входят прежде всего указания на время и пространство как основные формы бытия материи и на движение как способ ее существования. Недаром Ленин иногда раскрывает содержание понятия «объективная реальность» как «движущаяся материя» (см. 18, 181). Понятие материи включает также указание на разнообразие и неисчерпаемость видов и свойств материи, на диалектическое единство разных видов материи и их взаимопревращаемость, на их переходы, казалось бы, в «непримиримые» друг с другом состояния. Неотъемлемо от материалистического понимания действительности и «признание объективной закономерности природы» (см. 18, 159). Различие между содержанием философского понятия материи и собственно естественнонаучными, прежде всего физическими, утверждениями о ее структуре при этом сохраняется.

Есть различие между основным вопросом философии и естественнонаучными вопросами типа: «Существовала ли природа до человека?», «Мыслит ли человек при помощи мозга?», иными словами: «Является ли сознание функцией физиологических процессов в нервных тканях?» Однако это различие предполагает и определенную связь философского понятия и частнонаучных утверждений. Как известно, два указанных ранее частных вопроса выделены в темы двух особых параграфов книги «Материализм и эмпириокритицизм», где они органично продолжают философскую аргументацию В. И. Ленина в пользу материализма против махизма, а конкретное их решение помогает обоснованию общепhilosophической материалистической позиции.

В-третьих, от содержания философского понятия материи следует отличать совокупность признаков, входящих в определение этого понятия. Здесь имеет место переход не от «эмпирического уровня» понятия материи на уровень собственно теоретический, а от содержания теоретического понятия к его же определению. Давая определение понятия материи, В. И. Ленин ограничивается признаками, указывающими лишь на такие основные свойства материи (из числа атрибутивных), которые непосредственно вытекают из противопоставления материи ее же собственному продукту — сознанию. Мы уже знаем, что таких свойств два: независимость мате-

рии от сознания и связанная с этим свойством познаваемость, т. е. отражение материи сознанием. С другой стороны, при выработке и развитии содержания понятия материи философ-материалист учитывает развитие естественнонаучных представлений, поскольку философское учение об атрибутивной структуре материи зависит от успехов физических и других наук.

То обстоятельство, что ленинское определение материи было получено путем диалектического противопоставления материи ее высшему и наиболее отличающемуся от нее продукту — сознанию, весьма существенно. Критики и вульгаризаторы марксизма-ленинизма нередко изображают дело так, что будто бы В. И. Ленин определил материю просто как то, что «не есть сознание», а сознание — как то, что «не есть материя», и тем самым сблизился с дуалистами. В действительности же из глубоко содержательного ленинского определения материи вытекает соответствующее, но отнюдь не «зеркально» противоположное определение сознания.

Сознание есть продукт материи, характеризующийся диалектическим единством присущих ему онтологических и гносеологических сторон. Оно есть свойство высокоорганизованной материи. «Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т. д., т. е. от определенным образом организованной материи» (18, 50; см. 18, 39—40); это же должно быть сказано и о других формах существования сознания. Вопрос же о том, как именно происходит возникновение психических явлений в мозгу человека на базе явлений физиологических, относится к естественнонаучному плану исследования, и Ленин указывает на это не один раз. Вместе с тем сознание есть отражение внешней реальности, и оно не тождественно ей, как это получалось у махистов и имманентистов; сознание качественно отличается от материи, субъективная реальность — от реальности объективной. «Что и мысль и материя «действительны», т. е. существуют, это верно, — отмечал Ленин. — Но назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом» (18, 257). И далее: «Что в понятие материи надо включить и мысли... это путаница, ибо при таком включении теряет смысл гносеологическое противопоставление материи духу, материализма идеализму...» (18, 259).

Следовательно, сознание по своему качеству и отражательной функции идеально, хотя материальными

являются его социально-практическое возникновение и нейрофизиологическая основа, отражаемое им объективное содержание, языковая форма внешнего существования и практическая реализация, о которой В. И. Ленин впоследствии писал: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (29, 194).

Нужно всегда видеть не только различие между естественнонаучными знаниями о материи, содержанием ее философского понятия и признаками, которыми ограничивается определение данного понятия, но и внутреннюю связь между этими тремя моментами. Определение понятия «материя» опирается на полное содержание данной категории, а то, в свою очередь, — на содержание естественнонаучных знаний о структуре материи и происходящих в ней процессах. Напрасно противники марксизма пытаются «доказать», будто Ленин в своих философских исследованиях старался «отмежеваться» от естественнонаучных проблем. Наоборот, именно глубоко их продумывая, он пришел к новому определению понятия материи. Содержание определения материи раскрывается со все большей глубиной и тем самым развивается по мере развития философского познания материи, а оно зависит от развития относительно истинных представлений ученых многих частных наук о строении и свойствах различных материальных объектов и процессов.

При поверхностном взгляде может показаться, будто ленинское определение материи, ориентируясь на новейшие естественнонаучные открытия, отбрасывает прежнее понимание материи как вещества. В действительности это определение включает его, но не «в себя» как в определение, а в состав понятия материи, поскольку вещество было и остается одним из ее видов. Недаром В. И. Ленин пишет о познаваемости материи как прежде всего «данности» ее человеку в ощущениях (отвергая, разумеется, понимание материи как только вещества).

*Значение
ленинского
определения
материи*

Ленинское определение материи является могучим оружием критики современной нам буржуазной философии. Ее лидеры в своих нападках на философию марксизма нередко изображают дело так, будто В. И. Ленин неправомерно и чисто механически соединил в своем определении две различные позиции: «реа-

лизм» вообще (когда он пишет о материи как объективной реальности) и старого домарксистского материализма (когда Ленин подчеркивает наличие у материи атрибутов движения, пространства, времени). Но такая трактовка структуры ленинского определения материи является совершенно ложной. Во-первых, как уже отмечалось, структура определения материи как объективной реальности и полное содержание ее понятия — это не одно и то же. Во-вторых, атрибутивная структура материи присуща не только вещественным, но и всем прочим ее состояниям — не может быть никакой реальности вне времени и пространства. А признание материалистом существования объективной реальности и позиций современных нам туманных полупозитивистских течений «реализма», «научного реализма» и т. п. — существенно разные позиции.

Ленинское определение материи завершает долгий процесс развития данного понятия всеми великими представителями философской материалистической традиции. Диалектико-материалистический характер этого определения позволил обеспечить коренное преодоление свойственных всей домарксистской материалистической традиции ограниченных представлений о материи как только о веществе и прочные предпосылки органической связи материалистической философии с новейшими достижениями естественных наук. Ленинское определение материи дало возможность соединить в единое целое материалистическое понимание природы с материалистическим пониманием человеческой истории. Содержание главы VI книги «Материализм и эмпириокритицизм» демонстрирует это особенно ярко. «Материализм вообще, — пишет здесь В. И. Ленин, — признает объективно реальное бытие (материю), независимое от сознания, от ощущения, от опыта и т. д. человечества. Материализм исторический признает общественное бытие независимым от общественного сознания человечества. Сознание и там и тут есть только отражение бытия, в лучшем случае приблизительно верное (адекватное, идеально точное) его отражение» (18, 346). Именно исторический материализм доказывает и конкретизирует истинность диалектико-материалистического решения вопроса о возникновении сознания как исторического продукта материи, формирует понятие коллективно-исторической материальной практической деятельности как процесса создания общественного бытия и раскры-

вает социальные закономерности развития познания.

Понятие материи как объективной реальности ограждает правильное понимание материальности общественного бытия от вульгарно-материалистических и метафизических истолкований, при которых материальность сводят только к вещественности. Такие трактовки чаще всего имеют место при вульгарном истолковании буржуазными философами марксистских взглядов на общество. Неотомисты заявляют, что ленинское определение материи характеризует будто бы только природный вид объективной реальности, тогда как существует якобы и иной ее вид — «сверхъестественное бытие» непосредственных порождений божественного духа (Ж. Плати-Бонжур). Экзистенциалист Ж. П. Сартр усиленно популяризировал воззрение на материю как на лишенную субстанциальности и в то же время вещественную «помеху» человеческому «существованию». Для структуралистов сам по себе материал структур несуществен, однако вещественность, «жесткость» структур выдвигается ими на первый план при всем пренебрежении к характеру этой вещественности. С другой стороны, философы А. Лефевр и К. Акселос, также вопреки фактам, утверждали, будто Ленин отошел от Маркса, «заменившего» понятие материи понятием практики, но для Лефевра практика — это психологическая деятельность, «интеракция» духа и только¹.

Все эти утверждения фальсифицируют ленинское понимание категории «материя» и носят в конечном счете идеалистический характер.

Ленинское понимание материи как подлинной объективной реальности ограждает марксистское учение о материальности общественного бытия не только от вульгарно-материалистических, но и от таких идеалистических истолкований основы социальной жизни, при которых, спекулируя на «реальности» сознания, метафизически отождествляют общественное бытие с общественным сознанием. Этот вопрос подробно освещается далее, но уже здесь следует подчеркнуть, что ленинское понятие материи подвело прочную основу под всю категориальную систему исторического материализма, закрепив тесную связь и взаимообусловленность его с диалектическим материализмом в единой и монопольной системе философии марксизма-ленинизма.

---

¹ *Lefebvre H. Marx. P., 1970, p. 70.*

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ КАК ЯДРО ГНОСЕОЛОГИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Принцип отражения

Одной из существенных черт революционного переворота в философии, означавшего возникновение марксизма, было создание впервые в истории материализма подлинно научной теории познания. Предшествовавшая материалистическая традиция сформулировала такие два важных положения гносеологии, как познаваемость мира, условием которой является материальное единство мира, и общая идея развития знаний от ощущений к мышлению. Огромным шагом вперед было то, что К. Маркс и Ф. Энгельс *ввели практику в сам процесс познания*, а научное учение о практике и ее функциях — в теорию познания и в философское понимание основы общественной жизни. Практика была ими введена также в трактовку исторического развития и преобразования форм материализма; было показано, что именно под влиянием практики производства, политической борьбы, всей общественной жизни и науки изменяются и развиваются само материалистическое миропонимание и теория познания. Второе их революционизирующее нововведение в гносеологию состояло в доказательстве *объективности относительной истины*, чем обосновывалось развитие познающего отражения на пути от относительного к абсолютному знанию.

Систематическая разработка диалектико-материалистической теории познания в труде «Материализм и эмпириокритицизм» состояла в развитии ее стержневых идей, а значит, принципов теории отражения как широких предпосылок и основ марксистской гносеологии. Следует, однако, иметь в виду, что отражение — в ленинском его понимании — может иметь место в неразвитом виде и до появления форм собственно познавательной деятельности. В. И. Ленин внес существенный вклад в развитие теории отражения К. Маркса и Ф. Энгельса, благодаря чему диалектико-материалистическая теория

отражения справедливо носит ныне имя ленинской.

Главная мысль труда «Материализм и эмпириокритицизм» в отношении познания состоит в обосновании следующей идеи. Анализ и разработка проблем теории познания на основе новейших научных данных означает *последовательное проведение принципа отражения*, а это возможно только с методологических позиций материалистической диалектики. «В теории познания,— отмечал В. И. Ленин,— как и во всех других областях науки, следует рассуждать диалектически...» (18, 102).

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал общее всем историческим формам материализма содержание принципа отражения. «...Вывод... который сознательно кладет в основу своей гносеологии материализм,— состоит в том, что вне нас и независимо от нас существуют предметы, вещи, тела, что наши ощущения суть образы внешнего мира» (18, 103). Всеобщность и универсальность содержания фундаментального принципа отражения, как показал Ленин, заключается, в частности, в том, что все формы, виды отражения и соответствующие им средства, присущие носителям отражения разного уровня организации, обеспечивают большую или меньшую адекватность результатов отражения объектам — оригиналам. Вне и помимо соответствия отражения оригиналу невозможны ни ориентирование и приспособление живых организмов к среде, ни познание и преобразование человеком природной и социальной действительности (см. 18, 142).

Цель познания, а тем более научного,— достижение максимально возможной адекватности его результатов, т. е. знаний, объекту — оригиналу. Однако в сложных познавательных ситуациях, при крутой ломке понятий науки под влиянием таких открытий, которые бросают совершенно новый свет на действительность, правильное применение принципа отражения, как показал В. И. Ленин, становится весьма сложной задачей. Реализация этой задачи предполагает взаимодействие разнообразных форм и уровней активности субъекта. Эту идею Ленин раскрывал и разрабатывал применительно к чувственному и к теоретическому отражению, начав анализ в книге «Материализм и эмпириокритицизм» и продолжив его в «Философских тетрадах». В этом отношении данные труды составляют два этапа единого процесса исследований.

Конструктивная разработка принципа отражения и

особенностей его действия в различных условиях осуществлялась В. И. Лениным в борьбе с идейными противниками. Этим определяется полемическая заостренность ряда формулировок и оценок в работе «Материализм и эмпириокритицизм». На этом пытаются спекулировать современные противники теории отражения — буржуазные идеологи и ревизионисты — «неомарксисты», заявляя, что будто бы полемическая страсть «заслонила» здесь требования научности. Но в ленинском труде строгая научность и принципиальная партийность органически связаны в неразрывную целостность.

Продолжая линию рассуждений К. Маркса, Ф. Энгельса и Г. В. Плеханова, В. И. Ленин последовательно критикует позитивистски-идеалистический и примитивно-материалистический принцип тождества мышления и бытия как антипод принципу диалектического отражения. Разоблачая в этой связи построения Маха и Авенариуса, Богданова и Базарова, Чернова и Юшкевича, Ленин вскрыл общий источник и принципиальную основу их взглядов — отождествление физического и психического, а отсюда — бытия и мышления. «Можно и должно говорить об идеализме, когда с ощущениями признают тождественными «элементы физического опыта» (т. е. физическое, внешний мир, материю)....» (18, 54). О базаровском варианте эмпириокритицизма, сконцентрированном в тезисе: «чувственное представление *и есть* вне нас существующая действительность», Ленин замечает: «Это явный идеализм, явная теория тождества сознания и бытия» (18, 343).

Критикуя различные варианты принципа тождества сознания и бытия, В. И. Ленин показывает, например, что концепция «принципиальной координации» Авенариуса, как мы уже знаем, приводит к солипсистскому тупику, когда единственной реальностью признается лишь индивидуальное сознание. Принцип тождества бытия и мышления глубоко ложен и применительно к общественному бытию и сознанию. «Тождество» или хотя бы «параллелизм» сознания (мышления) и бытия (объективной реальности) по своей сути ложны: они исключают активность человеческого познания, обрекают его в лучшем случае на пассивное следование объекту, а в худшем — вынуждают апеллировать к субъективистским приемам организации деятельности, что и случилось в пресловутой «организационной науке» Богданова. Концепция Богданова наряду с философией Маха и

Авенариуса — типичные примеры иллюзорного, философски искаженного отражения действительности.

Эмпириокритикам было также свойственно, как убедительно показал В. И. Ленин, ложное смешение и отождествление гносеологического и онтологического аспектов исследования отражения в человеческой психике. Необходимо определенное различие этих аспектов внутри философского анализа, в свою очередь, подлежащего отличению от анализа частнонаучного.

*Гносеологический
аспект отражения*

В гносеологическом аспекте психики отношение образа как идеального по форме к своему оригиналу — объекту как материальному по форме и содержанию однозначно. Психическое отражение гносеологически безусловно вторично в отношении материального первоисточника образов. Но отражение имеет и свой онтологический аспект, в котором вторичность отражения относительна. Ведь отражение включено в само материальное бытие как «частица», звено в деятельности живых существ, важное орудие их самосохранения и саморазвития, а своими предпосылками и истоками оно коренится не только в досоциальной, но и в добиологической формах существования материи. Но и при таком аспекте исследования психические, а значит, уже развитые формы отражения представляют собой вторичное явление — «высший продукт особым образом организованной материи» (18, 50). Притом под высокоорганизованной материей имеются в виду специализированные органы чувств и головной мозг, взятые не изолированно, не сами по себе: носителем психики является реальный субъект в целом, активно взаимодействующий с природной и социальной средой. В. И. Ленин ставит вопрос точно: «Мыслит ли человек при помощи мозга?», на что, полемизируя с Авенариусом, отвечает, что «мысль есть функция мозга, что ощущения суть функция центральной нервной системы человека...» (18, 87), человека общественного. Идея об активно действующем целостном субъекте была подробно развита Лениным далее в «Философских тетрадах».

Именно исходя из целостного отношения субъекта к внешнему миру, В. И. Ленин обосновывает вывод, что «ощущение есть действительно непосредственная связь сознания с внешним миром, есть превращение энергии внешнего раздражения в факт сознания» (18, 46) — не безличного «сознания вообще» или какого-то неопреде-

ленного коллективного «я», но сознания материально действующего реального субъекта. Только путем изучения целостного взаимодействия субъекта с объектом, как показали И. М. Сеченов и И. П. Павлов, а затем данные современной нейропсихологии, возможно познание факторов и механизма многообразной детерминации психического отражения.

Рассмотрение чисто физического и физиологического содержания процессов и законов деятельности мозга и органов чувств самих по себе еще не дает возможности раскрыть в полном объеме природу и организацию психической деятельности, генезис и взаимодействие различных форм психического отражения. В. И. Ленин ставит перед наукой далеко еще не решенный общий вопрос о том, «каким образом связывается материя, якобы не ощущающая вовсе, с материей, из тех же атомов (или электронов) составленной и в то же время обладающей ясно выраженной способностью ощущения» (18, 40). Решение этого вопроса предполагает, по Ленину, не только дальнейшие экспериментальные исследования деятельности мозга и органов чувств, но и изучение происхождения и развития форм отражения, начиная от свойства отражения в неживой природе, а затем и в живой, вплоть до человеческой психики, в условиях развития дочеловеческих форм поведения и деятельности живых организмов и далее — на базе развития социальной практики. Главная трудность и задача состоит здесь не в доказательстве порознь того, что ощущение, восприятие, мысль есть отражение внешнего мира, с одной стороны, и что психическое отражение есть функция мозга, которым обладает субъект деятельности, — с другой, а в том, чтобы рассмотреть эти два факта совместно, в их внутреннем единстве и связать их с теми социальными предпосылками, условиями и формами развития отражения, без которых отражение в его наиболее развитом виде вообще необъяснимо.

В методологическом плане это прежде всего вопрос о соотношении онтологического и собственно гносеологического аспектов психического отражения. Однако ввиду их теснейшей взаимообусловленности, позволяющей понимать «гносеологическое» как вообще философское, оба аспекта требуют единого подхода: «Конечно, и противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах очень ограниченной области: в данном случае исключительно в пределах основно-

го гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным. За этими пределами относительность данного противоположения несомненна» (18, 151).

Источник и содержание отражения всегда материальны, хотя по своей форме отражение через ряд скачкообразных переходов все более «набирает» качества идеального по мере выделения субъекта (субъектов) из природного мира. Ленинское положение обнажает несостоятельность дуалистической и идеалистической постановок психофизической проблемы, идущих по пути абсолютного противопоставления физического и психического и утверждений о их несоизмеримости. Относительность противоположности материи и сознания ориентирует ученых на исследование глубинных материальных условий и механизмов возникновения психического отражения. Это положение относится и к собственно гносеологическому аспекту — к свойству гносеологического образа «быть идеальным» по форме и объективным по содержанию. Само идеальное должно быть научно раскрыто и обосновано как функция и продукт совокупной деятельности субъекта (субъектов) в окружающей среде, деятельности, осуществляемой с помощью рецепторов, мозга и эффекторов¹.

В. И. Ленин последовательно и конкретно применял положение о различии и единстве двух аспектов исследования сознания, критикуя махистов и близких к ним идеалистов других течений. На смешении и взаимоподмене этих аспектов во многом были основаны спекуляции Маха и Авенариуса (см. 18, 46). Аналогичную подмену, как отметил Ленин, проделывал и Базаров (см. 18, 113—114). В. И. Ленин останавливался также на анализе рассуждений И. Дицгена о материи и духе. Не различая гносеологического отношения познающего сознания к материи и отношения физиологической деятельности мозга как материального субстрата мышления к сознанию, Дицген проявил непоследовательность: он предложил расширить понятие материи, включив в ее состав и мысли. Но тогда, писал Ленин, «теряет

---

¹ Проблема идеального является предметом оживленного обсуждения среди философов-марксистов. В 60-х гг. по ней велась, например, дискуссия на страницах журнала «Философские науки» (см.: Философские науки, 1982, № 5; Вопросы философии, 1979, № 6 и 7; 1984, № 10; Ученые записки Тартуского государственного университета № 731, Труды по философии, Тарту, 1986, с. 40—59 и др.).

смысл гносеологическое противопоставление материи духу, материализма идеализму...» (18, 259).

Гносеологический анализ ощущений как исходной элементарной формы отражения является, по мысли В. И. Ленина, необходимой предпосылкой для изучения дальнейшего развития познавательной деятельности, в особенности для обоснования достоверности собственно теоретического познания: если ощущения не представляют собой относительно адекватного отражения действительности, то в конечном счете должна быть подвергнута серьезному сомнению и достоверность теоретических знаний. Подчеркивая связь этих звеньев рассуждения, Ленин писал: «Считать наши ощущения образами внешнего мира — признавать объективную истину — стоять на точке зрения материалистической теории познания, — это одно и то же» (18, 132).

В ряде мест своей книги В. И. Ленин, заостряя существо спора с махистами, в принципе выступавшими против концепции отражения как соответствия наших представлений вещам, применял к характеристике ощущений выражения «копии», «фотографии» (см. 18, 131). Такое использование терминов в переносном, образном значении являлось полемическим приемом в борьбе с агностиками, помогавшим акцентировать на главной идее. Целью Ленина здесь было довести на этом этапе полемики размежевание с концепцией противника до «логического конца», а затем до обнаружения полной внутренней несостоятельности точки зрения оппонента. Касаясь, например, вопроса о принципиальной координации Авенариуса, Ленин уличил его в неизбежном переходе на почву фидеизма и солипсизма. Так же обстояло дело и с неокантианским агностицизмом.

Однако современные ревизионисты и буржуазные марксологи, пытаясь во что бы то ни стало опровергнуть ленинскую теорию отражения, не желают вникать в общий контекст хода мысли В. И. Ленина; они вырывают отдельные слова и термины из живой ткани произведения и строят на этом далеко идущие спекуляции. Впрочем, ревизионисты стали подобным образом нападать на «Материализм и эмпириокритицизм» сразу же после выхода книги в свет. Так, В. Базаров всячески высмеивал понятия «копия» и «фотография»¹. А ныне Л. Колаковский утверждает, будто Ленин буквально настаивал

---

¹ См.: Базаров В. На два фронта, с. XXV.

на копировании, фотографировании, зеркальном отображении вещей, возвращаясь тем самым к домарксистской метафизической форме взглядов, к «наивной додемокритовской вере»¹. Аналогичные обвинения можно встретить и в работах «неомарксистов» К. Косика, Л. Гольдмана, П. Враницкого, Р. Гароди и других. Впрочем, еще К. Корш в книге «Марксизм и философия» и А. Паннекук в работе «Ленин как философ» рассуждали в том же духе.

Полная несостоятельность подобных обвинений и извращений обнаруживается уже в связи с тем обстоятельством, что даже сами атаки на понятие «зеркального» отражения глубоко фальшивы, поскольку никаких «зеркальных» дубликатов — образов не существует даже в оптике. Особенно важен в данной связи анализ В. И. Лениным диалектики объективной, относительной и абсолютной истины². Рассмотрение различных сторон диалектики субъективного и объективного, отражения и творчества, воспроизведения и преобразования оказалось в поле зрения Ленина и позднее в «Философских течениях». Но это не означало перехода на некие новые позиции, а явилось последовательным развитием ранее выдвинутых и отстаивавшихся им тезисов.

*Проблема
существования
отражения
в «фундаменте»
материи*

Рассмотрим теперь онтологический (связанный с пониманием самого бытия) аспект ленинской концепции отражения как — предположительно — всеобщего свойства (атрибута) материи.

Э. Мах в борьбе против материалистов выдвигал альтернативу, якобы вытекающую из сути материализма: либо из материи «ощущение должно возникать как-то внезапно, или оно должно существовать в самом, так сказать, фундаменте этого здания» (см. 18, 39). И Мах оставил в вину материализму нерешенность вопроса о том, откуда «возникает» ощущение. Критикуя Маха, В. И. Ленин противопоставляет его взглядам конструктивное решение, придав весьма важное значение предположениям философа Д. Дидро и естествоиспытателей Э. Геккеля и Л. Моргана. Но этой идее Ленин придал существенно новое, диалектическое содержание: генезис

¹ Kolakowski L. Main Currents of Marxism. Its Rise, Growth and Dissolution. Oxford, 1978, v. 2, p. 450, 454, 457—458.

² См. об этом далее в связи с рассмотрением вопроса об объективной истине.

отражения нельзя верно понять вне учета его качественного развития и глубоких различий между разными его этапами. Ленин писал, что «в ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи (органическая материя), и «в фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности, сходной с ощущением» (18, 39—40).

В ответ на тезис махиста К. Пирсона: «нелогично утверждать, что вся материя сознательна», В. И. Ленин замечает: «...но логично предположить, что вся материя обладает свойством, по существу родственным с ощущением, свойством отражения...» (18, 91). Сделав в двух местах книги это предположение, Ленин далее в своем сочинении данную идею не развивает. Иначе говоря, вопросы о том, в чем состоит эта «родственность», а значит, сходство и отличие свойства протражения от ощущения, с одной стороны, и от процессов и результатов чисто физического взаимодействия вообще — с другой, остались открытыми. Таким образом, Ленин поставил здесь перед марксистской философией и частными науками определенную проблему, задачу для будущих исследований. Как бы то ни было, из ленинской точки зрения можно с большой долей уверенности сделать вывод, что отражение есть сторона каузальных, причинно-следственных взаимодействий, хотя и не тождественно им. И возможно, что именно на микроуровне это проявляется особенно сильно. С современной точки зрения каузальное взаимодействие в той или иной мере означает и «перенос» некоторой информации, если понимать «информацию» также и в потенциальном смысле. Вместе с тем очевидно, что Ленин — противник гилозоизма и панпсихизма.

В дальнейшем в литературе по марксистской философии сложилось несколько различных точек зрения, дающих предположительный ответ на вопрос о статусе свойства отражения в неорганической природе. Согласно первой из них, речь должна идти об особых внутренних состояниях, присущих объектам всей, в том числе неживой, природы¹. Согласно второй точке зрения, свойство отражения есть воспроизведение особенностей одного

---

¹ См.: Павлов Т. Избранные философские произведения. М., 1961, т. 1, с. 259—261, 325—326; Медведев Н. В. Теория отражения и ее естественнонаучное обоснование. М., 1963, с. 8—10; Проблемы отражения. М., 1969, гл. 1; Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М., 1957, с. 10—11, 39 и др.

объекта в форме изменений другого объекта¹. Для первой точки зрения характерно признание актуального характера отражения как особого «качества», способного накапливать и использовать прошлый опыт (его «следы»), причем отражение сказывается на развитии уже неорганических объектов, ибо и им присуще; согласно второй точке зрения, свойство отражения есть определенный вид взаимодействия, «отношение», и в неживой природе оно существует только в потенциальной форме, не более как предпосылка будущего актуального отражения². Эти точки зрения представляют собой основные методологические «русла», в которые укладывается ряд различных гипотез о сущности прототражения и разных путей изучения развитых форм отражения — биологического, психологического, логического, кибернетического и др. (Это направления исследования, а не сами формы: едва ли существует, например, особое «кибернетическое» отражение.)

Из контекста ленинской работы вытекают некоторые общие выводы, касающиеся специфики отражения.

Первый вывод состоит в следующем. В отличие от физических взаимодействий неорганических тел, живой организм, а тем более субъект в обществе активно использует отражение, как отмечал В. И. Ленин, для сохранения жизни и вида, для приспособления к среде и в общественной практике в качестве орудия ориентировки. В таких современных науках, как физиология высшей нервной деятельности, психология, кибернетика, бионика, утвердился принцип единства сигнализации (информации) и управления, психического отражения и предметной практической деятельности. Отражательные функции или способности всегда развиваются на основе накопления двигательного-поведенческого опыта организма или субъекта. Таким «опытом» неорганическая природа не обладает, и поэтому накопление «следов» прежних процессов происходит в ней качественно иначе.

Второй вывод вытекает из критики махистской трактовки ощущений как только состояний сознания, соотношенность которых якобы с объектом лишь иллюзорна. В. И. Ленин указывал на необходимость предметного значения воспринятых и переработанных воздействий

---

¹ См.: Корнфорт М. Диалектический материализм. М., 1956, с. 315; Украинцев Б. С. Отображение в неживой природе. М., 1969; Коршунов А. М. Теория отражения и творчества. М., 1971, с. 7—8.

² См.: Тюхтин В. С. Отражение, системы, кибернетика. М., 1972, гл. 2.

для субъекта познания и деятельности. Благодаря такому значению они выступают для субъекта в виде информации, отображающей качества и отношения объектов. В соответствии с данными современной науки это означает, что активные предметные действия субъекта, его активное отношение к среде вообще, его «устремленность» на внешний, а затем и на свой внутренний мир — все это объективирует «следы», сигналы, т. е. соотносит их с объектом, и тем самым реализует эффект функционального использования отображения при исключении состояний самого субстрата отражения (процессов в органах чувств и в мозгу, не данных в самом отражении, как оно переживается субъектом, но все же присущих именно этому последнему). Эти процессы могут моделироваться техническими устройствами, но в лишенной сознания и творческого выбора форме и уже поэтому в качественно упрощенном виде. В неживой природе такой «устремленности» субъекта нет.

Третий вывод связан с тем, что две указанные выше характеристики уже в применении их к ощущению как к элементарному психическому отражению, возникающему из раздражимости, реализуются только благодаря активной деятельности субъекта, наличие которой не раз подчеркивал В. И. Ленин. Без активного использования результатов воздействий (следов, впечатлений) отражение не выделяется из физических взаимодействий и отличить его от них невозможно. Поэтому носители отражения должны быть относительно самостоятельными и активными системами. Поскольку в неживой природе тела не проявляют такой активности по переработке воздействий и использованию их следов, то здесь отражение объективно существует либо в потенциальной форме, т. е. в качестве физических предпосылок собственно отражения, либо в каком-то качественно ином виде.

Современный опыт моделирования психических функций (восприятия и мышления) с помощью кибернетических устройств показал, что алгоритмизируемые операции и процессы в значительной мере уже имитируются на ЭВМ с помощью информационных программ, тогда как собственно активно-творческие компоненты психической деятельности пока программным способом не моделируются, поскольку они являются функциями самоорганизации носителей психического отражения. Практика покажет возможности моделирования самообучения на ЭВМ будущих поколений.

Предпринимаемые иногда попытки трактовать результаты взаимодействия тел как актуальное отражение в полном смысле слова основаны на невольном «примысливании» субъекта к ситуации взаимодействия объектов, вследствие чего потенциальное отражение превращается в актуальное. Так повторяется старая субъективистская ошибка, которая хотя и отличается от субъективно-идеалистического примысливания субъекта к объекту в духе «принципиальной координации» Авенариуса, но имеет с ним и определенное методологическое родство. Актуальность ленинской критики полностью сохраняется и здесь: она указывает на недопустимость любого смешения и неразличения сфер объективного и субъективного, устранения или «размывания» отношения отражения к его оригиналу. Следует учитывать, что новейшие данные науки говорят о наличии у материи значительных возможностей самоорганизации на уровнях, далеко предшествующих явлениям жизни, а тем более сознания.

Задачами критики философии махизма определяется, естественно, и выбор В. И. Лениным проблем и задач исследования отражения, которые были поставлены и решены им в книге «Материализм и эмпириокритицизм». Ряд других вопросов диалектики познания, в частности дальнейшей разработки диалектики связей объективного и субъективного, отражения и творчества, стал предметом размышлений Ленина в «Философских тетрадах».

*Активность
отражения*

Из развитой В. И. Лениным при критике махизма аргументации и из анализа им отражения и познания вытекает следующее понимание отражения.

Принцип диалектико-материалистического монизма требует признания наличия объективных предпосылок элементарных форм отражения уже в неживой природе, при самом решительном отрицании гилозоизма и панпсихизма (всеобщей одушевленности). Эти предпосылки проявляются внешне в случаях сходства реакции одного тела со структурой и свойствами другого, воздействующего на первое тело; это явление основано на законах их взаимодействия. В неорганической природе такие «следы» их носителями не используются. Но живые организмы, начиная с простейших, используют следы от внешних воздействий в качестве дополнительного, основанного на метаболизме, обмене веществ, средства самосохранения и приспособления к условиям среды, в виде орудия ориентировки. Причем зачаточное отражение в

«фундаменте» материи — это особое внутреннее состояние материи, несводимое ни к метаболизму, ни к созданию «следов», «отпечатков».

Благодаря реактивности и возрастающей активности систем поведения и отражения все более четко и полно реализуются основные функциональные черты отражения: 1) выделяются характеристики содержания, зависящие от воздействующего оригинала, а поэтому в чем-либо с ним сходные, и вместе с тем функционально исключаются (а тем самым не участвуют в ориентировке) характеристики формы отражения, т. е. того, что зависит от самого носителя функции отражения; 2) выделенная в отражении сторона, элементарно сходная с оригиналом, все более активно сравнивается с ним, проверяется, корректируется, а потому уточняется, преобразуется, фиксируется, сохраняется и затем используется в ориентировке и саморегулировании, а для этого воспроизводится вновь и вновь; 3) вычлененные характеристики объективируются, т. е. приобретают предметное значение, непосредственно соотносясь с оригиналом (у человека на основе этих предметных значений складываются смысловые значения языка); без функции объективирования ориентация во внешней среде невозможна: организмы «ориентировались» бы лишь в своих внутренних состояниях, а люди не могли бы применять их в своей практике; 4) указанные особенности отражения реализуются благодаря общей разносторонней активности субъекта как носителя отражения. Это процессы самоорганизации организмов, составляющие сущность метаболизма, обмена веществ, и надстраивающиеся над ними активно-потребностные состояния и сигнально-поисковые реакции. Образование нервной системы — это качественно новый этап. Еще более глубокий качественный скачок связан с тем, что у человека приходят в действие социальные потребности и интересы.

Перечисленные характеристики в той или иной мере присущи всем формам и уровням отражения, связанного с ориентировкой и самоуправлением, хотя на разных этапах им свойственна существенно разная степень развития. По содержанию понятие познания шире, богаче понятия отражения, но по объему шире понятие отражения, так как оно охватывает и область отражательных процессов, происходящих до человеческого познания.

Кибернетический анализ живых систем привел ныне к выводу, что регулирующая функция, основанная на

процессах переработки информации, является одним из атрибутов жизни. Каково же соотношение понятия информации с понятием отражения? Можно предложить следующее решение вопроса. Термин «информация» в общегносеологическом его смысле равнозначен «сообщению», «передаче знания». А частнонаучный смысл этого термина, «стыкующийся» с философским, имеет в науках два основных значения.

Первое из них таково. В теории автоматического управления и регулирования информация есть заключенная в передаваемых и преобразуемых сигналах соответствующая функция, т. е. изменяющаяся во времени и передаваемая в пространстве структура, отображающая статическое или динамическое строение вещей. В теории связи передача информации есть миграция таких структур по каналам связи, а также их хранение, преобразование и использование. Таким образом, информация, заключенная в сигналах, представляет собой фактор упорядочения и управления. Известное высказывание Н. Винера о том, что информация не есть ни материя, ни энергия, будучи философски весьма неопределенным, является все же туманным предвосхищением того обстоятельства, что сама по себе математическая информационная функция или структура идеальна, но она становится фактором управления и регулирования, когда воплощается в материальные носители-сигналы.

Второе значение термина «информация» присуще математическим теориям информации К. Шеннона, А. Н. Колмогорова, Н. Рашевского и других авторов. Смысл термина «информация», соответствующий количественной ее мере, состоит здесь в указании на степень разнообразия и сложности объектов. Тем самым информация в данном ее понимании представляет собой абстрактную сторону содержания отражения, обладающую рядом частных характеристик. Количественные оценки каждой из характеристик отображения и синтез этих оценок в интегральную качественную оценку — примерно так может быть представлена с позиций ленинской теории отражения стратегия дальнейшей разработки теории информации, с тем чтобы она могла использоваться более эффективно, в том числе для развития самой гносеологии.

*Объективная
истина*

Проблема истины решается В. И. Лениным в труде «Материализм и эмпириокритицизм» в плане развития и конкретизации теории отражения, в контексте критического

анализа кризисной ситуации в новейшем естествознании. Проблема истины рассматривается здесь в тесной связи с более широким вопросом о содержании и адекватности познания. Ленин анализирует категорию истины в динамическом единстве понимания ее как исторического и глубоко диалектического процесса отражения¹ и как бесконечной последовательности частных понятийных результатов этого процесса на пути восхождения от относительных истин к абсолютным. Ленин опирается на очерченную Энгельсом в «Анти-Дюринге» теорию диалектики субъекта и объекта и развивает ее далее как диалектику относительной и абсолютной истины в познании, в том числе в связи с гносеологическим статусом так называемых «вечных истин». С этими вопросами Ленин связывает диалектику неопределенности и определенности практики как критерия истины, а также проблемы релятивизма (относительности) в познании и соотношения объективности содержания и субъективности формы в чувственном познании.

Вопрос об объективной истине является для материалистической гносеологии фундаментальным. «Считать наши ощущения образами внешнего мира — признавать объективную истину — стоять на точке зрения материалистической теории познания, — это одно и то же» (18, 132). Как видим, В. И. Ленин подчеркивает теснейшую связь материалистической теории бытия с теорией познания. В свою очередь, «предметная истинность»... мышления означает *не что иное, как существование предметов (=«вещей в себе»), истинно отражаемых мышлением*» (18, 104). Подчеркивая единство диалектико-материалистического учения об истине с материалистическим мировоззрением, Ленин указывает на то, что ядром этого единства является понятие объективной истины, т. е. истины, обладающей содержанием, во-первых, независимым от воли и желаний субъекта и, во-вторых, адекватно отражающим объективную реальность. Итак, налицо два момента значения объективности истины.

Это положение раскрывается В. И. Лениным на примере суждений о фактах, имевших или имеющих место в таких условиях, в которых не было или нет субъекта. Буржуазные философы (Ф. Brentano, А. Мейнонг и другие) при истолковании суждений такого рода пустили в ход немало разных идеалистических ухищрений. Ленин

¹ «Истина есть процесс» (29, 183), — писал Ленин, соглашаясь с аналогичным положением Гегеля.

использует для анализа суждение о существовании Земли до человечества. «Утверждение естествознания, что земля существовала до человечества, есть объективная истина» (18, 124). Это не значит, разумеется, что само это «утверждение» существовало тогда, когда не было ни одного субъекта, который бы мог высказать или осознать это утверждение именно как высказываемое суждение. Но истина не сводится к тому, что она есть «организующая форма человеческого опыта», как это считал А. А. Богданов; в истинном утверждении имеется объективное содержание, объективное в том смысле, что то положение вещей, о котором идет речь, на самом деле имело место. Это объективное содержание выражено в языковой и понятийной форме данного утверждения у современных нам людей, но само это содержание независимо от людей, высказывающих данное утверждение.

Таким образом, ощущения, восприятия, суждения и т. д. выступают в сознании субъектов не просто как их внутренние состояния, но именно как отражения внешнего мира. И. М. Сеченов, с работами которого В. И. Ленин был знаком, называл эту характеристику познавательных образов, начиная с ощущений, их «объективированием» и «опредмечиванием» (что не следует путать с категорией «опредмечивание», используемой в политической экономии и историческом материализме).

Для полного уяснения всех сторон и моментов этого явления важно то, что в § 4 главы II книги «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин проводит четкое различие между двумя вопросами: «...1) существует ли объективная истина, т. е. может ли в человеческих представлениях быть такое содержание, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества? 2) Если да, то могут ли человеческие представления, выражающие объективную истину, выражать ее сразу, целиком, безусловно, абсолютно или же только приблизительно, относительно?» (18, 123).

Отрицание объективной истины ведет к агностицизму или к солипсизму как логическому результату субъективного идеализма, не только в форме махистски абсолютизированного сенсуализма (истина — это мои ощущения), но и в форме субъективно-идеалистического рационализма (истина — это мое мышление) или в какой-либо иной. Но отрицание объективной истины ведет также к торжеству религиозной веры над наукой. «Если же объективной истины нет, истина (в том числе и науч-

ная) есть лишь организующая форма человеческого опыта, то этим самым... очищается место для «организующих форм» религиозного опыта» (18, 127). Признание же объективной истины материализмом означает отрицание идеализма; но только диалектический материализм указал на то, что относительная истина является истиной объективной.

*Данные ощущений
и их
объективность*

Вопрос об относительности истинных знаний является также вопросом о соотношении содержания и формы в наших знаниях, о характере и степени объективной истинности ощущений, и он остро стоит уже на уровне чувственного познания. Он стал одним из центральных в полемике с махизмом. Речь шла здесь о диалектике объективного и субъективного в предметно-чувственном отражении.

Ленинское решение вопроса о соотношении объективного и субъективного в ощущениях явилось классическим образцом диалектического анализа проблем объективности знания. Этот анализ В. И. Ленин осуществил на базе результатов частных наук — физики, физиологии органов чувств и т. д., проверяя ими свои выводы¹.

Французский философ Л. Альтюсер в книге «Ленин и философия» (1969) утверждал, будто в работе «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин построил теорию познания по устаревшей эмпирической схеме, изображая развитие познания однолинейным образом, так что теоретическое мышление только подстраивается под эмпирическое и никогда ему не предшествует. Разумеется, задачи критики в адрес махизма диктовали Ленину повышенное внимание к эмпирическому, чувственному аспекту познания, но, говоря о «живом созерцании», Ленин имел в виду пронизанность чувственного и эмпирического практическим и вообще активно-деятельным отношением мыслящего субъекта к объекту, чуждым эмпирически-пассивной регистрации наблюдаемых фактов и их механическому суммированию.

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин развернул критику двух принципиально противоположных диалектическому материализму позиций: с одной стороны, он выступил против отождествления свойств объектов вне нас с ощущениями субъекта, а с другой — против отрыва ощущений субъекта от этих свойств.

¹ В ряде случаев Ленин специально отмечает: «Так смотрит естествознание» (18, 320; см. 18, 50).

Одна из этих позиций, в свою очередь, представляла в виде двух противоположных друг другу разновидностей: первая была представлена наивными реалистами (стихийными материалистами), а вторая — сторонниками субъективного идеализма берклианско-махистского типа. Позицию гносеологического обособления ощущений от свойств внешнего мира отстаивали агностики юмистско-кантианского толка.

В. И. Ленин, с одной стороны, опровергая махистов, подчеркивает, что существующая вне нас действительность «не может ни «совпадать» (в смысле: быть тем же) с нашим чувственным представлением, ни быть с ним в неразрывной координации, ни быть «комплексом элементов», в другой связи тождественных с ощущением...» (18, 115). С другой стороны, идея наличия «пропасти» между явлением и «вещью в себе» есть ложная идея агностиков (см. 18, 116—117). Ленин указывает, что в данном случае мы имеем дело со своеобразным софизмом: «Софизм идеалистической философии состоит в том, что ощущение принимается не за связь сознания с внешним миром, а за перегородку, стену, отделяющую сознание от внешнего мира...» (18, 46). Но и при отождествлении эмпириокритиками объективных свойств вещей вне нас и субъективно-чувственного переживания их в процессе познания в конечном счете возникает ситуация, родственная тому же софизму: «...махисты — субъективисты и агностики, ибо они *недостаточно* доверяют показаниям наших органов чувств, непоследовательно проводят сенсуализм» (18, 130). Неверно, будто в ощущениях внешний мир нам лишь дан, но не познается. Но неверно и то, что познание сводится к ощущениям. Махисты считали ощущения не только непосредственным, но и окончательным источником истины и более того — окончательной истиной. Они игнорировали факт посредствующей роли ощущений в процессе познания и их функцию связи с внешним миром, так что получался гносеологический результат, прямо противоположный ранее объявленному: действительная познавательная сила ощущений исчезала, ибо отрицалось подлинное объективное содержание ощущений. «Напротив, для материалиста, — отмечал Ленин, — мир богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется, ибо каждый шаг развития науки открывает в нем новые стороны» (18, 130); рациональное познание беспредельно расширяет рамки познания, образуемые чувственностью.

Вообще говоря, считать «ощущения» «источником» человеческих знаний может и материалист, и идеалист. «И Беркли и Дидро вышли из Локка» (18, 127). Но с точки зрения материализма это источник не изначальный и не окончательный. Если первая (общая) посылка теории познания эмпирико-сенсуалистского направления состоит в том, что «единственный источник наших знаний — ощущения» (18, 127), то материалист ставит вопрос об источнике этого источника, т. е. насчет «источника наших ощущений» (см. 18, 130), и решает его материалистически, признавая их источником объективную реальность. Философ же, который отбрасывает вторую посылку, как это делает агностик или противник материализма, оказывается на позициях субъективного идеализма, после чего ему приходится обратиться «за помощью» к религии. Источник источника нашего познания — материя — связан с ощущениями людей посредством их общественной практики, от которой ощущения могут быть обособлены лишь условно: недаром В. И. Ленин в «Философских тетрадах» высоко оценивал гегелевскую мысль о том, чтобы включить «жизнь» в логику. Из ощущений как таковых, не опосредствованных материальной практикой, взятых вне соотнесения с физиологическими процессами, происходящими в органах чувств и центральной нервной системе, и истолковываемых как нечто изначально исходное, построить «нельзя ничего, кроме *солипсизма*» (18, 41). Здесь у махистов не только извращенное понимание роли относительности в познании, но и полное извращение проблемы истины. Отрицание объективной истины есть неизбежный результат всего махизма.

А подлинная роль относительности в данном случае такова. С одной стороны, свойство материи, например цвет, «является ощущением лишь в зависимости от сетчатки (как... заставляет признать естествознание)» (18, 50), т. е. в отношении к органам чувств субъекта и его нервам. Иначе говоря, субъективная модальность, окраска ощущений зависит от организации отражательной системы субъекта познания и деятельности и от свойств материальной организации субъекта в целом. Но естествознание заставляет также признать, что «вне нас, независимо от нас и от нашего сознания существует движение материи, скажем, волны эфира определенной длины и определенной быстроты, которые, действуя на сетчатку, производят в человеке ощущение того или

иною цвета» (18, 50; см. 18, 119—120, 320, 330). Здесь налицо другая, и притом основная, зависимость, которая имеет противоположную направленность: «...цвет зависит от действия этих волн на сетчатку...» (18, 55). Таким образом, свойства цветности возникают в зависимости от свойств тех или иных волн света, воздействующих на сетчатку извне.

Говоря об ощущениях вкуса, В. И. Ленин цитирует слова Фейербаха: «...мой вкусовой нерв такое же произведение природы, как соль, но из этого не следует, чтобы вкус соли непосредственно, как таковой, был объективным свойством ее...» (18, 119). Именно в связи с этим примером Ленин формулирует положение о том, что ощущение есть субъективный образ объективного мира, результат превращения энергии внешнего раздражения в факт сознания. Аналогичным образом истолковывает Ленин и пример с ощущениями звука (см. 18, 330).

Ощущения возникают в результате взаимодействия объекта, проводящей среды и активной деятельности рецепторов, органов чувств и субъекта в целом. «Иных чувств, как человеческих, т. е. «субъективных»,— ибо мы рассуждаем с точки зрения человека, а не лешего,— не бывает» (18, 113), но «чувственное представление *не* есть существующая вне нас действительность, а только *образ* этой действительности» (18, 114). Отсюда намечается проблематика дальнейших исследований диалектики процессов чувственного отражения. Изучение конкретных психофизиологических механизмов является для этих исследований необходимой естественнонаучной базой¹, подобно тому как изучение строения материи средствами частных наук служит такой же базой для развития философского учения о материи.

Вопрос о диалектике объективного и субъективного в чувственном познании связан с критикой так называемой «теории символов», или иероглифов, немецкого физиолога и физика Г. Гельмгольца, абсолютизовавшего закон специфических свойств органов чувств. В 1878 г., ссылаясь на то, что по своему материальному субстрату, по физической природе объект и носитель ощущений различны, он утверждал, что «ощущение может считаться *знаком*... но не *изображением*. Ибо от изображения требуется известное сходство с изображаемым предметом... От знака же не требуется никакого

¹ См.: Губанов Н. И. Чувственное отражение. М., 1986 (гл. II, § 2, гл. III, § 2).

сходства с тем, знаком чего он является...» (см. 18, 246—247). Итак, здесь будто бы имеется чисто внешнее, если не вообще случайное соответствие.

Рассмотрению взглядов Гельмгольца на познавательную роль ощущений В. И. Ленин посвятил один из параграфов IV главы книги «Материализм и эмпириокритицизм». Как отмечает Ленин, Гельмголец нередко колебался между материализмом и агностицизмом. Аналогичные колебания — в плане терминологии — имели место и у Г. В. Плеханова, который в комментарии к первому русскому изданию работы Ф. Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (1892) писал: «Наши ощущения — это своего рода иероглифы, доводящие до нашего сведения то, что происходит в действительности. Иероглифы не похожи на те события, которые ими передаются. Но они могут *совершенно верно* передавать как самые события, так — и это главное — и те отношения, которые между ними существуют»¹. Термин «иероглиф» проник в марксистские исследования, и связанную с ним путаницу необходимо было устранить.

Позиция Плеханова была не тождественна взглядам Гельмгольца по данному вопросу. Если Гельмголец утверждал, что у ощущений нет никакого сходства со свойствами вещей вне нас, и «отверг за ними всякую аналогию с вещами, которые они представляют» (см. 18, 245), то Плеханов признавал, что ощущения могут «совершенно верно передавать» познаваемые события и отношения. Но как совместить с этим «иероглифическую» терминологию, было непонятно. Ленин обращает внимание на то, что, решительно отмежевываясь от агностицизма, «Энгельс не говорит ни о символах, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отображениях вещей» (18, 244—245). Последние термины, взятые в единстве, точно передают мысль Энгельса и Ленина, дополняя, поправляя и уточняя друг друга. В «Философских тетрадах» Ленин специально отмечает, что познание не есть «зеркально-мертвый акт» (29, 330), оно происходит диалектически: «Диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли etc.» (29, 256).

В. И. Ленин называет Гельмгольца «непоследовательным кантианцем» (18, 246) и отвергает трактовку ощу-

¹ Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. В 5 т. М., 1956, т. 1, с. 501.

щений как «произвольных», чисто условных или даже мнимых знаков-символов: «Условный знак», символ, иероглиф суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма» (18, 248). Но он не отрицает возможности выявления в механизме образования и действия ощущений некоторых знаковых моментов: естественных кодов и знаков-сигналов. Ведь именно о знаках вообще, в отличие от произвольно манипулируемой символики, Ленин писал, что если правильно оценивать философию, то «против них вообще ничего иметь нельзя» (29, 108).

Что касается «сходства» отображения с отображаемым, то, как уже отмечалось, В. И. Ленин отрицал тождественное по модальности сходство отдельных ощущений цвета и вкуса с соответствующими свойствами вещей и веществ вне нас. Он вообще считал, что «изображение никогда не может всецело сравняться с моделью...» (18, 248). При этом Ленин подчеркивал наличие «гносеологического сходства» чувственных «образов» предметов, а значит, их восприятий и представлений с познаваемыми предметами. В ряде случаев контекст полемики с махистами не требовал проводить различия между ощущениями свойств и восприятиями объектов, но в принципе Ленин не отождествлял эти две формы чувственного познания, хотя и отмечал их органическую связь и близость: «Все знания из опыта, из ощущений, из восприятий» (18, 129).

Гельмгольц не понял саму суть проблемы гносеологического сходства восприятий и предметов вне нас; это было связано с тем, что он, по словам Ленина, «неясно представляет себе отношение абсолютной и относительной истины» (18, 245). Гельмгольц, следуя Канту, «покушается провести подобие принципиальной грани между «явлением» и «вещью в себе» (18, 247), именно «покушается» и не более того, ибо последовательным агностиком Гельмгольц не был и его позицию Ленин считает возможным обозначить как «иероглифический или символический материализм или полуматериализм» (18, 248).

В. И. Ленин настойчиво разъясняет, что признавать чувственное восприятие за гносеологические образы совсем не значит отождествлять их с объектами, образами которых они являются, или понимать их как некие буквальные копии — дубликаты. Неверно, будто «чувственное представление и есть вне нас существующая действительность» (18, 251), как неверно и то, что чувственное представление не есть образ этой действительности. Чув-

ственное представление отображает действительность, существующую вне нас, «соответствует» (см. 18, 114—115) ей, но ей не тождественно. Субъективность по форме ощущений такова, что ее невозможно непосредственно «сбросить» с их содержания, изолировать от него, так как чувственный образ без нее существовать не может. Эта субъективность предполагает, в частности, наличие естественно возникающей, как будто противоречащей образу и все-таки для него необходимой и достаточно «красноречивой» своеобразности, которая присуща модальности (окраске) ощущений. Своеобразие чувственных модальностей иногда именуют ныне их «естественной знаковостью». Она оказывается таковой для теоретического мышления («голубой огонь в печи — знак того, что идет сгорание угарного газа» и т. д.).

Справедливость ленинского подхода к проблеме доказывается практикой людей, уходящей корнями в поведение их далеких животных предков. Обмен веществ между живыми организмами и средой, отмечает В. И. Ленин, не мог бы происходить эффективно, «если бы ощущения данного организма не давали ему объективно правильного представления об этом внешнем мире...» (18, 38). Но ощущения и восприятия при недостаточном развитии теоретического мышления, а тем более при отсутствии его сами по себе обеспечивают лишь познание явлений. Для познания сущности необходимо активное соучастие мышления, развивающегося в ходе практической деятельности людей. В этом одна из причин замечания Ленина на полях конспекта (1909) книги Л. Фейербаха «Лекции о сущности религии»: «Если бы человек имел больше чувств, открыл ли бы он больше вещей в мире? Нет» (29, 51—52). Само «число» органов чувств животных и людей определилось под воздействием практики и предшествовавшей ей практикоподобной деятельности животных. Таким образом, объективная содержательность нашего чувственного познания не могла бы сформироваться без общественной практики.

*Восхождение
от относительных
истин
к абсолютным.
Практика
и релятивизм*

При рассмотрении этой проблемы В. И. Ленин опирался на теоретико-познавательные положения Ф. Энгельса, содержащиеся в «Анти-Дюринге», развивая и существенно дополняя их. Исходным пунктом анализа служит для

Ленина вопрос о познавательном значении так называемых «вечных истин», который он рассматривает

в терминах диалектического противоречия между «суверенностью» мышления человеческого рода и «несуверенностью» мышления отдельных людей. В этом противоречии находит выражение диалектика относительной и абсолютной истины.

Коль скоро истина есть процесс, то ее достижение — не мгновенный акт, а сложный и бесконечный путь через противоречия, с неудачами и завоеваниями, с отступлениями и рывками вперед. Поэтому истину нельзя рассматривать как нечто застывшее и неизменное, но надо исследовать непременно в сопоставлении разных этапов ее достижения. В. И. Ленин указывает, что в понимании истины как вечного диалектического пути приближения мысли к действительности, как процесса отражения закономерностей реального мира — коренное отличие марксистского учения об истине от всей предшествующей философии. Что истина есть объективное содержание нашего знания, это признавали и материалисты прошлого. Но то, что достижение истины — не только сложный, но и в принципе не имеющий конца и притом диалектически противоречивый процесс познания, впервые в истории философии было показано диалектическим материализмом.

В. И. Ленин отмечает, что идея о существовании абсолютной истины и абсолютного в истинном знании строго логически вытекает из положения о существовании объективной истины. Если в наших познаниях есть объективное содержание, это значит, что то, что в нашем знании объективно полностью, также и абсолютно в двух взаимообусловленных смыслах: и в том, что это знание целиком соответствует истинному положению вещей, и в том, что оно никогда уже не сможет быть изменено, опровергнуто, отброшено. «Признавать объективную, т. е. не зависящую от человека и от человечества истину, значит так или иначе признавать абсолютную истину» (18, 134—135; см. 18, 176).

Истина всегда конкретна и содержательна, и каждое истинное содержание данного ощущения, восприятия, представления, понятия или теории в той или иной мере приобщено к абсолютной истине, доля которой в содержании результатов познания по мере успехов познавательной деятельности в общей тенденции нарастает. «...Человеческое мышление по природе своей способно давать и дает нам абсолютную истину, которая складывается из суммы относительных истин,— писал В. И. Ле-

нин.— Каждая ступень в развитии науки прибавляет новые зерна в эту сумму абсолютной истины, но пределы истины каждого научного положения относительны, будучи то раздвигаемы, то суживаемы дальнейшим ростом знания» (18, 137). В приведенном положении Ленин для характеристики подвижного соотношения между относительной и абсолютной истиной употребляет термины «складывается» и «прибавляет», т. е. образует «сумму». Здесь же Ленин поясняет, что это подвижное соотношение не укладывается в рамки арифметических аналогий: процесс, в котором оно реализуется, диалектически сложен и противоречив, поскольку, в частности, происходит не только расширение, но подчас и сужение области (или моментов) абсолютной истины в нашем относительном знании, а также поскольку вообще в любой данный момент «исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то, что мы приближаемся к ней» (18, 138). Приближение, нарастание соответствия между знаниями и действительностью выявляет все более точные соотношения между разными относительными истинами, в том числе между прежними и новыми теориями в науке и между «конкурирующими» в ней концепциями.

«Пределы» приближения знаний к абсолютной истине, т. е. граница между относительностью и абсолютностью в некоторой данной истине, всегда имеют место, но мы не можем указать эту границу с исчерпывающей точностью. Сами термины «граница», «предел», как видно из сказанного, условны, не имеют абсолютной точности. И нет такого средства, которое позволило бы очертить эти границы для каждой данной истины и каждого данного момента абсолютно точно (абсолютно истинно). Осуществить это значило бы упредить то знание, которое может быть достигнуто лишь в дальнейшем, да и то лишь приблизительно. Здесь вновь возникает особая диалектическая ситуация: само различие между относительной и абсолютной истиной, по Ленину, «как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закоренелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма...» (18, 138—139).

Диалектика «определенности» и «неопределенности» в процессе развития относительной истины (истин) в сторону истины абсолютной воспроизводится и в действии критерия практики. Мерилом истинности наших представлений о границе между относительным и абсолютным (т. е. полным, всесторонним, точным и существенным) знанием, а в конечном счете — между незнанием и знанием служит общественная практика, но она, в свою очередь, столь же диалектична: речь идет о бесконечном восхождении эффективности практики как критерия истины по пути от относительного к абсолютному. Далеко не всякая практика надежна в качестве такого критерия, и объем подтверждаемого ею всегда ограничен. «...Критерий практики,— отмечал В. И. Ленин,— никогда не может по самой сути дела подтвердить или опровергнуть *полностью* какого бы то ни было человеческого представления. Этот критерий тоже настолько «неопределенен», чтобы не позволять знаниям человека превратиться в «абсолют», и в то же время настолько определен, чтобы вести беспощадную борьбу со всеми разновидностями идеализма и агностицизма» (18, 145—146).

Противники марксизма не раз пытались доказать абсолютную неопределенность критерия практики. Они толковали его совершенно субъективно, заявляя, что раз практика сама нуждается в проверке новой практикой, то возникает безнадежный бесконечный регресс, или ссылались на то, что удостоверить тот факт, что практика служит критерием истинности ощущений, мы можем лишь посредством ощущений, так что возникает круг. Однако эти рассуждения ошибочны, ибо проверка старой практики новой ведет к «регрессу» не более, чем смена прошлого настоящим и будущим вообще. Теоретические и инструментальные средства вооружения практики постоянно возрастают; в своих актах и результатах практика осознается через чувственные восприятия иного, чем прежде, при «допрактической» чувственности животных, вида — восприятия вплетены в практическую деятельность людей и образуют органическое единство с их намерениями, ожиданиями и актами деятельности, а потому оказываются «правильно полученными и использованными восприятиями...» (см. 18, 110)¹.

Философы, близкие к ревизионистскому журналу

---

¹ Здесь Ленин цитирует введение к английскому изданию работы Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 304).

«Праксис», утверждают, что в практике объект и субъект в принципе неразличимы, а потому, мол, практика — не более критерий истинной теории, чем теория — критерий практики. Критики же марксистско-ленинской теории познания из лагеря «критических рационалистов», близких к неопозитивизму, стараются опровергнуть критериальную функцию практики, утверждая, например, что философские положения вообще не могут быть апробированы никаким практическим экспериментом. Но В. И. Ленин показал, что практика не сводится только к экспериментам; основные философские положения проверяются, подтверждаются или опровергаются всей совокупностью общественно-исторической практики. Он писал: «Мы не знаем необходимости природы в явлениях погоды и постольку мы неизбежно — рабы погоды. Но, *не зная* этой необходимости, *мы знаем*, что она существует. Откуда это знание? Оттуда же, откуда знание, что вещи существуют вне нашего сознания и независимо от него, именно: из развития наших знаний, которое миллионы раз показывает каждому человеку, что незнание сменяется знанием, когда предмет действует на наши органы чувств...» (18, 197).

Таким образом, имеются некоторые общие диалектические закономерности для истины и для практики как ее критерия; с другой стороны, налицо их особенности и диалектическое различие между ними. Имея отношение ко всему объему изменяющихся знаний, начиная с отдельных ощущений и кончая целостными научными теориями, и ко всем этапам диалектического перехода незнания в его противоположность, т. е. в собственно знание, практика является критерием не только истинности, но и неистинности, «гносеологической ложности», т. е. того, что истине противоположно.

В махизме и прагматизме практика понимается феноменалистски, непосредственно практический и даже биологический «успех», удача объявляется истиной, и тем самым практика как бы сливается со знанием, а точнее, наоборот, отрывается от него, ибо знание перестает быть знанием. Ведь объективное и субъективное в практике тесно связаны, но не тождественны. Если же их отождествляют, то практика утрачивает объективность и уже не может служить критерием различия между истиной и ложью, мерилom перехода от незнания к знанию. «Познание,— указывает В. И. Ленин,— может быть биологически полезным, полезным в практике человека, в

сохранении жизни, в сохранении вида, лишь тогда, если оно отражает объективную истину, независимую от человека. Для материалиста «успех» человеческой практики доказывает соответствие наших представлений с объективной природой вещей...» (18, 142). Для прагматиста же сам непосредственный, зачастую чисто биологический «успех» является истиной, объективное содержание исчезает в субъективной форме.

В марксизме «точка зрения» практики «включается» в основу гносеологии. В. И. Ленин расширяет понятие практики в ее критериальной функции, включая ее различные виды. Но прежде всего в состав практики включаются производство и общественная борьба. В силу этого практика до некоторой степени отдалается от самого знания и человеческих форм его выражения, но именно поэтому «объективно-реальное значение» (18, 106) практики, т. е. ее материалистическое понимание и применение, в состоянии обеспечить единство теории и практики, воспрепятствовать разрыву между ними, не приводя вместе с тем к их субъективистскому отождествлению.

Между тем для буржуазного теоретического мышления разрыв между теорией и практикой — характерное явление, означающее и разрыв между частными науками (и вообще научным познанием) и мировоззрением, философией. Для Маха и современных буржуазных профессоров «практика — одно, а теория познания — совсем другое; их можно поставить рядом, не обуславливая первым второго» (18, 142; см. 18, 297). Критерий практики действует и применительно к марксистской философии, ибо она есть развивающаяся наука, а не догма. Философия марксизма подчиняется в своем развитии и закону восхождения от относительной истины к абсолютной. В. И. Ленин в связи с этим пишет: «Единственный вывод из того, разделяемого марксистами, мнения, что теория Маркса есть объективная истина, состоит в следующем: идя *по пути* марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи» (18, 146).

Новые моменты вводятся В. И. Лениным в трактовку роли так называемых «вечных истин» как особых моментов в рамках процесса восхождения от относительных истин к абсолютной. На первый взгляд может показать-

ся, будто отношение Ленина к «вечным истинам» совершенно иное, чем у Энгельса, который предупреждал против приписывания им значительной роли в процессе познания, тогда как Ленин, наоборот, подчеркивает их необходимость и невозможность без них обойтись. Как же обстоит дело в действительности? В «Анти-Дюринге» Энгельс иронизировал над «окончательными истинами в последней инстанции»¹ и проводил мысль о том, что те положения, которые ныне считаются или прежде считались «вечной истиной», затем оказываются вовсе не таковыми, но нуждаются в коррективах или попадают в положение «преодоленной точки зрения»². В «Материализме и эмпириокритицизме» Ленин указывает на необходимость признания существования «вечных истин»; без них утрачиваются из познания факты и исчезают многие моменты абсолютной истины в составе истин относительных. «Может устареть и стареет с каждым днем учение науки о строении вещества, о химическом составе пищи, об атоме и электроны, но не может устареть истина, что человек не может питаться мыслями и рождать детей при одной только платонической любви» (18, 193). Но «противоречие» между Энгельсом и Лениным мнимое, и это разъясняет сам Ленин.

В. И. Ленин напоминает, что Ф. Энгельсу было важно подвергнуть критике гипертрофирование абсолютных истин Е. Дюрингом: «Чтобы двинуть материализм вперед, надо бросить пошлую игру со словом: вечная истина, надо уметь диалектически поставить и решить вопрос о соотношении абсолютной и относительной истины» (18, 135). Перед Лениным же был иной противник — махисты с их «голым» релятивизмом, отвергающим существование абсолютной, а значит, и вообще объективной истины; поэтому необходимо было защитить «вечные истины» от релятивистского скепсиса, подчеркнув их познавательное значение.

Но дело не только в логике полемики против разных противников. В. И. Ленин вносит существенно новые моменты в саму концепцию «вечных истин» в целом, уточняя и развивая ее. Он исходит из положения Ф. Энгельса, что «вечные истины» — это по преимуществу констатация простейших фактов, но добавляет, что в качестве «вечных истин» выступают также и некоторые простые и всеобщие закономерности, выявленные в ходе

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 86.

² См. там же, с. 519.

длительной общественно-исторической практики (это своего рода «теоретические факты»). Добавим, что «вечной истиной» такого рода является и ленинское определение материи, ибо оно утверждает существование объективной реальности.

Отсюда вытекает важное следствие. Категория абсолютной истины выступает в трех разных значениях. Во-первых, это полнота всестороннего и точного знания обо всей объективной реальности. Во-вторых, это моменты абсолютного знания, те «новые зерна», которые в состав абсолютной истины добавляет «каждая ступень в развитии науки» (18, 137) и которые находятся в содержании относительных истин. Наконец, в-третьих, это относительно самостоятельные «элементы» абсолютного знания в виде «вечных истин». Однако «вечные истины» имеют в себе и момент относительности, поскольку роль их в системе теоретического знания меняется по мере развития относительного знания; к «вечным истинам» тоже следует подходить диалектически.

Проблема *релятивизма* и взаимоотношения его с *диалектикой* познания привлекла к себе пристальное внимание В. И. Ленина. Релятивизм как принцип относительности человеческих знаний был истолкован А. А. Богдановым и другими махистами как полное отрицание абсолютной истины в каких бы то ни было ее видах и формах. Махисты и все «физические» идеалисты рассуждали так: «Все старые истины физики, вплоть до считавшихся бесспорными и незыблемыми, оказываются относительными истинами,— значит, никакой объективной истины, не зависящей от человечества, быть не может» (18, 328). Это слово «значит» в устах махистов фальшиво, потому что для них знания и научные истины релятивны в отношении к субъекту, тогда как для диалектических материалистов релятивность их имеет место в отношении к полноте объективной абсолютной истины, т. е. *в отношении к объекту*. Марксизм не отрицает того, что в существующих (и будущих) научных теориях имеют (и будут иметь) место не только моменты неполноты, приблизительности (недостаточной глубины) и конкретности знания, но и собственно его субъективность; тем не менее «точкой отсчета» остается объект, а не субъект, абсолютная истина, а не отсутствие объективной истины. Агностическое же отрицание объективной истины означает такой релятивизм, для которого «точкой отсчета» остается субъект и только субъект. «Реляти-

визм, как основа теории познания, есть не только признание относительности наших знаний, но и отрицание какой бы то ни было объективной, независимо от человеческого существующей, мерки или модели, к которой приближается наше относительное познание» (18, 139). В замечаниях на книгу А. Рея Ленин назвал такой релятивизм скептическим. Это не просто крайний, полный, «голый» релятивизм, чрезмерный или «неумеренный». Неверно, что будто бы «можно аптекарски взвесить немножко больше — немножко меньше релятивизма, и тем поправить дело...» (18, 327). Речь идет о качественно разных видах релятивизма. Именно субъективистский релятивизм в вопросе об истинности научных теорий вообще и об оценке значения и перспектив кризиса в физике начала XX в. вел к идеалистическим выводам. Неудивительно, что «вопрос о соотношении релятивизма и диалектики едва ли не самый важный в объяснении теоретических злоключений махизма» (18, 327).

Вопрос о релятивизме В. И. Ленин разрешает, выявляя диалектику внутреннего отношения между принципом релятивизма и диалектикой абсолютной и относительной истины, в связи с чем он проводит коренное различие между релятивизмом как формой метафизического метода и релятивизмом как моментом метода диалектического: «Для объективной диалектики в релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное» (29, 317; см. 29, 99)¹. Дело в том, что «диалектика, — как разъяснял еще Гегель, — *включает в себя* момент релятивизма, отрицания, скептицизма, но *не сводится* к релятивизму. Материалистическая диалектика Маркса и Энгельса безусловно включает в себя релятивизм, но не сводится к нему, т. е. признает относительность всех наших знаний не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической условности пределов приближения наших знаний к этой истине» (18, 139). Утверждение же относительности наших знаний совсем в ином смысле, а именно в смысле принципиального отрицания объективной истины и объективного источника знания, т. е. использования релятивизма в субъективистском, «в скептическом смысле» (29, 517), означает, что субъективистский релятивизм ведет к идеализму, а также приобретает статус одной из двух основ-

¹ Здесь Ленин понимает под «объективной» диалектикой материалистическую диалектику вообще.

ных форм метафизического метода в буржуазной философии XX в. (вторую ее форму составляет догматизм, ведущий к превращению философии и конкретных наук «в нечто мертвое, застывшее, закостенелое...» (18, 138).

Таким образом, релятивизм как методологическая установка может переходить в свою противоположность — из метафизического состояния в диалектическое и, наоборот, из диалектического в метафизическое, в зависимости от его понимания и применения.

Нечто аналогичное происходит, отмечает В. И. Ленин, с такой важной категорией метода познания, как «гипотеза»: гипотезы в их диалектическом понимании соответствуют учению о движении от относительных истин к абсолютной, так как имеется в виду последующее их превращение — в случае подтверждения их содержания — в научные теории, законы науки: гипотезы же в их метафизической трактовке оказываются средством, толкающим науку на путь агностицизма и субъективного идеализма. В книге «Материализм и эмпириокритицизм» мы читаем: «Закон физики, собственно говоря, не истинен и не ложен, а приближителен», — пишет Дюгем... В этом «а», — замечает Ленин, — есть уже начало фальши, начало стирания грани между теорией науки, приблизительно *отражающей объект*, т. е. приближающейся к объективной истине, и теорией произвольной, фантастической, чисто условной, например, теорией религии или теорией шахматной игры» (18, 329) ¹.

В. И. Ленин очень метко охарактеризовал субъективистско-конвенционалистский образ мышления П. Дюгема. В современной буржуазной философии науки распространен так называемый принцип Дюгема — Куайна, согласно которому конвенционалистские ухищрения могут быть использованы для «спасения» в науке любой шаткой гипотезы и даже явно фальшивого предположения, дабы удержать его от замены другими гипотезами.

Сомнительные лавры П. Дюгема и более поздних представителей конвенционализма во главе с автором «принципа терпимости» Р. Карнапом и теоретиком «радикального конвенционализма» К. Айдукевичем не дают покоя современным буржуазным «философам науки» К. Попперу, Т. Куну, П. Фейерабенду. Все они отрицают

---

¹ В. И. Ленин цитирует здесь книгу: *Duhem P. La théorie physique, son objet et sa structure.* P., 1906.

объективность относительного знания и почти в унисон рассуждают о принципиальной «несоизмеримости» старого и нового знания и о том, что новые научные теории непременно ведут к полному отбрасыванию прежних теорий, причем и те, и другие никогда не могут стать чем-либо большим, чем всего лишь ненадежными предположениями-гипотезами. Подобные рассуждения направлены на подрыв познавательной ценности всякого научного знания. П. Фейерабенд объявил убеждение в существовании объективного знания «религиозной догмой», новым вариантом предустановленной гармонии и вообще реставрацией телеологии¹.

Но уже В. И. Ленин со всей ясностью показал, что никакой принципиальной «несоизмеримости» и «непереводимости» в развитии познания нет. Восхождение от относительных истин к истине абсолютной происходит не каким-то телеологическим, заранее предначертанным путем, а через борьбу противоположностей. Таков бесконечный путь познания неисчерпаемой объективной действительности: «...мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее)...» (18, 146). Это есть путь становления и развития наук.

В наши дни на Западе среди «логиков науки» идут споры между «антикумулятивистами» и «кумулятивистами»: если первые утверждают, что вся история науки — это смена разрозненных «островков», отличающихся концептуальным единством, но полностью отвергающих предшествовавшие этапы в истории познания (по сути дела, перед нами сторонники идеи «несоизмеримости» разных научных теорий), то вторые допускают наличие некоторой преемственности в познании. Рациональное зерно каждого из этих направлений легко увидеть сквозь призму ленинских взглядов на пути научного познания. Правильной в «кумулятивизме» является сама идея приращения знаний в смысле увеличения абсолютного «ядра» в относительных истинах, однако формы преемственности между старыми и новыми научными теориями бывают различными, начиная с прямого переноса прежней теории как части в новую как целое и кончая диалектическим «снятием» старого знания, которое рас-

---

¹ *Feyerabend P. K. Die Wissenschaft in einer freien Gesellschaft. — Wissenschaftskrise und Wissenschaftskritik. Basel — Stuttgart, 1974, S. 108.*

сматривается уже лишь как предельный случай¹. Правильной в «антикумулятивизме» является мысль о происходящих время от времени коренных, революционных, «диких» преобразованиях в науке, вроде тех, реакцией на которые явился проанализированный В. И. Лениным методологический и мировоззренческий кризис в физике. Но, как это было и на рубеже XIX и XX вв., качественно новое знание в действительности вопреки «антикумулятивистам» не возникает на голом месте, а так или иначе опирается на уже накопленный эмпирический и теоретический материал. И «антикумулятивизм», и плоский «кумулятивизм» в буржуазной философии науки XX в. суть позиции, односторонние в их взаимной полемической неприязни, а тем более в их враждебности к диалектическому материализму, метафизически «заостренные» и потому обе ошибочные. Но в «антикумулятивизме» сильнее звучат агностические посылки и более развиты субъективистские установки. Неопозитивистский и постпозитивистский «антикумулятивизм» последней четверти XX в. является преемником махистского субъективного релятивизма, и ленинская критика в его адрес действенна и в отношении более поздних его вариаций.

---

¹ Например, принцип эквивалентности гравитационной и инерционной масс перешел в общую теорию относительности из классической теории гравитации, а гамильтоново уравнение движения в классической механике оказывается предельным случаем уравнения Шредингера в квантовой механике.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

*Махизм
и исторический
материализм*

Критический анализ концепций махистов В. И. Ленин завершает рассмотрением их взглядов в области социальной философии. Последняя глава книги Ленина специально посвящена выявлению пороков эмпириокритицизма в понимании общественной жизни, противопоставлению ему исторического материализма. Разумеется, проблемы исторического материализма освещаются и в других разделах книги, особенно там, где речь идет о вопросах партийности в философии, о гносеологических и социально-классовых корнях идеализма, о связи философии и ревизионизма, о проблемах социального познания и др.

Атаки противников марксизма на его философские устои и их ревизия теми махистами, которые «желали быть марксистами», в конечном счете завершались ложной интерпретацией общественных процессов, извращением исторического материализма. Именно здесь наиболее четко обнаруживались консервативная социально-политическая направленность философии Маха и Авенариуса (несмотря на их «либеральные» заявления) и ревизионистская линия их социал-демократических учеников. В. И. Ленин получает доказательный «вывод о неразрывной связи реакционной гносеологии с реакционными потугами в социологии» (18, 356).

Уже у ревизионистов начала XX в., которые брели в хвосте буржуазной профессорской науки, начала складываться нелепая легенда о Ленине — материалисте и «механицисте», авторе «Материализма и эмпириокритицизма» и о Ленине — «диалектике», авторе «Философских тетрадей», в которых якобы идеализм, идущий от Гегеля, с помощью диалектики «приглушает» прежний материализм.

Нападки ревизионистов на теорию отражения и фальсификация ими философских идей «Анти-Дюринга» Ф. Энгельса, а затем труда В. И. Ленина «Материализм

и эмпириокритицизм» внутренне связаны с извращением ими исторического материализма и идей научного коммунизма. Ленин предупреждал, что все ревизионистские философские «поправки» к К. Марксу имеют антипролетарскую классовую тенденцию и связаны в конечном счете с пересмотром коренных основ марксизма, его учения о классовой борьбе и диктатуре пролетариата. С другой стороны, и собственно политический ревизионизм вел к извращению философии марксизма. К. Каутский в принципе враждебно отнесся к теории отражения. Он писал: «Ни одному серьезному марксисту никогда не приходило в голову говорить об «отражении» в социальном сознании»¹.

В. И. Ленин подходил к задачам критики махизма в области общественных наук дифференцированно. Он обращал внимание на то, что среди махистов есть «цельные и последовательные противники диалектического материализма и в философии и в истории». Сам Э. Мах высказывался в духе туманной буржуазно-либеральной фразеологии, одобренной абстрактными симпатиями к «социализму». Появилась и группа псевдомарксистов, стремящаяся «уверить читателей, что махизм совместим с историческим материализмом Маркса и Энгельса» (18, 333). Среди открытых противников диалектического и исторического материализма Ленин называет эсера В. М. Чернова, субъективного идеалиста и эклектика, и сотрудников прежде народнического, а потом полукadetского «Русского богатства», а также их западноевропейских учителей. К их числу надо отнести и представителя «физиологического» течения в неокантианстве Ф. А. Ланге, который пытался заменить исторический материализм мальтузианством. Воинствующая антимарксистская точка зрения в философии и социологии была изложена В. М. Черновым, например в книге «Философские и социологические этюды» (М., 1907). Что касается западноевропейских «учителей», то может быть указан, например, немецкий сторонник Р. Авенариуса Ф. Блей, статью которого «Метафизика в политической экономии» подробно анализировал В. И. Ленин.

По своему существу эта статья, как выразился В. И. Ленин, содержала «невероятно пошлую галиматью», «квазиученное шутовство» (см. 18, 336). Ф. Блей нападал на партийность исторического материализма,

---

¹ Каутский К. Исторический материализм. Спб., 1908, с. 13.

изображая эту его отличительную черту как фальшивую пристрастность и предвзятость. По мнению Блея, марксизм принимает человеческую личность за ничтожную величину, не имеющую никакого серьезного значения. В наши дни аналогичную ложную точку зрения о том, будто Ленин оперировал только абстрактным субъектом в духе просветителей XVIII в., высказал «новый философ» Г. Лардро¹.

В. И. Ленин делает по поводу высказываний Блея замечание, принципиально важное для критики и последующих буржуазных марксологических и ревизионистско-антропологических концепций: с точки зрения Блея, «неизбежно приходится отвергнуть марксизм целиком, с самого начала, с самых основных его философских посылок» (18, 337). Ради этого Блей и попытался убедить читателей в антигуманистической сущности марксизма. Но, как подчеркивает Ленин, подлинный гуманизм неотъемлем от марксизма. Марксистский гуманизм защищает интересы масс, угнетенных классов, личности как непреходящей ценности. Попытки же «биологизировать» марксизм — лишь карикатура на его «гуманизацию».

Махистское поветрие среди части российских социал-демократов в вопросах трактовки общественной жизни имело некоторые особенности. В. И. Ленин, развивая идеи, сформулированные им еще в работах 90-х гг. XIX в., давая характеристику революционного переворота, совершенного К. Марксом и Ф. Энгельсом в философии, писал: «Маркс и Энгельс, вырастая из Фейербаха и мужая в борьбе с кропателями, естественно обращали наибольшее внимание на достраивание философии материализма доверху, т. е. не на материалистическую гносеологию, а на материалистическое понимание истории. От этого Маркс и Энгельс в своих сочинениях больше подчеркивали *диалектический* материализм, чем *диалектический материализм*, больше настаивали на *историческом* материализме, чем на историческом материализме. Наши махисты, желающие быть марксистами, подошли к марксизму в совершенно отличный от этого исторический период, подошли в такое время, когда буржуазная философия особенно специализировалась на гносеологии и, усваивая в односторонней и искаженной форме

---

¹ Lardreau G. Le singe d'or. Essai sur le concept d'étape du marxisme. P., 1973.

некоторые составные части диалектики (например, релятивизм), преимущественное внимание обращала на защиту или восстановление идеализма внизу, а не идеализма сверху... Наши махисты не поняли марксизма, потому что им довелось подойти к нему, так сказать, *с другой стороны*, и они усвоили — а иногда не столько усвоили, сколько заучили — экономическую и историческую теорию Маркса, не выяснив ее основы, т. е. философского материализма. Получилось то, что Богданов и К⁰ должны быть названы русскими Бюхнерами и Дюрингами наизнанку. Они желали бы быть материалистами сверху, они не умеют избавиться от путаного идеализма внизу! «Наверху» у Богданова — исторический материализм, правда, вульгарный и сильно подпорченный идеализмом, «внизу» — идеализм, переодетый в марксистские термины, подделанный под марксистские словечки» (18, 350—351).

Давая общую оценку воззрениям позитивистов, В. И. Ленин отмечал, что в гносеологии их субъективный идеализм зачастую эклектически бывал соединен с попытками «подделаться» под материалистов. Это проявилось и в эклектических социологических воззрениях махистов. Что касается самих Маха и Авенариуса, то их социологические (буржуазно-либеральные) воззрения не были строго связаны с их субъективно-идеалистическими общеполитическими взглядами.

Ревизионисты махистского толка немало рассуждали о совместимости материалистического понимания истории с теорией познания Маха. Так, Ф. Адлер толковал о соответствии махистского «понимания природы» марксистскому «пониманию истории»¹. Н. Валентинов писал в том же духе, что «принципы реалистической философии Маха совпадают с основными пунктами социологической концепции Маркса»². Но по существу дела философские ревизионисты извращали и теоретические основы социологии марксизма, и его философию истории, т. е. в целом исторический материализм. В этом отношении характерна позиция А. А. Богданова. Он сделал заявку на «развитие» исторического материализма, предложив в качестве «нового слова» следующий вывод: «Социальность нераздельна с сознательностью. *Общест-*

---

¹ Die Neue Zeit, 1910, Bd. 1, N 19, S. 676.

² Валентинов Н. Э. Мах и марксизм, с. 10.

венное бытие и общественное сознание, в точном смысле этих слов, тождественны» (см. 18, 342).

Ложность
идеи тождества
общественного
бытия
и общественного
сознания.
Материальность
общественного
бытия

В. И. Ленин подчеркивал, что попытка развить Маркса «в духе его основ» свелась у махистов к идеалистической фальсификации этих основ и что вообще для них в конечном счете характера приверженность принципу тождества бытия и сознания, имеющая антимарксистскую направленность. Он писал: «Богданов лично — заклятый враг всякой реакции и буржуазной реакции в частности. Богдановская «подстановка» и теория «тождества общественного бытия и общественного сознания» *служит* этой реакции» (18, 346).

А. А. Богданов свел все социальное бытие к сотрудничеству людей, а сотрудничество — к духовно-идеологическому их взаимодействию, заявив, что в основе его эмпириомонизма лежат два главных положения: принцип «подстановки» и принцип «энергетизма». Принцип «подстановки» был призван преодолеть философское «удвоение мира» и обеспечить мировоззренческий монизм на базе ощущений субъекта. Этот принцип и был общеполитическим аргументом в пользу «тождества» общественного бытия и общественного сознания. Богданов писал: «Воспринимая действия и высказывания других людей, каждый человек ассоциативно связывает с ними, «подставляет» под них чувства, мысли, желания, восприятия, вполне подобные тем, какие сам переживает в связи с однородными действиями и высказываниями. Эта «подстановка» жизненно необходима для людей и лежит в основе всей их практики»¹.

Принцип «подстановки» А. Богданова методологически был связан с теориями «принципиальной координации» и «интроекции» Р. Авенариуса. В теории «принципиальной координации» произошла подмена познавательно-практического отношения субъекта к объекту идеалистически понятым онтологическим отношением. И хотя непосредственно богдановская «подстановка» из принципов «интроекции»² и «принципиальной координа-

¹ Богданов А. Страна идолов и философия марксизма. — В кн.: Очерки по философии марксизма. М., 1910, с. 223.

² См. об «интроекции» в кн.: Буржуазная философия капитула и начала империализма, с. 138—141. Смысл «интроекции» в том, что, по Авенариусу, субъект будто бы интроецирует (вносит в себя)

ции» Авенариуса не вытекала, но была связана с ними общей своей субъективно-идеалистической направленностью.

Рассуждения о «координации» субъекта и объекта — один из источников теоретической путаницы и ревизионистской фальсификации марксистско-ленинской философии. Современные нам ревизионисты также подменяют основной вопрос философии вопросом о характере неразрывного будто бы взаимосцепления субъекта и объекта, где под объектом ими заранее уже понимается нечто, в принципе всегда зависимое от субъекта, а социальная практика как взаимодействие субъекта и объекта истолковывается субъективно-идеалистически, в фихтеанском духе. Такова ныне позиция многих участников издающегося в Оксфорде журнала «Праксис» и буржуазных «неомарксистов» франкфуртской школы. И в этих концепциях соответственно идеалистически понимается общественная жизнь.

Идеалистическим и эклектически-вульгаризаторским взглядам на общество В. И. Ленин противопоставил материалистическое понимание истории К. Маркса и Ф. Энгельса. Их великая заслуга, писал он, состоит в том, что в течение длительного времени они настойчиво и систематически развивали материализм, «проводили последовательно,—показывали, *как* надо проводить *тот же* материализм в области общественных наук» (18, 357). В ходе критики социологических воззрений махистов Ленин творчески развивает исторический материализм, анализируя узловые проблемы материалистического понимания общества.

Материалистическое понимание истории, по Ленину,—следствие распространения материализма на область общественных явлений, применения принципа материальности к объяснению общественной жизни. Основной вопрос философии тем самым получил последовательное диалектико-материалистическое решение. Но это не значит, что исторический материализм есть лишь чисто логическая экстраполяция диалектического материализма на жизнь общества: ведь сам диалектический материализм мог возникнуть только на основе верного понимания законов истории.

Распространить материализм на объяснение законов

«нейтральные элементы», а затем проецирует их вовне, объявляя материальными предметами вне сознания.

общественной жизни означало понять ее в качестве активно-действенной, материально-практической по своей основе. А. А. Богданов как автор «Краткого курса экономической науки» и «Философии живого опыта» тоже подчеркивал антисозерцательность «философии пролетариата», но делал это демагогически, объявив центральной категорией этой философии «трудовое усилие», «активную практику»¹. Крайне релятивистски им истолкованная практика оказывалась первичной в отношении и субъекта и объекта, и познания и познаваемого предметного мира, становилась чем-то по-махистски «нейтральным». Аналогичным образом В. Базаров извратил материализм Маркса, утверждая, что материальность основы общественной жизни означает совпадение объективного и субъективного в «человеческом» моменте производительных сил, а значит в практическом «опыте»².

Подвергая критике ревизионистские извращения исторического материализма, В. И. Ленин развивал идеи, сформулированные им прежде, в ходе борьбы с народниками, «легальными марксистами» и «экономистами». В противоположность богдановской концепции «тождества» общественного бытия и общественного сознания, вытекающей из субъективистского и релятивистского истолкования практики, он развивает следующую точку зрения: «Общественное сознание *отражает* общественное бытие — вот в чем состоит учение Маркса. Отражение может быть верной приблизительно копией отражаемого, но о тождестве тут говорить нелепо. Сознание вообще *отражает* бытие, — это общее положение *всего* материализма. Не видеть его прямой и *неразрывной* связи с положением исторического материализма: общественное сознание *отражает* общественное бытие — невозможно» (18, 343; см. также 26, 55—56).

Проводя определенное различие между общественным сознанием и общественным бытием, В. И. Ленин понимает его как глубоко диалектическое: общественное сознание есть продукт общественного бытия, но ока-

---

¹ В своих работах 20-х гг. А. А. Богданов все более подменял философию марксизма позитивистски-структуралистскими построениями и вообще пришел к мысли, что «всеобщая организационная наука», или «тектология», должна заменить собой всякую философию.

² См.: Базаров В. На два фронта, с. 67, 84.

зывает на него обратное воздействие, общественное сознание отражает собой общественное бытие, но находится с ним в тесном единстве, особенно когда отражает его все более полно, всесторонне и адекватно. За пределами основного философского вопроса сказывается тесная взаимосвязь и взаимодействие общественного бытия и общественного сознания. Ленин выступает против как позитивистского метафизического и идеалистического отождествления бытия и сознания в общественной жизни А. А. Богдановым, так и против дуалистического и агностического их взаимообособления.

Он подчеркивает, что исторический материализм означает распространение материалистических принципов на общество. Возникновение исторического материализма соответствовало монистическому принципу, присущему общей традиции философского материализма, хотя последний до Маркса и Энгельса и не был, несмотря на попытки отдельных философов, построен «сверху». Но из категорий «сознание» и «бытие» категории «общественное сознание» и «общественное бытие» формально-дедуктивно не выводятся. Это значит, что законы и категории материалистической диалектики преломляются в социальном материале особым образом, специфически. В основе развития философской теории Маркса и Энгельса лежало гениальное *открытие* материально-практической основы общественной жизни. Можно даже сказать, что, пока материализм не был «историческим», он не мог стать и вполне диалектическим. В борьбе классов К. Маркс раскрыл сложную и многообразную диалектику, «сложную сеть общественных отношений и *переходных* ступеней от одного класса к другому, от прошлого к будущему...» (26, 60).

Таким образом, налицо взаимообусловленность диалектического и исторического материализма. Поистине философия марксизма «вылита из одного куска стали»: принцип материальности мира в этой философии и принцип природного и социального развития фиксируют две стороны единого взгляда на мир. А различие между диалектическим и историческим материализмом видно уже из того, что В. И. Ленин всегда четко различал «бытие» и «общественное бытие», «сознание» и «общественное сознание». В историческом материализме Ленин усматривал наличие не только философского, но и социологического содержания, поскольку это есть и философская наука и общетеоретическое основание совокуп-

ности ряда дисциплин об исторических и социальных процессах (см. 1, 139).

Итак, общественное сознание не тождественно общественному бытию. Оно не тождественно прежде всего потому, что общественное бытие есть материальный процесс, а общественное сознание — его духовное отражение и активное средство воздействия на материальные процессы в обществе. Общественное бытие материально не только потому, что производительные силы и труд в своей основе, объекты его приложения и вещественные результаты материальны, но и потому, что объективно независимы от сознания и произвола человека реальные условия (в том числе производственные отношения), в которых он вступает в жизнь, и те законы социальной жизни, которые действуют на протяжении его жизнедеятельности.

Этих черт у общественного сознания нет, и дело не меняется оттого, что здесь речь идет о сознании не индивидуальном, а массовом, коллективном: оно становится «объективным» для индивида, но при этом остается сознанием как духовным, идеальным образованием. Поэтому, например, «думать, что философский идеализм исчезает от замены сознания индивида сознанием человечества, или опыта одного лица опытом социально-организованным, это все равно, что думать, будто исчезает капитализм от замены одного капиталиста акционерной компанией» (18, 242).

Дело не меняется и оттого, отмечает В. И. Ленин, что люди вступают и в материальное общение друг с другом, разумеется, как сознательные существа. Суть в том, что объективные общественные отношения людей складываются в первобытнообщинной и в классово-антагонистических формациях совершенно вне понимания и учета тех отношений, которые между ними складываются, и тех законов общественного развития, которым эти отношения подчиняются. А. А. Богданов не провел никакого различия между сознательным (целеполагающим) моментом в труде, общественном производстве и всей социальной практике, с одной стороны, и осознанием законов этой деятельности и ее объективных последствий — с другой. А различие это существенно.

Общественное сознание не тождественно общественному бытию и по отраженному в этом сознании содержанию: содержание общественного бытия гораздо шире той его части, которая «ухватывается» общественным созна-

нием, и также и в этом смысле от него не зависит. В. И. Ленин замечает по поводу указанных различий следующее: «Сумму всех этих изменений во всех их разветвлениях не могли бы охватить в капиталистическом мировом хозяйстве и 70 Марксов. Самое большее, что открыты *законы* этих изменений, показана в основном и в основном *объективная* логика этих изменений и их исторического развития,— объективная не в том смысле, чтобы общество сознательных существ, людей, могло существовать и развиваться независимо от существования сознательных существ... а в том смысле, что общественное бытие *независимо* от *общественного сознания* людей. Из того, что вы живете и хозяйничаете, рождаете детей и производите продукты, обмениваете их, складывается объективно необходимая цепь событий, цепь развития, независимая от вашего *общественного* сознания, не охватываемая им полностью никогда» (18, 345).

В. И. Ленин показал, следовательно, что марксистская точка зрения связана с признанием независимости общественного бытия от общественного сознания и независимости всего объективно реального бытия от сознания вообще. Мы видим, какую огромную роль играет ленинское определение материи для дальнейшей разработки основ исторического материализма. Видно, что Ленин включает в объективное общественное бытие как таковое (оно первично в отношении общественного сознания в целом) прежде всего материальный производственный процесс, в котором складываются отношения самого производства и шире — производственные отношения, в том числе процессы организации производства, распределения, обращения и материального потребления. Он также включает в состав общественного бытия и собственно предметные (вещественные) элементы общественного бытия, хотя материальность общественного бытия к ним не сводится. Сознание во всех случаях в конечном счете обусловлено общественным бытием, а вместе с тем оно есть приблизительно или отдаленно верное (иногда искаженное) отражение бытия.

Вообще вопрос о первичности общественного бытия — это также и вопрос об обоснованности социального детерминизма и о критике социологического эмпиризма. То и другое тесно связано с проблемой теоретического обоснования коренных социальных преобразований. Критикуя А. А. Богданова и других, В. И. Ленин рассматривает конкретно характер отражения общественного

бытия в общественном сознании, а в связи с этим и вопрос о том, как, *стихийно или сознательно*, развивается и изменяется общественное бытие в условиях различных общественно-экономических формаций.

Объективные общественные отношения в формациях, основанных на эксплуатации человека человеком, складываются стихийно, независимо от сознательных целей и намерений людей (см. 18, 343). Объективно-необходимая цепь событий, складывающаяся в сфере материальных отношений людей, подчиняется внутренней «логике» своих объективных закономерностей. «Самая высшая задача человечества — охватить эту объективную логику хозяйственной эволюции (эволюции общественного бытия) в общих и основных чертах с тем, чтобы возможно более отчетливо, ясно, критически приспособить к ней свое общественное сознание и сознание передовых классов всех капиталистических стран» (18, 345). Отсюда, в частности, видно, что В. И. Ленин считает существенным элементом общественного сознания самосознание общества (господствующего в нем класса), т. е. определенное осознание и познание (далеко не всегда верное) общественных отношений. Вместе с тем в общественном сознании отражается далеко не только самосознание господствующего в обществе класса, его интересы и оценки: возрастающую роль играет самосознание класса угнетенного, эксплуатируемого, все более понимающего свои интересы и задачи своей борьбы. В общественном сознании отражаются не только объективно-материальные и вообще не только социальные процессы. Но как бы то ни было, именно исходя из анализа общественного бытия можно прежде всего понять содержание, структуру и пути развития общественного сознания в целом.

На основе познания и использования объективных законов истории классовая борьба рабочего класса, трудящихся масс в соответствующих условиях превращается в сознательную, и в итоге ее социалистическая революция, упраздняя частную собственность на средства производства, открывает путь к утверждению качественно иных общественных отношений, не менее объективных, но во все больших размерах и масштабах проникнутых сознательным целеполаганием, все более глубоко охваченных пониманием последствий социальной деятельности масс и их руководителей. Но рост этого понимания (в условиях социализма) не превращает созна-

тельно теперь уже формируемых экономических связей из материальных в идеальные.

Выступление некоторых социал-демократов против философии марксизма означало не только переход на позиции идеализма, но и отрицание ими диалектики. Материалистическое понимание истории существенно искажалось и в этом отношении. Глубоко метафизический характер был присущ биологизаторским высказываниям А. А. Богданова, С. А. Суворова и других философов-публицистов. В. И. Ленин по этому поводу заключает: «...в социологии эмпириокритицизм ведет, даже при самом искреннем сочувствии к выводам марксизма, к искажению исторического материализма претенциозно-пустой энергетической и биологической словесностью» (18, 349—350). В лучшем случае ранее полученные марксизмом результаты «переодевались» в биологическую и энергетическую терминологию, а в худшем — искажались и вытеснялись пустыми квази-биологическими и энергетическими тривиальностями.

Здесь, в частности, шла речь о подмене диалектики теорией равновесия, заимствованной русскими махистами у основателей эмпириокритицизма. И. Петцольдт изобразил развитие общества как реализацию его «тенденции к устойчивости». С. А. Суворов же, один из авторов «Очерков по философии марксизма», начал пропагандировать заимствованный им у Г. Спенсера и Р. Авенариуса закон «экономии сил», который якобы одинаково регулирует неорганическое, биологическое и социальное развитие. Само развитие при этом рассматривалось им, вслед за Г. Спенсером, как всего лишь «подвижное равновесие». В итоге классовая борьба оказывается, по словам С. А. Суворова, «установлением форм равновесия между социальными силами».

В. И. Ленин показал бессодержательность подобных тезисов, позволяющих подвести под них все, что угодно, подчеркнув, что К. Маркс дал совершенно точное определение понятия общественного формационного развития и совершенно конкретно исследовал, как именно оно происходит на основе количественного и качественного роста производительных сил и действующих здесь объективных противоречий (см. 18, 354).

Близкие к тезисам С. А. Суворова положения высказывал и А. А. Богданов. О развитии живой материи он писал как о «возрастании суммы жизни», о социальном развитии — как о «возрастании полноты гармонии

жизни» на основе «общественного подбора» — положительного или отрицательного. «И подобный несказанный вздор,— заключает В. И. Ленин,— выдается за марксизм! Можно ли себе представить что-нибудь более бесплодное, мертвое, схоластичное, чем подобное нанизывание биологических и энергетических словечек, ровно ничего не дающих и не могущих дать в области общественных наук? Ни тени конкретного экономического исследования, ни намек на *метод* Маркса, метод диалектики и миросозерцание материализма, простое *сочинение* дефиниций, попытки подогнать их под готовые выводы марксизма» (18, 347).

Разумеется, критика В. И. Лениным подмены социальных процессов биологическими аналогиями не означала отрицания им необходимости исследовать взаимодействия природы и человека в социальном мире, биологического и социального в самом человеке. Некоторые аналогии между биологическими, социальными и даже техническими процессами, которые иногда подмечаются ныне, носят очень общий характер, и они суть следствие не некой биологической сущности общественных закономерностей, а того обстоятельства, что материальное единство мира проявляется в том числе и в широких аналогиях между различными областями действительности. Эти аналогии имеют мало общего с собственно специфическими биологическими закономерностями, хотя в последних результаты кибернетики, общей теории систем, информатики и «просто» математики также находят свое преобразованное выражение¹.

Завершающая глава книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» имеет принципиальное значение для понимания внутренней связи и взаимообусловленности между диалектическим и историческим материализмом. Ленинское определение материи придало историческому материализму еще большую общетеоретическую целостность. Исходная позиция критики Лениным враждебных философии марксизма взглядов была выражена здесь с чеканной ясностью. Повторим эту мысль: «В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объек-

---

¹ Современные исследования по социобиологии на Западе методологически зачастую вновь идут по линии абсолютизации биологических закономерностей в жизни людей (см.: Никольский С. А. Что такое социобиология? — Природа, 1986, № 4, с. 96).

тивной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» (18, 346).

* * *

Труд В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» сыграл в истории философского развития марксизма и вообще истории мировой философии поистине эпохальную роль. Идеино разгромив махизм и разработав общие философские основания политической стратегии и тактики (большевиков), В. И. Ленин теоретически и практически утвердил принцип коммунистической партийности философии, четко раскрыл социально-практическую функцию философии. На основе всестороннего анализа состояния современного естествознания он доказал принципиальную несовместимость махизма, как и других идеалистических школ, с новейшими достижениями в развитии науки.

В этом произведении В. И. Ленин раскрыл сущность кризиса гносеологических, методологических и мировоззренческих основ естествонаучного знания. Творческий подход к анализируемым проблемам позволил Ленину в самом начале XX в., когда он мог рассмотреть лишь первые шаги новейшей революции в науках, выявить ее основные черты и тенденции и наметить пути выхода из переживаемого физикой кризиса мировоззренческих представлений. При этом Ленин, опираясь на новейшие открытия в физике, сделал ряд важных философско-методологических обобщений, которые убедительно показали эвристическую силу марксистского метода в познании. Благодаря диалектическому подходу к революционным переменам в физике, там, где махисты видели лишь «всеобщий разгром принципов», он увидел не крушение науки, а переломный этап в ее развитии. Ленин был уверен, и история познания подтвердила его правоту, что «материалистический основной дух физики, как и всего современного естествознания, победит все и всяческие кризисы, но только с непременной заменой материализма метафизического материализмом диалектическим» (18, 324).

В. И. Ленин существенно обогатил коренные положения диалектического материализма и особенно теории познания, подняв философию марксизма на новую ступень. На основе философского анализа основных тенденций развития наук о природе он сделал ряд важных методологических прогнозов, которые не утратили своей

значимости и в наши дни (такова, в частности, плодотворнейшая идея неисчерпаемости структур и свойств микромира). Ленин при анализе проблем, поставленных философией, естествознанием и общественно-исторической практикой, дал образец органического соединения строгой научности и пролетарской партийности.

В. И. Ленин разработал общие методологические принципы критики антимарксистских и вообще идеалистических философских направлений, принципы, обеспечивающие выявление как классовой сущности того или иного из этих направлений, так и его гносеологических корней. Направленная преимущественно против последователей махизма в России, ленинская работа доказала ненаучность и вредоносность и других родственных ему философских направлений. Ленин показал враждебность в конечном счете любой идеалистической философской системы развивающемуся естествознанию и социальному прогрессу. В наши дни всю свою актуальность и точность сохраняют ленинские оценки ревизионизма как фальсификации марксизма, как подделки антиматериалистических учений под марксизм (см. 18, 351).

В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин развил и утвердил в философии подлинную марксистскую традицию, ядром которой является материалистическая диалектика. Диалектика природы была снова, после Энгельса, утверждена Лениным как органическая часть марксистской философской науки. Ленин четко выявил как границу между философией и частными науками, так и грани их взаимодействия. Он восстановил правильное понимание самого предмета и структуры диалектического и исторического материализма, доказал необходимость разработки философских проблем естествознания. Это имело огромное значение и для всего дальнейшего развития марксистской философии. Идеи книги стали стратегической программой действия философов-марксистов и передовых материалистов-естествоиспытателей. Ныне эти идеи приобрели решающее значение для диалектико-материалистического понимания современного этапа научно-технической революции как важного фактора ускорения экономического и социального развития общества.

Книга «Материализм и эмпириокритицизм» — законченное целостное произведение. Но полнота его философского содержания может быть раскрыта, естественно,

лишь в контексте анализа всего философского наследия Ленина, и прежде всего его знаменитых «Философских тетрадей».

Налицо глубокое внутреннее идейное единство содержания «Материализма и эмпириокритицизма» и «Философских тетрадей». Показать это — существенно важно для более верного и глубокого понимания истории развития марксизма-ленинизма и более действенной критики буржуазных марксологов, пытающихся противопоставить один ленинский труд другому.

XXIV

Меморандки
на
философски
Тема, Фрџи и Фрџи

Раздел II

„ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ“

УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ
СОЗДАНИЯ «ФИЛОСОФСКИХ ТЕТРАДЕЙ»

Статья «Карл Маркс» Классическая характеристика существа марксистской философии, данная В. И. Лениным в книге «Материализм и эмпириокритицизм», была дополнена и развита им в ряде небольших, но очень важных произведений, опубликованных в 1910—1914 гг. Среди них особое место занимает обобщающая статья «Карл Маркс», при написании которой Лениным были использованы и те материалы, которые впоследствии составили часть содержания его «Философских тетрадей».

К работе над статьей «Карл Маркс» В. И. Ленин приступил весной 1914 г., когда он находился в польском местечке Поронино, но только в сентябре того же года, пребывая в Берне, смог продолжить эту работу и завершил ее в ноябре. Статья предназначалась для Энциклопедического словаря братьев Гранат и была опубликована в 1915 г. в 28-м томе 7-го издания словаря, но, к сожалению, в неполном виде и с несколькими изменениями в тексте, что было вызвано цензурными условиями. По этой причине редакция «выбросила конец статьи о Марксе, посвященный изложению его революционной тактики» (26, 45). Не напечатан был и раздел «Социализм». В 1918 г. статья была напечатана отдельной брошюрой (без библиографии). Полный текст этого произведения был опубликован в 1925 г.

Статья «Карл Маркс» представляет собой краткий биографический очерк, соединенный со сжатым, но исключительно насыщенным по содержанию изложением марксизма как целостной теории. Предпосланная анализу учения Маркса, его биография содержит характеристику процесса формирования марксизма, теоретических и социально-исторических его предпосылок. Эти вопросы рассматриваются и в трех собственно философских разделах работы.

Несколько ранее, в статье «Три источника и три со-

ставных части марксизма», В. И. Ленин уделил большое внимание выявлению интернациональной сущности учения марксизма. Он показал, что марксизм возник не «в стороне от столбовой дороги развития мировой цивилизации» (23, 40), напротив, Маркс дал ответы на животрепещущие вопросы, поставленные передовой мыслью человечества. В труде «Карл Маркс» Ленин углубил характеристику интернационального происхождения, сущности и значения марксизма. «Марксизм — система взглядов и учения Маркса. Маркс явился продолжателем и гениальным завершителем трех главных идейных течений XIX века, принадлежащих трем наиболее передовым странам человечества: классической немецкой философии, классической английской политической экономии и французского социализма в связи с французскими революционными учениями вообще» (26, 50). Вновь указывая на замечательную последовательность и целостность системы взглядов Маркса, Ленин признает главным содержанием марксизма его экономическую теорию. Однако чрезвычайно существенной предпосылкой этого учения является миросозерцание Маркса — «последовательный материализм, охватывающий и область социальной жизни, диалектика, как наиболее всестороннее и глубокое учение о развитии, теория классовой борьбы и всемирно-исторической революционной роли пролетариата, творца нового, коммунистического общества» (26, 48).

В. И. Ленин отмечает, что только философский материализм Маркса указывает пролетариату выход из духовного рабства. В работе «Карл Маркс» принцип материальности мира в его марксистском понимании получает сжатую и вместе с тем емкую, всестороннюю и глубоко современную трактовку. Последовательно придерживаясь принципа историзма, Ленин сопоставляет материализм Маркса и Энгельса с предшествующим материализмом, существенно углубляя (по сравнению с Плехановым) оценку революции в философии, осуществленной Марксом. Вот важнейшее обобщающее положение, сформулированное Лениным на этот счет: «Основным недостатком «старого», в том числе и фейербаховского (а тем более «вульгарного», Бюхнера-Фогта-Мошотта) материализма Маркс и Энгельс считали (1) то, что этот материализм был «преимущественно механическим», не учитывая новейшего развития химии и биологии (а в наши дни следовало

бы еще добавить: электрической теории материи); (2) то, что старый материализм был неисторичен, недиалектичен (метафизичен в смысле антидиалектики), не проводил последовательно и всесторонне точки зрения развития; (3) то, что они «сущность человека» понимали абстрактно, а не как «совокупность» (определенных конкретно-исторически) «всех общественных отношений» и потому только «объясняли» мир, тогда когда дело идет об «изменении» его, т. е. не понимали значения «революционной практической деятельности» (26, 53).

В. И. Ленин всячески подчеркивал, что непонимание роли активной практики, абстрактное истолкование сущности человека, единственного творца истории, решающим образом помешали старым материалистам последовательно и полно провести принцип материальности мира и соединить его с принципом развития, доведя тем самым до правильного истолкования социальной жизни¹. Напомним афористичную оценку Лениным позиции Герцена, данную в статье, написанной им несколько ранее очерка «Карл Маркс»: «Герцен вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом» (21, 256). Диалектика требует объяснения мира, исходя из него самого. Такое целостное объяснение невозможно без материалистического понимания истории, без разгадки тайны общественного бытия как, в сущности, бытия практического.

Обратимся снова к очерку «Карл Маркс». «Открытие материалистического понимания истории или, вернее, последовательное продолжение, распространение материализма на область общественных явлений,— пишет В. И. Ленин,— устранило два главных недостатка прежних исторических теорий. Во-1-х, они в лучшем случае рассматривали лишь идейные мотивы исторической деятельности людей, не исследуя того, чем вызываются эти мотивы, не улавливая объективной закономерности в

---

¹ Американский буржуазный философ Дж. О'Рурке о ленинской позиции по поводу активности человека заявляет: «В... очерке о Марксе, написанном для энциклопедического словаря Гранат, Ленин также приводит знаменитый текст Энгельса (из «Анти-Дюринга». — Авт.)... текст Энгельса можно истолковать по-разному: ударение можно сделать либо на сознательной покорности, либо на активистском использовании необходимости. Ленин, к сожалению, поддерживает оба толкования». Совершенно не понимая диалектики, О'Рурке превратил В. И. Ленина в эклектика (*O'Rourke J. J. The Problem of Freedom in Marxist Thought. Boston, 1974, p. 72*).

развитии системы общественных отношений, не усматривая корней этих отношений в степени развития материального производства; во-2-х, прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения, тогда как исторический материализм впервые дал возможность с естественноисторической точностью исследовать общественные условия жизни масс и изменения этих условий» (26, 57). Ленин имеет в виду под указанными «историческими теориями» домарксовскую социологию и историографию. Противопоставляя им марксистскую науку об обществе, Ленин и называет эту науку историческим материализмом, употребляя данный термин как синоним философско-теоретической социологии¹.

В. И. Ленин не просто декларирует единство философии марксизма, вылитой, по его знаменитому выражению, из одного куска стали (см. 18, 346). Он доказывает тот факт, что распространение материализма на область общественных явлений, понимание общественной жизни как в существе своем практической не только устранило факт непоследовательности, незавершенности, односторонности старого материализма и согласовало тем самым науку об обществе с материалистическим основанием. Превращение принципа материальности в подлинно всеобщий научный принцип потребовало также и научной трактовки развития, разработки и всеобщего приложения принципа развития. Именно Маркс и Энгельс осуществили это в ходе переработки гегелевской диалектики, самого всестороннего, богатого содержанием и глубокого учения о развитии из ранее существовавших. Характеризуя в работе «Карл Маркс» материалистическую диалектику, Ленин, по сути дела, продолжал свою борьбу против каутскианского опошления диалектики Маркса и Энгельса.

В. И. Ленин исходит из того, что общие законы движения внешнего мира и человеческого мышления были открыты Марксом и Энгельсом как законы практической и на этой основе — познавательной деятельности

---

¹ Ф. Энгельс писал, что он применяет «выражение «исторический материализм» для обозначения того взгляда на ход всемирной истории, который конечную причину и решающую движущую силу всех важных исторических событий находит в экономическом развитии общества, в изменениях способа производства и обмена, в вытекающем отсюда разделении общества на различные классы и в борьбе этих классов между собой» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 305—306).

людей, как законы «обработки» людей людьми и природы людьми. Но дальнейшее осмысление этих законов приводит к пониманию их как всеобщих законов всей действительности.

Марксистская диалектика формировалась в качестве методологической основы новых взглядов на историю, политику и культуру, в виде цельной и стройной научной теории, показывающей, как из одного уклада общественной жизни вследствие роста производительных сил развивается в конечном счете другой, более высокий уклад. Именно в качестве единого — и диалектического, и исторического — философского материализма «марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций...» (26, 57). Метод Маркса, не раз подчеркивал Ленин, последовательно материалистический. Качественно новый материализм Маркса формировался прежде всего как материализм в объяснении истории. Метод Маркса является последовательно диалектическим. Качественно новая диалектика Маркса формировалась прежде всего как концепция общественного развития. Диалектический и исторический материализм указывает путь к подлинно научному исследованию общественно-экономических формаций, «рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил» (26, 57—58). Из глубокого ленинского анализа революции в философии, совершенной Марксом и Энгельсом, вытекает, в частности, что, только становясь историческим материализмом, новый материализм смог стать всесторонне диалектическим. Иными словами, только открытие материального характера общественной жизни, истолкование ее как материально-практической по своему существу превращало и принцип материальности, и принцип развития во всесторонне научно обоснованные принципы. Это не значит, конечно, что практика сама по себе является всеобщим предметом философии марксизма, но практика была отправным пунктом в развитии системы категорий исторического материализма.

Статья «Карл Маркс» содержит наиболее полную по сравнению с имевшимися в предшествовавших марксистских произведениях характеристику философии как *теории развития*. В. И. Ленин вновь возвращается здесь к оценке теоретических источников марксистской философии, напоминая, что Маркс и Энгельс считали величайшим приобретением классической немецкой философии гегелевскую диалектику как самое всестороннее и глубокое учение о развитии.

В. И. Ленин раскрывает *единство взглядов* К. Маркса и Ф. Энгельса на развитие, единство понимания ими диалектики. «В наше время идея развития, эволюции, вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции» (26, 55), — пишет Ленин. Приверженностью к «ходячей идее эволюции» грешили не только естествоиспытатели, оставшиеся в плену механистического мировоззрения, но и теоретики II Интернационала, сторонники реформизма, заменявшие «хитрую» (и революционную) диалектику «простой» (и спокойной) «эволюцией». Что же касается единства позиции Маркса и Энгельса, то Ленин, используя термины Энгельса, делает следующий обобщающий вывод: «Таким образом диалектика, по Марксу, есть «наука об общих законах движения как внешнего мира, так и человеческого мышления» (26, 54) ¹.

В статье «Карл Маркс» В. И. Ленин впервые дает общий набросок диалектики (см. 26, 55), в котором он выделяет действие диалектики в процессе развития и к которому он затем возвратился в «Философских тетрадах». В разделе «К вопросу о диалектике» (см. 29, 316—322), написанном также в Берне осенью 1915 г., положения этого наброска получили дальнейшую конкретизацию. Она проводится также во фрагменте о 16 элементах диалектики (см. 29, 202—203).

Обращает на себя внимание тот порядок, в котором В. И. Ленин в статье «Карл Маркс» рассматривает главные законы диалектики; данный порядок рельефно выделяет роль этих законов в процессе познавательного углубления в сущность процессов развития (см. 26, 55).

---

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 302.

Их сжатая характеристика завершается указанием на закон конкретной связи и взаимозависимости сторон каждого явления. Важно отметить и то место, которое Ленин уделяет философии в общей системе марксистского миропонимания в связи со структурой самого комплекса философских знаний. Он выделил в марксизме учения о философском материализме, диалектике, а также о материалистическом понимании истории и классовой борьбе, затем экономическое учение и, наконец, теорию научного социализма как выражение стратегии коммунистов и учение о тактике классовой борьбы пролетариата. Таким образом, связь философии с практикой осуществляется прежде всего в свете борьбы классов.

В. И. Ленин видит в диалектике всеобщую концепцию развития и теорию познания. Он обращает внимание на мысль Ф. Энгельса о том, что движение природы дает подтверждение диалектики и что данные естествознания широко и основательно подкрепляют истинность марксистской концепции развития. В подтверждение того, что дела обстоят в природе диалектически, Ленин ссылается на открытие радия, электрона, превращения элементов. Все это еще раз свидетельствует о единстве взглядов Маркса, Энгельса, Ленина, показывает ложность и беспочвенность буржуазных марксологических и ревизионистских интерпретаций диалектико-материалистической философии.

Между тем эти интерпретации имеют на Западе широкое хождение. Таковы многие идеи «критического марксизма», восходящего по своим мотивам к ранним работам К. Корша (Марксизм и философия, 1923) и Д. Лукача (История и классовое сознание, 1923). По Коршу, В. И. Ленин остался приверженцем... недialeктического материализма XVIII в. и не учитывал диалектической связи мышления и бытия, субъекта и объекта, теории и практики¹. В то же время Корш считал бессмысленным учение о диалектике в природе и об отражении. Истолкование диалектики Коршем свелось к антропоморфной субъективистски окрашенной абсолютизации момента целеполагания в практике, отлучающей материализм от диалектики. Аналогичные мотивы звучали и у раннего Д. Лукача, который, не вступая в

---

¹ Korsch K. Marxismus und Philosophie. Frankfurt a/M. 1975, S. 61.

спор с Лениным, отрицал, однако, существование диалектики в природе, считая признание ее «устарелым» взглядом, и сводил содержание диалектики только к ее действию в мышлении и к взаимодействию теории и практики¹. Эти мотивы использовал затем и представитель второго поколения франкфуртской школы — А. Шмидт².

Но, как показывает В. И. Ленин, К. Маркс не «сужал» диалектику до области человеческой практики, а Ф. Энгельс не «расширял» концепцию Маркса, заново включая природу в сферу действия диалектики. Маркс и Энгельс создали единую концепцию диалектического развития всего мира. Ревизионисты же вновь и вновь воспроизводят старую схему, рассуждая о несовместимости материализма и диалектики и трактуя практику субъективно-идеалистически, что ведет в итоге к отрицанию объективности исторического процесса и материальной обусловленности развития общественной жизни. Отказ от марксизма неминуемо приводит к историческому идеализму.

Как показывает В. И. Ленин, только диалектико-материалистическая философия дает руководящую нить, позволяющую открыть реальные закономерности в кажущемся хаосе общественной жизни. В классово антагонистические эпохи история общества — это история классовой борьбы. В ряде исторических сочинений, замечает Ленин, Маркс дал блестящие образцы материалистической историографии, глубоко проанализировав положение каждого отдельного класса, а в необходимых случаях различных групп или слоев внутри класса, показывая воочию, почему и как всякая классовая борьба, движимая экономическими интересами, неуклонно приобретает характер борьбы политической. Научный социализм как теория мог сложиться лишь на основе диалектико-материалистического понимания истории и экономического учения Маркса. Ленин суммирует взгляды Маркса и Энгельса на неизбежность смены капитализма социализмом так: «Интеллектуальным и моральным двигателем, физическим исполнителем этого

---

¹ Lukács G. Geschichte und Klassenbewusstsein. Berlin (West) — Neuwied, 1968, S. 175; см. также: Штейнгервальд Р. «Третий путь» Герберта Маркузе. М., 1971, с. 40.

² Schmidt A. Der Begriff der Natur in der Lehre von Marx. Frankfurt a/M. 1962, S. 104.

превращения является воспитываемый самим капитализмом пролетариат» (26, 73).

Раскрывая цельность марксистского учения и глубокое единство трех его частей, В. И. Ленин подчеркивает революционно-практическую направленность марксизма. При этом он делает чрезвычайно важный вывод, резюмирующий основной пафос статьи о Марксе: «Маркс в течение всей своей жизни, наряду с теоретическими работами, уделял неослабное внимание вопросам тактики классовой борьбы пролетариата... Без этой стороны материализма Маркс справедливо считал его половинчатым, односторонним, мертвенным» (26, 77).

Работа В. И. Ленина «Карл Маркс» явилась связующим теоретическим звеном между книгой «Материализм и эмпириокритицизм» (1909) и его исследованиями материалистической диалектики в середине второго десятилетия XX в. Статья «Карл Маркс» резюмирует и развивает далее часть содержания ленинских «Философских тетрадей».

*Место
«Философских
тетрадей»
в истории
марксистской
мысли*

«Философские тетради» составляют наряду с «Материализмом и эмпириокритицизмом» главный корпус философских трудов В. И. Ленина.

Вначале их содержание было опубликовано в 1929—1930 гг. в IX и XII

Ленинских сборниках, затем они несколько раз издавались отдельной книгой, после чего в качестве 38-го тома вошли в 4-е издание Сочинений В. И. Ленина. В том виде, в каком они предстают перед нами в последнем своем издании в рамках Полного собрания сочинений В. И. Ленина, образуя 29-й том, «Философские тетради» включают в себя не только конспекты книг по философии и естествознанию с пометками и замечаниями разнообразного теоретического и методологического характера, но и ряд отдельных самостоятельных теоретических фрагментов, появившихся в процессе размышления над прочитанным.

Ядром содержания «Философских тетрадей» в современном их виде являются те выписки и конспекты В. И. Ленина, которые наиболее тесно тематически связаны друг с другом. Они примыкают друг к другу по времени их написания, относясь к двум первым годам первой мировой войны, а также по общему характеру изучавшейся в то время Лениным литературы. Это конспекты «Науки логики» и «Лекций по истории филосо-

фии» Гегеля, книги Фейербаха о Лейбнице. Философские выписки и заметки 1914—1915 гг. занимают восемь тетрадей, названных Лениным так: «Тетрадки по философии. Гегель, Фейербах и разное». Ленин начал работать над ними осенью 1914 г. в Швейцарии в библиотеке города Берна. Сначала он перечитывал Гегеля и Фейербаха и знакомился с новой философской литературой в связи с подготовкой обобщающей статьи «Карл Маркс» для энциклопедии «Гранат», но затем продолжил эту работу в качестве уже совершенно самостоятельной задачи¹. Конспект книги Фейербаха «О сущности религии» был написан Лениным, по-видимому, раньше, в 1909 г., когда он находился в Париже, и он занимает особую несброшюрованную тетрадь. В состав первой из восьми основных тетрадей входит конспект книги Фейербаха «Изложение, анализ и критика философии Лейбница». Восьмая тетрадь заканчивается знаменитым фрагментом «К вопросу о диалектике» и сжатым конспектом «Метафизики» Аристотеля, относящимся по времени написания к 1915 г.

По своему содержанию, структуре и форме «Философские тетради», разумеется, не являются завершенным, литературно обработанным сочинением. Это заметки и пометки как отправные пункты для дальнейшего теоретического анализа и обобщений и, видимо, для написания в будущем специальной работы по диалектике. Здесь мы находим много важных принципиальных оценок, а также ряд существенных выводов. Некоторые фрагменты представляют собой относительно завершенную, хотя и сжато изложенную совокупность мыслей. Естественно, что многие положения выражены здесь в тезисном виде, иногда намечены лишь основные контуры и общее направление мысли. Более подробное изложение достигнутых результатов содержится прежде всего в известном фрагменте «К вопросу о диалектике» (см. 29, 316—322), представляющем собой итог ранее проделанной огромной мыслительной работы, предварительные этапы которой в «Философских тетрадях» не зафиксированы. Как итоговый можно охарактеризовать и фрагмент об «элементах диалектики» (см. 29, 202—203). Это следует сказать и о некоторых других фрагментах, содержащихся, например, в конспекте книги Ф. Лассалья о Гераклите (см. 29, 305—315).

---

¹ См.: Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., 1972, с. 253.

Многие заметки В. И. Ленина носят более предварительный характер. Это относится и к тем дополнительным материалам, которые в интересах полноты включены Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС в «Философские тетради» в современном их виде, т. е. в содержание 29-го тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина. Это конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство», философские заметки и выписки на отдельных листах или в «Тетрадах по империализму», в тетради по австрийской сельскохозяйственной статистике, а также замечания и пометки на книгах И. Дицгена, Г. В. Плеханова, В. М. Шулятикова, А. Рея, А. М. Деборина и Ю. М. Стеклова, прочитанных Лениным в 1908—1911 гг. Несмотря на краткость этих замечаний и пометок, они представляют большой теоретический интерес.

Ценность этих заметок в методологическом отношении состоит в фиксации творческого отклика В. И. Ленина на широкий круг проштудированных им источников, что определялось его пониманием марксизма как обширной «системы взглядов» (см. 26, 50). Вообще содержание «Философских тетрадей» доносит до нас ленинскую реакцию на громадный материал, прежде всего из области истории философии, начиная от древнегреческих мыслителей-досократиков и кончая Гегелем и Фейербахом, а далее вплоть до западноевропейских философов начала XX в. Здесь мы обнаруживаем колоссальное богатство идей по проблемам диалектики, материалистическому пониманию истории, философским вопросам естествознания, по критическому анализу истории философии, современной буржуазной философии и по общим закономерностям историко-философского процесса.

Первой по времени возникновения частью «Философских тетрадей» является конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство» (1895 г.), проливающий свет на понимание Лениным сущности философской эволюции взглядов Маркса и Энгельса и на его взгляды на проблему теоретических истоков народнической идеологии. Некоторые материалы «Философских тетрадей», относящиеся к периоду 1908—1909 гг., связаны с работой Ленина над книгой «Материализм и эмпириокритицизм». Это пометки на полях книг И. Дицгена и А. Рея и конспект «Лекций о сущности религии» Л. Фейербаха.

Буржуазные марксологи и ревизионисты по сей день стараются противопоставить «Философские тетради» «Анти-Дюрингу» и «Материализму и эмпириокритицизму». Р. Гароди распространял миф о том, что до «Философских тетрадей» у Ленина был «догегелевский» и даже «додialeктический» период его теоретического развития, а начиная с них «послегегелевский». Это противопоставление наиболее часто конструируется в рамках более общей ложной схемы «двух путей» эволюции марксизма — одного будто бы фаталистически-онтологического, выраженного в сочинениях Энгельса и в «Материализме и эмпириокритицизме», а другого — активистски субъективного, опирающегося на гегелевскую диалектику и начинающегося с «Философских тетрадей», в которых, впрочем, перебрасывается мостик к некоторым ранним работам Маркса. Нет ничего более далекого от истины, чем эта пародия на действительную историю создания философских трудов Ленина и их внутреннюю связь друг с другом. Однако подобную фальшивую версию упорно распространяют буржуазные марксологи и ревизионисты вроде Л. Колаковского, автора пресловутых «Основных течений марксизма» (1978).

В противоположность этой ложной схеме, подлинное место «Философских тетрадей» в истории марксизма определяется тем, что это произведение — вершина в теоретических исследованиях В. И. Лениным материалистической диалектики. «Философские тетради» тесно примыкают к работе «Материализм и эмпириокритицизм», развивают ее идеи и дополняют их многими новыми положениями. Это прежде всего касается вопросов диалектики объекта и субъекта, понятий причинности и истины, рассмотрения кризисных явлений в естествознании и краха метафизического метода познания, а также классовых и гносеологических корней идеализма, роли абстракций в познании и других. Налицо тесная внутренняя связь «Философских тетрадей» и с последующими ленинскими произведениями. В последней собственно философской работе Ленина «О значении воинствующего материализма» (1922) подчеркнута необходимость активной разработки материалистической теории и дальнейшего критического изучения диалектики Гегеля для развития метода и теории научного познания, для критики идеализма и религии. Идеи «Материализма и эмпириокритицизма» и «Философских тет-

радей» синтезированы в этой работе в единое ленинское теоретическое завещание.

В «Философских тетрадах» материалистическая диалектика развивается всесторонне как общая теория развития, метод и мировоззрение. Продолжая идеи «Тезисов о Фейербахе» К. Маркса, В. И. Ленин подчеркивает и развивает идею активности субъекта, его практики и мышления, субъективного фактора вообще. Внутренняя связь между этими произведениями определяется единым пониманием предмета философии и сущности диалектического материализма как теории и метода, единой *революционно-политической* направленностью мировоззренческого и методологического анализа. Ленин понимает диалектику в единстве ее теории и метода; здесь теория обладает огромной методологической силой, а метод — значительным теоретическим содержанием. В «Философских тетрадах» Ленин значительно углубил понимание диалектических категорий и основных законов диалектики, вскрыл соотношение объективной и субъективной сторон диалектической структуры действительности и ее познания, многостороннее методологическое значение категорий диалектики для социальной практики и для развития наук, в том числе самой философской теории.

*Идеологическая
обстановка
и мотивы
создания
«Философских
тетрадей»*

Время основной работы В. И. Ленина над материалами, образующими главное содержание «Философских тетрадей», падает на бурный и переломный период в истории Европейского континента 1914—1916 гг. Центром теоретических размышлений Ленина, составивших дальнейший шаг вперед по сравнению с «Материализмом и эмпириокритицизмом», являлись сделанные им подробные конспекты таких произведений Гегеля, как «Наука логики» и первая часть «Энциклопедии философских наук», «Лекции по истории философии» и «Лекции по философии истории». Это был существенный прогресс в развитии философии марксизма, состоявший прежде всего в разработке революционной диалектики как теории и метода, в том числе проблемы единства диалектики, логики и теории познания. Разумеется, и в работе «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин также исследовал и развивал диалектику, прежде всего это относится к проблематике диалектики относительной и абсолютной истины, но также и к вопросам о противоре-

циях познания, мировоззрения, идеологической борьбы. Однако в центре внимания Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме» были в первую очередь проблемы материализма и опровержения идеализма, и даже Гегеля он часто (хотя далеко не всегда) затрагивает там не столько как диалектика, сколько как противника материализма, т. е. как объективного идеалиста (см. 18, 358). Ленин отмечает, что Маркс и Энгельс в общем больше сил и внимания отдали разработке диалектики истории и меньше — материализма. Поэтому в своих сочинениях они «больше подчеркивали *диалектический* материализм, чем диалектический *материализм*, больше настаивали на *историческом* материализме, чем на *историческом материализме*» (18, 350). В «Философских тетрадах» проблемы материалистической диалектики — в центре внимания Ленина.

Диалектика как наука отнюдь не исчерпывается признанием развития, но означает его глубокое понимание, умение выразить объективное диалектическое движение и развитие в логике понятий и применить его к собственно логической проблематике (в том числе к вопросам диалектической логики) и к теории познания, а в конечном счете — к практике борьбы общественных классов. «Диалектика *и есть* теория познания (Гегеля и) марксизма...» (29, 321). Этот принципиальный тезис раскрывается и конкретизируется В. И. Лениным путем разработки им элементов, категорий и законов диалектики, выявления их взаимных опосредствований и связей с задачами реальной жизни, всестороннего освещения того факта, что диалектика есть живое учение о развитии «с бездной оттенков», учение о внутренней логике познания этого развития и приложения на практике результатов познания. Кроме того, в «Философских тетрадах» рассматриваются вопросы об отношении бытия и мышления, теории и практики и о предмете философии.

Реальный контекст, мотивы и замысел такой разработки диалектики обнаруживаются, если учесть те исторические условия и потребности, которые возникли перед рабочим движением и его партией ко времени работы В. И. Ленина над «Философскими тетрадами». Мировая империалистическая война, разразившаяся в августе 1914 г. и залившая кровью поля Европы, со всей очевидностью и остротой показала, что эпоха сравнительно «спокойного» социально-политического развития капитализма ушла в прошлое. Сложившийся импе-

риализм в полной мере обнаружил свои хищные нравы, развязав мировую бойню. Усиление накала классовой борьбы в сложных, быстро и неожиданно меняющихся условиях потребовало со стороны пролетарских партий максимальной гибкости в тактике, умения осуществлять самую быструю смену форм борьбы и, следовательно, соответствующей гибкости тактического мышления вождей рабочего класса, диалектически соединенной со строгим соблюдением принципиальной генеральной стратегии борьбы за его коренные интересы.

В этих условиях резко возросло значение проблем субъективной диалектики как орудия политической и идеологической борьбы. Возрастание роли субъективной диалектики отчасти вытекало уже из проблем революции в естествознании и кризиса в философии науки, рассмотренных в работе «Материализм и эмпириокритицизм». Однако новые условия социальной борьбы требовали самой интенсивной разработки диалектики как метода мышления и действия.

Война безжалостно сорвала покровы иллюзий и словесной мишуры с политики буржуазных партий и империалистических клик. Углубив острейшие социальные противоречия, она обнажила тот злокачественный нарыв, который созрел внутри II Интернационала и привел его к распаду и гибели. Лидеры социал-демократических партий ряда стран предали идею пролетарского интернационализма, поставив на его место откровенный национализм и шовинизм. Seriously углубилась язва оппортунизма и ренегатства. Со всей категоричностью встал вопрос о необходимости решительного разрыва рабочих партий с оппортунизмом и со всей прежней окостенелой системой мышления и действия, внедренной в рабочее движение оппортунистами и догматиками II Интернационала. Теоретическим основанием оппортунизма в то время стал ревизионизм, выступавший под флагом верности марксизму, а на деле его извращавший. Методологической основой ревизионизма явилась подмена диалектики софистикой, эклектикой и откровенной метафизикой. Для его преодоления необходимо было прежде всего выявить его методологические и гносеологические корни. Это потребовало глубокого переосмысления истории диалектической мысли и дальнейшего ее развития, применения материалистической диалектики к процессам познания и деятельности, что выливалось в форму конкретных политических решений.

Противоречия между классами в условиях войны сделались еще более острыми и динамичными. В ряде воюющих стран начала складываться революционная ситуация. Выработка стратегии и тактики пролетариата в этих условиях стала неотложной задачей и должна была основываться на теоретическом анализе всей совокупности общественно-политических противоречий и отношений между классами в той новой стадии, в которую вступил капитализм с начала XX в. Требовалось постичь систему отношений империализма и его экономическую сущность, преодолеть узкий горизонт эмпирически констатируемых отдельных черт социально-экономической действительности и построить научную теорию империализма. Для этого необходима была последовательная и всесторонняя разработка диалектики как метода исследования и революционного действия.

Огромная острота практических проблем политики, с которыми столкнулся В. И. Ленин как революционер и теоретик в годы мировой империалистической войны, требовала величайшей ясности и четкости теоретической позиции, последовательного проведения строго научной, диалектико-материалистической точки зрения. Содержание «Философских тетрадей» можно в этой связи в полной мере оценить только в контексте всего комплекса проблем развития ленинизма, а значит, предшествующих и последующих работ Ленина, отразивших его позицию как политического вождя партии рабочего класса.

Эта позиция существенно отличалась от сложившегося среди теоретиков II Интернационала понимания марксизма, которое характеризовалось поверхностным и эклектическим его усвоением. Фактически большинство этих теоретиков усвоили только отдельные положения марксизма, изъятые из его целостной теоретической системы. И в вопросах о соотношении экономической и политической борьбы, о роли объективных и субъективных факторов в социалистической революции, о революционной ситуации, и в национальном вопросе в его соотношении с социальной борьбой, и в определении отношения социал-демократии к войне — всюду сказались шаблонность и метафизичность мышления большинства лидеров II Интернационала. Не случайно с равнодушием, а то и прямо с враждебностью была встречена рядом деятелей II Интернационала диалектика, т. е. сам метод, способ мышления марксизма, его

революционно-критически и практически ориентированное оружие. Пожалуй, с наибольшей откровенностью на этот счет высказался реформист Э. Бернштейн, считавший, что диалектика — «предательница в доктрине Маркса»¹. В статье «Диалектика и развитие» он заявил, что диалектика годится лишь для такой философии, которая признает идеальность пространства и времени. Не понимал огромной роли диалектики в марксизме и К. Каутский. Напротив, Г. В. Плеханов признавал значение диалектики и писал о ней, но именно в годы мировой империалистической войны свойственная ему и прежде некоторая отвлеченность в изложении диалектики превратилась в декларативность, а потом и в забвение подлинного метода марксизма.

В. И. Ленин оказался единственным марксистом-теоретиком, глубоко осознавшим внутреннюю связь решения теоретических вопросов диалектики с коренными практическими задачами революционного преобразования социальной действительности. Он решительно преодолел порочные установки II Интернационала, которые вели к измене марксизму. Органическая связь разработки Лениным теории материалистической диалектики с задачами политической борьбы может быть охарактеризована его собственными словами, относящимися к Марксу: «Основную задачу тактики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического мирозерцания» (26,77). И действительно, соотнесение содержания «Философских тетрадей» с экономическими и политическими работами Ленина, со всей его практической деятельностью показывает внутреннюю связь разработки им проблем диалектики как науки с задачами классовой борьбы, образующими как бы подтекст движения его теоретической мысли. Мы остро чувствуем здесь живое биение пульса революционного времени и воинствующую коммунистическую партийность Ленина, постоянную нацеленность строго объективного теоретического анализа на обоснование, защиту и реализацию классовых интересов эксплуатируемых и угнетенных, на борьбу против империалистической войны, за социалистическую революцию. Материалистическая диалектика разрабатывалась в «Философских тетрадях» поистине как «алгебра революции».

---

¹ Бернштейн Э. Социальные проблемы. М., 1901, с. 47.

ДИАЛЕКТИКА КАК ВСЕОБЩИЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ

*О «тождестве»
диалектики,
логики и теории
познания*

Как видно из статьи «Карл Маркс», В. И. Ленин рассматривает диалектику прежде всего как объективную диалектику «внешнего мира» и уже на этой основе как диалектику процесса познания. Главным теоретическим достижением «Философских тетрадей» является разработка Лениным материалистической диалектики как философской науки в смысле общего учения о связях, взаимопереходах и развитии во всем богатстве ее законов и категорий, обеспечивающих теоретическое отражение объективных закономерностей природного и общественного исторического процесса. Ленин предостерегает от сведения диалектики к «сумме примеров» (см. 29, 316), поскольку это привело бы к исключению категории «особенного», указывающей на своеобразии применения и действия диалектики в различных областях действительности, к превращению в конце концов общих законов диалектики в схематичные, неподвижные шаблоны. Что касается русских махистов, то они либо вообще отвергали диалектику, либо преуменьшали ее роль. А. А. Богданов утверждал, что «диалектика есть организационный процесс, идущий путем борьбы противоположностей. Как только мы это констатировали, становится ясно, что диалектика вовсе не есть нечто универсальное, что она не может стать всеобщим методом познания. Она — частный случай организационных процессов, которые могут идти также иными путями»¹.

Согласно В. И. Ленину, сущность диалектики как метода познания и революционного преобразования действительности обнаруживается в том, что она дает средства для понимания развития в его конкретной противоречивости, всесторонности и разнообразии; присущая всему объективному миру диалектика специфична.

¹ Богданов А. Философия живого опыта. Популярные очерки. Пг.— М., (1923), с. 261.

чески проявляется в практической и познавательной деятельности людей и может быть использована как ориентир этой деятельности. Диалектика для Ленина есть всеобщая теория развития, логика, теория познания и метод в их единстве, причем само это единство подчинено диалектическим закономерностям. Смысл этого положения заключается прежде всего в преодолении обособления учения о бытии от учения о познании и логике, в утверждении диалектики как *единой* философской науки, изучающей выявленную в ходе исторического развития знания объективную диалектику вещей, которая в ее отраженном, особенном виде составляет содержание логики мышления; смысл данного положения состоит также в указании на диалектическое «тождество», а значит, на единство (предполагающее и некоторые различия) диалектики, теории познания и логики.

Оба момента ленинского положения реализуются через определенное введение отражаемого содержания в логику в широком смысле, после чего ее предметом становятся законы движения вещей, их внутренняя «логика». Коль скоро природа диалектична, то таковой же должна быть и отражающая ее посредством практики логика человеческого мышления. В. И. Ленин отмечал гениальность идеи Гегеля об универсальной, всесторонней связи, отражаемой, добавляет Ленин, в понятиях человека, которые должны быть соответственно гибки, подвижны и взаимосвязаны. «Гегель гениально *угадал* диалектику вещей (явлений, мира, *природы*) в диалектике понятий... Отношения (= переходы = противоречия) понятий = главное содержание логики, **причем** эти понятия (и их отношения, переходы, противоречия) показаны как отражения объективного мира» (29, 178).

Но если диалектика мышления не представляет по своему содержанию чего-то в принципе отличного от объективной диалектики, то теоретическое отражение диалектики реального мира и общие законы логики и теории познания этого мира в самом основном не отличаются друг от друга. Это, однако, не означает полного их совпадения, на чем настаивал Гегель как объективный идеалист. Противопоставляя его взглядам материалистическую позицию, Ленин предупреждает: «Логiku Гегеля *нельзя применять* в данном ее виде; *нельзя брать* как данное. Из нее *надо выбрать* логические

(гносеологические) оттенки, очистив от *Ideenmystik* (мистики идей.— *Ред.*): это еще большая работа...» (29, 238). В собственно философском плане Ленин уже в книге «Материализм и эмпириокритицизм» подверг критике отождествление бытия и ощущений, бытия и мышления о бытии, учитывая при этом проведенное Энгельсом относительное различие между объективной и субъективной диалектикой. Как известно, Энгельс отличал диалектику объективного мира от диалектики, свойственной человеческому познанию, которая представляет собой относительно правильное и исторически развивающееся отражение объективной диалектики вещей; отражение это не бывает абсолютно свободно от субъективности, что касается как содержания, так и форм познания и мышления. Данное соображение Энгельса явилось предпосылкой для выдвинутого и развитого Лениным важного тезиса о диалектическом «совпадении» («тождестве») диалектики, логики и теории познания.

Проблема «тождества» (единства) диалектики, логики и теории познания — относительно самостоятельная проблема, но она обладает важным мировоззренческим содержанием. От характера ее решения зависит понимание ряда теоретических и практических вопросов — о структуре диалектики как науки, о составе и направлении развития материалистической гносеологии, о соотношении диалектической и формальной логики и др.

Вот знаменитое высказывание В. И. Ленина, сделанное им в связи с сопоставлением гегелевской диалектики с идеями «Капитала» Маркса: «В «Капитале» применена к одной науке логика, диалектика и теория познания [не надо 3-х слов: это одно и то же] материализма...» (29, 301). Советские философы создали по этому вопросу обширную литературу. В работах на эту тему выявляются различные оттенки «тождества» данных трех наук, что определяется богатством содержания «тождества» в его диалектическом значении. Сложность проблемы интерпретации ленинского высказывания связана с тем, что следует со всей полнотой вскрыть смысл выражения «не надо 3-х слов: это одно и то же» и вместе с тем четко отмежевать диалектико-материалистическую позицию от гегелевской, в которой имеет место «идеалистическая неясность и недоговоренность» (29, 156). Из анализа всей литературы вопроса выте-

кает следующая обобщенная интерпретация исходного смысла данного методологического положения.

Отмечая что «не надо 3-х слов...», В. И. Ленин имел в виду прежде всего некоторое тождество трех названных наук. При этом подразумевается тождество определенным образом уточненных по содержанию, а потому подвергнутых ограничению трех наук. Это тождество — не гегелевское идеалистическое и не наивно-реалистическое.

Обратимся к ленинскому фрагменту о шестнадцати «элементах» диалектики. Из анализа этих «элементов» видно, что в них, в частности, идет речь о диалектической логике, которая по своему содержанию как теория есть то, что Ф. Энгельс называл «субъективной диалектикой», т. е. это наука о диалектических закономерностях теоретического познания, развивающегося в категориях абстрактного и конкретного, логического и исторического, явления и сущности, анализа и синтеза и др. В. И. Ленин называет это просто «диалектикой познания» (29, 252) в отличие от того, что есть «диалектика самих вещей, самой природы, самого хода событий» (29, 100). В результате обрисовывается тождество по предмету трех наук: 1) диалектической логики, 2) субъективной диалектики как теории собственно диалектических форм содержательного мышления и 3) учения о диалектике процессов рационального познания. А это действительно та же самая, только по-разному называемая наука, «это одно и то же». Данному пониманию соответствует замечание Ленина, что «логика совпадает с теорией познания», а сама логика рассматривает «соответствие с истиной» (29, 156), т. е. вопрос об истине как глубоко содержательный.

Однако В. И. Ленин, говоря о том, что все это «одно и то же», подразумевал, очевидно, не только совпадение трех наук, не просто формально-логическое тождество, а тождество с различием. Ленин не раз напоминал о том, что «всему познанию человека вообще свойственна диалектика» (29, 321; см. 29, 179). Гносеологическое тождество трех наук носит именно диалектический характер, а следовательно, оно имеет в себе черты и абсолютности, и относительности; это есть тождество подвижное, динамическое, противоречивое, многостороннее и в процессе отражения действительности развивающееся. Ленин заметил, что в проблеме диалектической противоречивости «различие терминов тождество

и единство... не особенно существенно. В известном смысле оба верны...» (29, 316—317)¹.

Такому подходу соответствует трактовка трех наук — диалектики, логики и теории познания — уже в полном объеме содержания каждой из них, чему отвечает теперь лишь частичное совпадение их содержания. Здесь под «диалектикой» следует понимать уже материалистическую диалектику в целом, в основе которой находятся диалектика природы и общества и субъективная диалектика в широком ее понимании.

В. И. Ленин не проводит специального разграничения между «слоями» диалектики, но если сопоставить все ленинские высказывания об объективной и субъективной диалектике, то увидим, что эти термины употребляются в нескольких значениях (см. 29, 98, 179, 207, 227). Под объективной диалектикой принимается: 1) диалектика самих вещей, объективной, в том числе социальной, действительности; 2) свойственная всему человеческому знанию диалектика, более или менее правильно отражающая диалектику вещей; 3) научно-философское учение о диалектике объективного мира, общая теория развития. Под субъективной диалектикой понимается: 1) отражение в сознании объективной диалектики внешнего мира; 2) диалектика процесса познания, т. е. отражения; 3) теоретическое учение о диалектике процесса отражения; 4) диалектика социально-политической и идеологической деятельности людей. Как видим, некоторые значения объективной и субъективной диалектики совпадают. Дело в том, что по форме вся научная материалистическая диалектика «субъективна», т. е. она является отражением процессов развития действительности. В термин «субъективная диалектика» может быть вложен и отрицательный смысл, если ее понимать как диалектику, присущую лишь произвольному движению мысли, как «игру» понятий, отнюдь не отражающую внутренних связей объективного процесса. В «Философских тетрадах» Ленин не раз подчеркивает, что такая субъективная диалектика не имеет ничего общего с марксистской диалектикой и не может быть логикой познания диалектики объективного мира; такая субъективная диалектика является «внешней» и «пустой» (29, 234, 252—253).

---

¹ Заслуживает внимания характерный пример диалектического содержания формулы «одно и то же» (см. 18, 132).

Проблема диалектического единства, а в идеале — полного, абсолютного (практически никогда не достижимого) тождества по содержанию объективной и субъективной диалектики возникает как проблема конкретной разработки теории познания и диалектической логики мышления как науки; эта проблема все время воспроизводится как реальная задача в развитии всех частных наук.

Есть диалектический «всеобщий принцип развития» (29, 229), но есть и вопрос, как именно его следует осмыслить в связи с принципом единства мира. В XX в. трудно просто отвергать принцип развития, с ним «согласны все» (29, 229), даже противники диалектики, но согласие с принципом развития, отрицающее необходимость его теоретического выражения в диалектических понятиях, В. И. Ленин считает согласием поверхностным, метафизическим, опошляющим и омертвляющим истину, ибо оно так или иначе связано с отрицанием диалектического характера самого развития. Необходима реализация принципа развития в диалектической логике понятий. Если мышление в основной тенденции верно отражает бытие, то должна существовать и диалектика отражения, имеющая в основе своей объективное значение. Ленин указывает, что диалектика марксизма как теория есть и учение о взаимосвязях всех вещей и процессов, и учение о том, при каких условиях единые противоположности превращаются друг в друга, и учение о развитии в наиболее полном, свободном от односторонности виде, с бездной оттенков. И как следствие марксистская диалектика есть также и диалектическая логика, и теория научного познания вещей в их противоречивых взаимосвязях, самодвижении и развитии (см. 29, 98, 203, 227, 245).

Следовательно, в вопросе о «совпадении» диалектика берется В. И. Лениным также в полноте своего содержания. Но это имеет место и в отношении теории познания, и в отношении диалектической логики. Иными словами, диалектика понимается Лениным как единство объективной и субъективной диалектики на основе первой из них, логика — как вся диалектическая логика, относительно сращенная с «логикой вещей», т. е. «логикой» объективной диалектики. Дело в том, что, понимая диалектическую логику как науку о диалектических формах и законах познающего мышления, определяемых в конечном счете объективной реальностью,

Ленин признавал тем самым включение в состав диалектической логики тех наиболее общих диалектических законов развития бытия, которыми она сама должна руководствоваться.

Отражая диалектику объективного мира в логике понятий и раскрывая в этой логике процесс самого отражения объективной диалектики, марксистская диалектика выступает как систематическое единство принципов мировоззрения и всеобщего метода познания. Общая теория развития пронизана диалектической логикой, по законам которой она строится, и содержит в себе предпосылки к пониманию всей сложности и противоречивости познания мира в силу его (мира) диалектической природы, а диалектическая логика содержит в себе мировоззренческие принципы, на которые она опирается. Применение диалектики как метода исследования основано на том, что ее общие законы представляют собой аналог и способ познания действительности, а значит, на «живом» единстве ее объективно-диалектических, гносеологических и диалектико-логических моментов.

Что касается теории познания, то она берется В. И. Лениным как учение и о практике в ее гносеологическом применении, и о чувственном и рациональном познании в их единстве. В результате намечается неисчерпаемая диалектика соотношения трех наук и процесса исторического их взаимодействия в ходе все более адекватного отражения ими с различных сторон единого материального мира. Следовательно, имеет место диалектическое единство трех наук, постепенно развивающееся в сторону все большего, хотя никогда окончательно не достигаемого, совпадения. «Человек не может охватить=отразить=отобразить природы *всей*, полностью, ее «непосредственной цельности», он может лишь *вечно* приближаться к этому...» (29, 164).

В рамках марксистской классификации философских наук диалектическая логика есть часть диалектики в широком смысле слова, а по своему источнику — результат долгого процесса отражения объективной диалектики; с другой стороны, диалектическая логика — не просто «часть» теории познания, но ее ядро, основное содержание. «Логика есть учение о познании. Есть теория познания» (29, 163). Всюду в теории познания господствуют диалектические связи и взаимодействия. По словам В. И. Ленина, диалектика и есть теория

познания марксизма (см. 29, 321). Это «есть» обладает диалектическим, а не формально-логическим значением. Поэтому диалектика (диалектическая логика), писал В. И. Ленин в статье «Карл Маркс», в то же время «включает в себя» теорию познания (см. 26, 54—55).

Итак, это «есть» не является абсолютным тождеством: ведь диалектика охватывает не только теоретико-познавательные вопросы; с другой стороны, диалектика есть всюду, в любых структурах и отношениях, но это не значит, что содержание любой структуры и отношения нацело сводится к их собственно диалектической характеристике. Если бы это было так, то кроме диалектики люди не нуждались бы ни в каких других науках. Когда В. И. Ленин пишет, что история познания, история «отдельных наук» и «вся область знания» вообще есть то, из чего «должна сложиться теория познания и диалектика» (29, 314), он, конечно, имеет в виду не тождество содержания наук, составляющих «всю область знания», с содержанием науки диалектики, но ту сферу познания, из которой черпает и в которой вскрывает диалектические закономерности наука диалектики.

По мере развития объектов философы все более глубоко познают их диалектику, которая затем преобразуется в диалектические законы познания. Поэтому диалектическая логика есть «вывод *истории* познания мира» (29, 84). Эту мысль высказывали и Гегель, и Маркс, но исходя из принципиально различных позиций. Ленин, следуя Марксу, исходит из того, что объективная диалектика никогда не может быть исчерпана субъективной. Существует тенденция к их взаимослиянию, но она, как уже отмечалось, никогда не реализуется до конца. С другой стороны, в субъективной диалектике есть также и специфическое, т. е. особенное, содержание, проистекающее из творческой активности субъекта и специфики практики.

Что касается формальной логики, то не может быть и речи о совпадении ее с диалектической логикой или о представительстве ею всей логической проблематики. Тем более она не может претендовать на разрешение ею в своей собственной сфере проблем гносеологических, хотя несомненно, что в структурах формальной логики (уже в традиционных силлогизмах) отражается структура практической деятельности людей, а через нее и «самые обычные отношения вещей» (29, 159;

см. 29, 162, 172, 198), которые как бы «пересаживаются» в человеческую голову в виде правил, схем, фигур логики. Таким образом, отношения вещей косвенно отражаются в логических законах и связях. Так, принадлежность признака предмету отображается в субъектно-предикатной структуре суждений традиционной логики, а цепочки каузальных, причинно-следственных взаимодействий находят свое косвенное отражение в структурах умозаключений. Существенное отличие имеет в этой связи вопрос об отражении в структурах формальной логики объективных диалектических противоречий: они отображаются в таких структурах очень огрубленно, давая этим нередко повод к ложной подмене диалектических противоречий формально-логическими.

В. И. Ленин четко отличал формальную логику от теории познания. На полях своего конспекта книги Плеханова о Чернышевском Ленин по поводу того, что Плеханов квалифицировал отрицание Юркевичем объективности процесса перехода количественных изменений в качественные как логическую ошибку, заметил: «...не логическая, а гносеологическая» (29, 545).

Таким образом, мысль В. И. Ленина о том, что логика, диалектика и теория познания — «это одно и то же», обладает огромным и многоплановым содержанием. Главное содержание этой мысли состоит в указании на диалектически развивающееся, но никогда полностью не завершающееся совпадение все более полного содержания наук объективной диалектики, диалектической логики и теории познания в ходе всемирно-исторического развития человеческого познания и практики.

Совпадение логики, диалектики и теории познания есть процесс их диалектического слияния. В нем проявляется принципиальное отличие философии марксизма как от прежних, традиционных систем, так и от новейшей буржуазной философии. Гегель отстаивал понимание философии как науки наук; он идеалистически растворил бытие в мышлении, отождествив их, а онтологию как учение о всеобщей и подлинной сущности всего сущего растворил в логике. В. И. Ленин вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом утверждает, что марксистская философия как мировоззренческая и методологическая дисциплина отнюдь не подменяет собой остальных наук. Материалистическая диалектика есть прежде всего теория развития вообще, а значит, теория объективной диалектики; вместе с тем она есть теория

развития объективного знания, учение о диалектическом процессе развития познающего мышления. В замечаниях на книгу Лассалья о Гераклите Ленин подчеркивает, что гегелевское отождествление бытия и мышления несостоятельно, но так же несостоятельно, отмечает он в конспекте книги Фейербаха о Лейбнице и в конспектах из Гегеля, кантианское взаимопротивопоставление мышления и бытия. Неверно как метафизическое, хотя и идущее от диалектика Гегеля, отождествление законов движения материи с законами познания (а значит, абсолютное отождествление гносеологии и онтологии), так и метафизическое, идущее от Канта, противопоставление законов познания законам объективного мира, полное отграничение и изоляция логики и гносеологии от учения о бытии, разрыв между гносеологией и онтологией.

Развитие вещей и развитие познания — это не два параллельных, почти одинаковых ряда и не просто один и тот же ряд, второй из этих рядов является отражением первого, но отражением неполным и противоречивым, все более совершенствующимся и никогда не абсолютным. «Диалектика *вещей* создает диалектику *идей*, а не наоборот» (29, 178). Однако имеющее свои границы «различие субъективного от объективного есть...» (29, 90). Невозможно построить эффективную теорию познания вне изучения исторически происходящего реального процесса познания во всей его сложности, и для ее построения предстоит еще многое сделать (см. 29, 314). А вопрос о единстве и относительном совпадении истории познания с логикой познающего мышления является продолжением вопроса о единстве логики, диалектики и теории познания (см. 29, 298).

*Творческий
характер
познания
как процесса
отражения*

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин продолжил исследование основных проблем теории отражения, обсуждавшихся в работе «Материализм и эмпириокритицизм», на основе материалов истории философской мысли и специальных наук. Ленин особенно подчеркивает здесь *диалектичность* отражения (см. 29, 177). Замечания Ленина по данной проблематике трактуют такие вопросы, как выделение черт и закономерностей, присущих различным видам и уровням отражения, анализ элементарных его форм, их взаимосвязи и переход к более развитым формам, их эволюция, а также черты, общие формам собственно познавательной деятельности.

По поводу рассуждений Чернышевского о том, что различие между качеством, или способностью к ощущению и мышлению, и физическими качествами живого организма «безмерно велико», Ленин заметил: «...не безмерно (хотя мы еще не знаем этой «меры»)» (29, 543). Иными словами, соизмеримость психических функций и физических свойств организма есть, и у нее есть объективная основа. А различие между этими функциями и свойствами связано с тем, что психические свойства и функции суть продукты значительно более высокого уровня и качественно особого типа организации материи. С современной точки зрения этот уровень организации квалифицируется как развитая самоорганизация, которая реализует функции саморегулирования, самоуправления, самообучения, самоприспособления, самовоспроизведения и саморазвития в ходе взаимодействия живых систем со средой. Таким образом, ленинская идея о связи принципа материального единства мира и свойства отражения находит свое подтверждение и конкретизацию в современной науке.

Если в книге «Материализм и эмпириокритицизм» акцент был сделан на анализе продуктов психического отражения, их гносеологических и онтологических характеристик, то в «Философских тетрадах» главное внимание обращено на диалектику процесса познавательного отражения. Сюда относится сравнительный анализ чувственных и рациональных форм познания и переход от первых ко вторым, особенно вопросы диалектики теоретического познания как достижения объективно-сущностного знания о мире, а также вопросы о связи практики и познания, отражения и творчества — все это раскрывает активный характер познания, углубляет понимание диалектики субъективного и объективного.

По поводу гегелевских «Лекций по истории философии» В. И. Ленин делает следующее замечание: «Диалектичен не только переход от материи к сознанию, но и от ощущения к мысли etc.» (29, 256). Тем самым перед учеными, и в частности философами, ставятся две фундаментальные, тесно связанные друг с другом проблемы для дальнейшего исследования.

Принцип отражения требует использования гибких и богатых по содержанию понятий. Но эти диалектические черты понятий зависят от типа их общности и примененных при их образовании способов обобщения и абстрагирования. В. И. Лениным были указаны несколько

таких способов, например, через контрастное сопоставление противоположностей, которое применено им при определении понятия материи, и др. Выделяя «рациональное зерно» в учении Гегеля о понятии, Ленин обращает внимание на тип абстрагирования и обобщения, который ведет к углублению отражения сущностных связей мира. Он выступает против «пустых, безжизненных абстракций» (29, 97), «незначимых обобщений», «застывших понятий и категорий» и выделяет мысль Гегеля о том, что итоги познавательной деятельности должны резюмироваться в таких общих понятиях, которые воплощают в себе «все богатство особого и отдельного!» (29, 90).

Действительно, такие понятия необходимы в любой развитой науке. Это — синтетически-общие, или так называемые конкретные, понятия, которые включают в себя не только подчиненные, но и соподчиненные понятия (признаки), образующие иерархически разветвленные «деревья» (графы) признаков. Тем самым общие понятия такого рода включают в себя богатство особенного, отличаясь от абстрактных аналитически-общих понятий, отвлеченных от своих видов и разновидностей. Наиболее фундаментальные понятия в науке проходят путь развития от аналитически-общих к синтетически-общим понятиям. Таков путь понятий числа, симметрии, химического элемента, наименьшего действия, капитала, социалистической революции и др. Например, понятие капитала, к которому приходит К. Маркс в результате своего исследования, является синтетически-общим; оно включает в себя многие понятия и законы, ранее разработанные Марксом, в частности закон (и понятие) всеобщего капиталистического накопления. Капитализм в итоге получает подлинно научное отражение в конкретно-развитой теории. Этот пример имеет принципиальное значение: он показывает органическую связь ленинских взглядов на содержательные абстракции с той концепцией восхождения от абстрактного к конкретному, которая была развита в «Капитале» Маркса.

В «Философских тетрадах» В. И. Ленин отводит много места вопросам отношения между активной отражательной деятельностью человека и собственно творческим ее измерением. Это — важная составная часть диалектики субъекта и объекта. Указывая на слабости метафизического материализма, Ленин отмечал, что его «основная беда» — «неумение применить диалекти-

ки к Bildertheorie (теория отражения.— *Ред.*), к процессу и развитию познания» (29, 322). Существенная особенность диалектики познания состоит в активности познавательной деятельности и самого субъекта познания. Именно этого не смогли объяснить ни метафизические материалисты, ни идеалисты, а тем более агностики. Вопрос в количественном и качественном диапазоне этой активности. «*Отражение природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», не без движения, не без противоречий*», — подчеркивал Ленин, — а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их» (29, 177). Здесь возникает вопрос: включает ли в себя противоречивая активность отражающего субъекта конструктивные, творческие и даже фантазийные элементы, или же она лишь дополняется ими, а может быть, им противоречит?

В конспекте книги Аристотеля «Метафизика» В. И. Ленин сделал следующее замечание: «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (=понятия) с нее *не есть* простой, непосредственный, зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагообразный, *включающий в себя* возможность отлета фантазии от жизни; мало того: возможность *превращения* (и притом незаметного, несознаваемого человеком превращения) абстрактного понятия, идеи в *фантазию* (in letzter Instanz (в последнем счете.— *Ред.*)=бога). Ибо в самом простом обобщении, в элементарнейшей общей идее («стол» вообще) *есть* известный кусочек **фантазии**. (Vice versa (Наоборот.— *Ред.*): нелепо отрицать роль фантазии и в самой строгой науке: ср. Писарев о мечте полезной, как толчке к работе, и о мечтательности пустой)» (29, 330).

Перед нами — замечательная характеристика диалектических черт отражения. Здесь важно обратить внимание на сочетание терминов: с одной стороны, образование понятия есть «снятие слепка»; с другой стороны, В. И. Ленин пишет о том, что этот процесс отнюдь не похож на метафизический акт. Это еще раз говорит о том, что Ленин (вопреки ревизионистским интерпретациям) употреблял слова «копирование», «снятие слепка» и т. п. не в буквальном смысле, а как метафоры, усиливающие мысль о принципиальном гносеологическом сходстве образа и предмета, об объективности и достоверности отображения. Далее. Подчеркивая роль фантазии в теоретическом мышлении, начиная от исход-

ных его форм, Ленин характеризует само отражение как творческий, конструктивный процесс. Современной наукой о психологии творчества показано, что без участия фантазии невозможна ни постановка новых проблем, ни новая «редакция» старых проблем, невозможен сам поиск идей, создание гипотез, возможностей и путей исследования и практической деятельности, невозможна никакая новая (так или иначе нацеленная на практику) интерпретация уже полученных решений, систем. Моделирование процессов мышления в кибернетике подтвердило мнение психологов о том, что в решении творческих задач ведущая роль среди творческих (а значит, неформализуемых) компонентов мыслительной деятельности принадлежит более или менее спонтанной фантазии. Последняя возникает так или иначе на базе прошлого познавательного опыта; она вплетена в общий процесс отражения и стимулируется именно его успехами.

Ради достижения объективных результатов в научном отражении фантазия субъекта находит свое выражение в том, что он создает идеализации и абстрактные объекты, вводит вспомогательные понятия, осуществляет различные условные интерпретации мысленных, условно же введенных «объектов». Все эти процедуры «удаляют» субъекта от эмпирически данной действительности, «уводят» его в мир, который не имеет прямых аналогов во внешнем мире. Таковы, например, процедуры введения отрицательной вероятности, не имеющей физической интерпретации в квантовой физике; условная интерпретация жестко детерминированных систем как случайных, для того чтобы можно было более широко применять вероятностные методы (например, метод статистических испытаний), и т. д. Но затем вспомогательные «фиктивные члены» в уравнениях исключаются, и результаты решений получают в конце концов собственно объективную («материальную») интерпретацию, чем и достигается цель «выхода на практику». Таким образом, первоначальное и, казалось бы, «чрезмерное» вмешательство субъекта в отображение объекта устраняется в конечных продуктах познания, и реализация принципа отражения, т. е. соответствие результатов познания действительности, обретается не непосредственно, а опосредствованным, но более эффективным путем.

Следовательно, процесс познания объекта как отражения его сущности все более высокого (глубокого) порядка обладает активным, творческим характером. Но

этим понимание творческой сущности отражения не исчерпывается.

Новизна результатов творческого мышления состоит и в том, что субъект не только отражает мир все более полно, всесторонне, но и способен конструировать то, что еще не имело место в действительности. Таково создание новых материалов, архитектурных форм и сооружений, технических устройств, выведение новых сортов растений и видов животных, изменение ландшафта, климата и т. п.

Эти конструктивные новообразования создаются в соответствии с потребностями, целями и критериями качества, т. е. с заранее заданными свойствами. Но, во-первых, они, будучи продуктами творческого мышления в процессах проектирования, прогнозирования и планирования, основаны в конечном счете на отражении закономерностей внешнего мира, т. е. на использовании прошлого опыта субъекта, позволяющего предвидеть опыт будущего. А во-вторых, творческая «добавка», будучи отчасти плодом таких конструктивных процессов воображения и фантазии в сфере научного, технического и художественного мышления, не есть плод абсолютной его независимости. Теоретическое и художественно-образное мышление человека действительно способно создавать «заделы», как это, например, имеет место в построении возможных исчислений и систем неклассической логики. Но общественная материальная практика производит в дальнейшем «отсев» многих таких конструкций, сохраняя и внедряя в жизнь только те из них, которые смогли «ухватить» реальные связи действительности, прежде только смутно предполагавшиеся, и в этом смысле отразить их. Здесь налицо некоторая аналогия с ролью теоретических гипотез в науке.

Сказанное ранее о конструктивном характере творческого мышления и его воплощении в практической деятельности было выражено В. И. Лениным в лаконичной форме: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» (29, 194). Из этого высказывания следует, что творческое и вообще практическое отношение человека к миру представляет собой продолжение отражения, его развитие и реализацию его наиболее глубоких и фундаментальных результатов. Высшим выражением конструктивно-творческого отношения субъекта к миру является воплощение его знаний и основанных на них идеальных мысленных планов

в конкретно-предметном преобразовании и создании новых вещей. Иначе говоря, «мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» (29, 195), рассчитывая на то, что это действие будет эффективным. Таким образом, «творит» не чистое сознание, а человек, сознательно оценивающий обстановку и, практически реализуя свои творческие планы, созданные с учетом возможностей обстановки, переделывающий ее. Поэтому Ленин и считал, что «мысль о превращении идеального в реальное *глубока...*» (29, 104).

Многочисленные попытки ревизионистов и «неомарксистов» противопоставить ленинские положения об отражении действительности в познании творческому мышлению и практике лишены оснований. Они нападают на ленинскую теорию отражения, извращая понятия отражения и творчества, предвидения и практики, и в конечном счете не выходят за пределы субъективно-идеалистических трактовок и концепций. Под отражением они разумеют лишь непосредственный результат воздействия одного материального образования на другое либо имитирующий отпечаток — «дубликат». А поскольку мышление как активный, творческий процесс в такую схему не укладывается, то теория отражения объявляется «наивной» теорией «зеркального воспроизведения», не выходящей за пределы воззрений XVIII в. Некоторые антимарксисты доходят до утверждений, будто присуще теории отражения различие между «реальностью» и ее «отображением в голове человека» есть дуализм. Эта нелепая оценка — прямое следствие того, что сами ее авторы занимают субъективно-идеалистическую позицию в духе принципиальной координации Р. Авенариуса. Одна из линий критики в адрес теории отражения основана на мнении о якобы несовместимости принципа отражения с творчеством и активно-практической деятельностью человека. Прагматист С. Хук утверждал, что есть немало идей, которые ни прямо, ни косвенно не являются образами существующего. Таковы, пишет он, «дерзкие планы для действия»¹, имея в виду... ленинский план революционного преобразования России. Избитый тезис о том, что процессы отражения «нетипичны» для сознания, отстаивали в свое время

---

¹ Hook S. Marx and the Marxists: the ambiguous legacy. Princeton, 1955, p. 80.

М. Маркович, М. Кангрва, Д. Грлич, Г. Петрович¹ и другие, обвинявшие Ленина в отходе от активизма и гуманизма.

Опровергая эти и подобные им утверждения о якобы несовместимости принципа отражения с активно-творческим характером сознания и практики, философы-марксисты исходят из ленинских идей, развивают и конкретизируют теорию отражения, рассматривая его в органическом единстве с предметно-практической деятельностью и творчеством.

Марксистско-ленинская теория отражения как основа и «ядро» диалектико-материалистической теории познания в тесной ее связи с методологией научного исследования оказывает ныне все более возрастающее влияние на разработку проблем современной науки.

*Роль категорий
диалектики
в процессе
познания*

Конкретизируя процесс отражения и рассматривая содержание диалектической логики, В. И. Ленин уделил большое внимание категориям. Категории диалектической логики формируются по мере практического освоения мира, а значит, по мере выделения человека из природы. По своему содержанию они в принципе глубоко объективны и вместе с тем составляют «ступеньки выделения» людьми «узловых пунктов» в структурах познания ими природы и овладения ею. С одной стороны, они характеризуют свойства и стороны реальности, а с другой — свойства и стороны самого процесса познания, являясь диалектическими логическими формами, в которых фиксируется знание как о развивающемся объективном мире, так и о самом процессе его познания. В этом смысле категории суть «выражение закономерности и природы и человека...» (29, 83), и потому категории мышления также развиваются (см. 29, 229).

Категории образуют костяк логики познания, они помогают выявлять связи между понятиями и ориентируют общий ход научных рассуждений. Система категорий в своем формировании отражает в основном последовательность этапов, ступеней процесса познания. Логическое в общем виде отражает историческое. Теория познания опирается на исторически развивавшуюся «практику» познания; в содержании и последовательно-

¹ По его мнению, ленинская теория отражения «несовместима с марксовым пониманием человека как творческого, практического существа» (*Petrović G. Filozofija i marksizam. Zagreb, 1965, s. 250*).

сти диалектических категорий отражается структура этой практики (но не буквально, не полностью).

Категории составляют важную часть содержания диалектической логики (хотя В. И. Ленин отнюдь не сводит все ее содержание только к категориям). Сами формы диалектического мышления должны быть содержательными, т. е. быть «формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием» (29, 84). Ключом к правильному пониманию генезиса категорий диалектической логики является следующее положение: «Перед человеком *сеть* явлений природы. Инстинктивный человек, дикарь, не выделяет себя из природы. Сознательный человек выделяет, категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» (29, 85).

Основной и общий ход развития знания В. И. Ленин характеризует как движение от непосредственной действительности, а значит, от тех явлений, в которых вещи выступают прежде всего в отношениях к другим вещам и ухватываются через «живое созерцание», т. е. чувственно-практическую деятельность, к сущности, а значит, к теоретическому познанию их законов и затем к объяснению данных явлений через их взаимосвязи, к анализу форм проявления законов в практически значимых единичных предметах. «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще» (29, 298). Эту характеристику Ленин конкретизирует: «Самым первым и самым первоначальным является ощущение, а в нем неизбежно и *качество...*» (29, 301). И здесь же: «Сначала *мелькают* впечатления, затем выделяется *нечто*, — потом развиваются понятия *качества...* (определения вещи или явления) и *количества*. Затем изучение и размышление направляют мысль к познанию тождества — различия — основы — сущности versus (соответственно. — *Ред.*) явления, — причинности etc. Все эти моменты (шаги, ступени, процессы) познания направляются от субъекта к объекту, проверяясь практикой и приходя через эту проверку к истине (= абсолютной идее)» (29, 301). В ходе движения, перехода от одной категории к другой ни одна из них не утрачивается; все они «сохраняются» в снятом, преобразованном виде в более высоких категориях.

Различные категории позволяют нам увидеть каждый раз с новой стороны познаваемый нами объективный мир; категории — это как бы срезы, через которые мы все глубже проникаем в действительность, никогда не исчерпывая ее до конца.

Большое внимание уделено в «Философских тетрадах» общим, а значит, наиболее объективным категориям диалектики. Главный исследовательский интерес Ленина вызвали такие категориальные пары, как «тождество» и «различие», «единство» и «противоречие», «объективное» и «субъективное», «бесконечное» и «конечное», «движение» и «покой», «количество» и «качество», «сущность» и «явление», «необходимость» и «случайность», «причина» и «цель», «отношение» и «закон», «практика» и «теория». Не только в аспекте познания, но и в плане собственно социальной диалектики Ленин много размышлял над категориями «всеобщее», «особенное» и «единичное» («отдельное»).

Категории выявляют свою методологическую роль не сами по себе и не через непосредственное «наложение» их всех сразу на исследуемый материал как неких отмычек истины, а в ходе осуществляемого с их помощью конкретного анализа фактов. Исследуя факты, мы вынуждены оперировать с определенными философскими категориями; при этом сами категории формируются и развиваются. В своем развитии они подчиняются законам и требованиям диалектики и становятся все более гибкими, подвижными и связанными во все более глубокое единство. Поэтому изучение содержания самих категорий как логических условий и форм теоретического познания должно опираться на выяснение их реального диалектического функционирования в истории отдельных наук и в современном содержании и развитии последних.

КАТЕГОРИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

*Категория
противоречия
и проблема
диалектики
движения*

«Противоречие» — центральная среди категорий диалектики. В. И. Ленин внимательно отнесся к гегелевскому анализу структуры «противоречия» как общеполитической категории. Но если для идеалиста Гегеля всякое реальное и конкретное противоречие есть лишь частный случай, пример, подчиненная модификация «противоречия вообще», то для материалиста Ленина, идущего вслед за Марксом и Энгельсом, эта категория, как и все другие, представляет собой обобщение фактов и процессов реальной действительности и ее познания, ибо «диалектика *вещей* создает диалектику *идей*, а не наоборот» (29, 178).

Реальные, объективные противоречия «надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения, не без противоречий*, а в вечном *процессе* движения, возникновения противоречий и разрешения их» (29, 177). Таким образом, образуются своего рода «цепи» противоречий. В категории противоречия В. И. Ленин выделяет различные стороны и моменты, как-то: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его» (29, 316), переход в противоположное состояние (см. 29, 203); единство противоположностей (см. 29, 202), в котором «бытие и небытие, как исчезающие моменты, совпадают на момент, в данные моменты движения (=техники, истории etc.)» (29, 252), и, наконец, борьба между подвижными, живыми сторонами противоречия, через которую проходит как «развертывание этих противоположностей, противоречивых стремлений etc.» (29, 202), так и разрешение противоречия. «Вкратце диалектику можно определить, как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики, но это требует пояснений и развития» (29, 203; см. 29, 98). Ценнейшие пояснения о развитии и разрешении противоречий рассеяны по всему тексту «Философских тетрадей»

и только часть из них резюмирована в фрагментах «К вопросу о диалектике» и «Элементы диалектики» (см. 29, 316—322; 202—203). Пройдет несколько лет, и Ленин, обобщая опыт перехода молодого Советского государства к мирному строительству, выдвинет новую идею об одном из способов использования и разрешения противоречий — о «соединении» противоположностей (см. 42, 211).

В связи с категорией противоречия В. И. Ленин придает большое значение правильному пониманию диалектического отрицания в его качественном отличии от отрицания формально-логического, а тем более от метафизического. Последнее он порицает как «дрянное», «пустое», как тотальное уничтожение, закрывающее путь к дальнейшему развитию, как отрицание нигилистическое. Подлинно диалектическое отрицание ведет вперед, развивает процесс, оно сохраняет рациональные моменты из того, что отрицается, преодолевает то, что отжило свой век, и поднимает данный объект на новую ступень его существования и развития (см. 29, 207). Это имеет место и в отношении объективных процессов, и в отношении процессов познания. Значительное внутреннее содержание каждого диалектического противоречия проявляется уже в том, что стороны его отрицают друг друга содержательным образом. «Не голое отрицание, не зряшное отрицание... а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного...» (29, 207).

Итак, во всяком явлении и процессе существуют взаимноисключающие друг друга противоречивые силы и тенденции (см. 29, 317). Это — альфа и омега марксистского диалектического подхода к вещам и событиям действительности. «Всякая конкретная вещь, всякое конкретное нечто,— пишет В. И. Ленин,— стоит в различных и часто противоречивых отношениях ко всему остальному, его (следовательно.— *Ред.*), бывает самим собой и другим» (29, 124). Всеобщность этого фундаментального факта вытекает из того, что всякое движение противоречно, а всякое противоречие есть процесс, движение его развития, идущее затем к его разрешению. На это положение как на «суть» метода Гегеля, раскрывающего движение как внутренне необходимое самодвижение и спонтанную деятельность, указывает Ленин, замечая, что эта «суть» должна быть понята как рациональное зерно учения Гегеля, ее «надо было открыть, понять,

hinüberretten (спасти.— *Ред.*), вылущить, очистить, что́ и сделали Маркс и Энгельс» (29, 127).

Всеобщность противоречия обнаруживается в любом объективном процессе движения и любом акте познания уже в чувственном познании и при переходе от него к познанию рациональному. В. И. Ленин ставит вопрос: «Представление *ближе* к реальности, чем мышление? И да и нет. Представление не может схватить движения *в целом*, например, не схватывает движения с быстротой 300 000 км в 1 секунду, а *мышление* схватывает и должно схватить» (29, 209). Диалектическое противоречие обнаруживается и в любом предложении рассуждающей мысли. Представления могут иногда схватить существенное, однако «не **переход** от одного к другому, а *это самое важное*» (29, 128).

Познание есть отражение бытия, а коль это так, то противоречия объективной реальности должны быть отражены в научном познании по возможности адекватно, т. е. как можно более полно и без привнесения иных, субъективных противоречий. Но путь к достижению этого лежит через преодоление неизбежно возникающих противоречий процесса познания.

Отражение действительности в мысли происходит, повторяем, в процессе «возникновения противоречий и разрешения их» (29, 177). Развитию, а значит, объективному заострению взаимоотношений сторон противоречия соответствует постепенно развивающийся процесс его познания, в котором это объективное заострение, доходящее до крайности, прослеживается все более полно и глубоко через заострения собственно гносеологические. «Мыслящий разум (ум) заостряет притупившееся различие различного, простое разнообразие представлений, до *существенного* различия, до *противоположности*. Лишь поднятые на вершину противоречия, разнообразия становятся подвижными... и живыми по отношению одно к другому,— приобретают ту негативность, которая является *внутренней пульсацией самодействия и жизненности*» (29, 128) как в реальном мире, так и в его познании.

Но вполне ли тождественны объективные и познавательные «заострения» противоположностей? Обладают ли противоречия процесса познания своими диалектическими особенностями?

Ответ на этот вопрос, помогающий раскрытию богатейшего диалектического содержания ленинской теории отрицания, дает комментарий В. И. Ленина к дискуссиям вокруг трактовки

апорий Зенона Элейского, в особенности апории «Летающая стрела».

Вот этот комментарий: «Движение есть нахождение тела в данный момент в данном месте, в другой, следующий, момент в другом месте — таково возражение, которое Чернов повторяет (см. его «Философские этюды») вслед за *всеми* «метафизическими» противниками Гегеля.

Это возражение *неверно*: (1) оно описывает *результат* движения, а не *само* движение; (2) оно не показывает, не содержит в себе *возможности* движения; (3) оно изображает движение как сумму, связь состояний *покоя*, т. е. (диалектическое) противоречие им не устранено, а лишь прикрито, отодвинуто, заслонено, занавешено» (29, 232).

Содержание этого ленинского высказывания многопланово. В. И. Ленин выступает прежде всего против того мнимого «развенчания» диалектики движения и его познания, которое попытался осуществить В. М. Чернов, противопоставивший гегелевской формуле «летающая стрела в каждый момент полета находится и не находится в некотором определенном месте пространства» свое положение, согласно которому механическое движение будто бы сводится к тому, что в разные моменты времени предмет (стрела) находится каждый раз в ином, но всегда определенном месте пространства. В таком случае противоречивость движения как будто исчезает. Подобное описание движения, проводимое с некоторыми строго ограниченными целями, считает Ленин, допустимо, но оно не более как описание «результатов» движения. О каких «результатах» идет здесь речь? Движение берется только со стороны его кинематики, и описание его «результатов» означает указание на начальный и конечный пункты перемещения, а также на геометрическую характеристику всей траектории, уже пройденной двигавшимся телом. Но само движение и внешнее описание его геометрических «результатов» — не одно и то же.

В. М. Чернов рассчитывал на то, что если он расчленил траекторию движения на множество точек, а ин-

тервал времени движения — на множество моментов и зафиксировал в мышлении, в какой момент времени, в какой точке пути находится некоторая данная материальная точка движущегося тела, то тем самым все диалектические трудности и проблемы познания движения, а заодно и объективная диалектика движения исчезают. Но это не так. Динамика движения с присущими ей объективными диалектическими противоречиями остается не уловленной, ибо вместо движения как *процесса* перемещения мы имеем дело только с констатациями в познании *последовательностей положений* тела в результате его перемещений. отождествление содержания познающего мышления с объективной реальностью приводит к тому, что гносеологическая констатация последовательных положений тела совпадает в понимании теоретика с физическим покоем, она «изображает» движение как последовательность состояний покоя, и движение из этой констатации невыводимо, т. е. она, как указывает В. И. Ленин, «не содержит в себе *возможности* движения» (29, 232). Реальное движение этими констатациями «заслонено, занавешено».

В. И. Ленин не мог принять и сведения Гегелем диалектики движения лишь к диалектике мышления о геометрии движения. Гегель начал с того, что изменил смысл подлинной Зеноновой апории, которая в действительности имела следующее содержание: «Летящая стрела в каждый данный момент полета находится в некотором определенном месте пространства, а значит, покоится в нем, но в то же время она летит, а значит, не покоится». Зенон считал, что описание движения логически противоречиво и поэтому ложно. Гегель же полагал, что если описание движения логически противоречиво, то оно содержит истину.

И Зенон, и Гегель не проводили здесь различия между формально-логическими и диалектическими противоречиями, но далее они рассуждали по-разному. По Зенону, факт чувственного восприятия движения бесспорен, но коль скоро в мыслях о движении возникают логические противоречия, то его в сущности вещей быть не может. Согласно же Гегелю, именно вследствие противоречивости мыслей о движении оно есть факт сущности реальности.

Не говоря уже об общей ошибочности концепций элейской школы философов, к которой принадлежит Зенон, он заблуждался в своих рассуждениях и потому,

что из фиксирования познанием некоторого материального тела находящимся в некоторый момент времени в определенном месте пространства еще не вытекает логически, движется ли оно или покоится. Такой же дефект имеется и в рассуждениях Гегеля, но если Зенон прямо исходил из того, что находиться в некотором месте и покоиться в нем — одно и то же, то Гегель придавал этим терминам одновременно несколько значений: это у него и пребывание в двух местах, и акт перемещения в неуловимую «соседнюю» точку, и даже ненахождение ни там ни здесь. Главное же в том, что Гегель ошибочно отождествил физическое движение с движением *мысли* о движении; при этом противоречия мыслительного движения понимались как причина движения *реального*.

В. И. Ленин различает позиции Гегеля и Чернова по существу: в раскрытии объективных противоречий движения Гегель по крайней мере указал на диалектику познания движения, а Чернов попытался упразднить диалектику механического движения вообще, принеся ее в жертву формально-логическому закону непротиворечия, не допускающему противоречий в мысли. Поэтому Ленин защищает диалектика Гегеля от метафизической критики со стороны Чернова. Вместе с тем позиция Ленина коренным образом отличается не только от взглядов Чернова, но и от воззрений Гегеля.

Механическому движению в его динамической полноте присущи *объективные* диалектические противоречия, представляющие собой внутренние источники реального движения. Как отмечает В. И. Ленин, эти противоречия состоят в единстве действия и противодействия, притяжения и отталкивания. Они «прикрыты» схемой апории Зенона, но как бы проглядывают сквозь нее: возникающее в познании противоречие между фактом движения и гносеологическими фиксациями мыслительных «остановок» отражает противоречие непрерывности и прерывности пространства, а то, в свою очередь, отражает противоречие прерывности и непрерывности самой материи¹.

Итак, противоречие прерывности и непрерывности

---

¹ Если механическое движение квантуется, что пока твердо не установлено, то последнее противоречие выражается в сущности самого движения еще более непосредственно. Возможно, что пространство-время на малых расстояниях, согласно концепции Дж. Уилера — С. Хокинга, имеет так сказать «пенную» структуру.

было Гегелем «ухвачено», но, будучи идеалистом, он выразил это противоречие неполно и неточно. Чтобы «ухватить» это противоречие полнее и точнее, необходимо преодолеть трудности человеческого познания, а это, отмечает В. И. Ленин, не так-то просто. «Движение» и «момент»: улови его. В каждый момент данный... Улови этот момент. *Idem* (то же самое.— *Ред.*) в простом *механическом* движении (*contra* (против.— *Ред.*) Чернов)» (29, 182). Уловив и исследовав эти «моменты», мы выясняем: «Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства). Движение есть противоречие, есть единство противоречий» (29, 231). Следовательно, движение есть система противоречий, и наиболее глубинные из них носят уже не кинематически-геометрический, а динамически-физический характер. Ленин обращает внимание на реальное противоречие непрерывности и прерывности, связанное с пространственным аспектом движения, делая в соответствующем месте своего конспекта «Лекций по истории философии» Гегеля пометку: «верно!» (см. 29, 231, 232).

Гегелевская характеристика механического движения, придающая ему вид постоянно преодолеваемой ситуации (движущееся тело в каждый момент движения находится и не находится в одном и том же месте), может быть принята и как выражение факта объективного движения. Это возможно, например, в начале перемещения тела или в момент его остановки. Таким образом, гносеологическая и онтологическая трактовки формулы Гегеля здесь чрезвычайно сближаются, и Ленин, несомненно, это учитывал.

На примере противоречий познания движения усматривается своеобразие действия закона единства и борьбы противоположностей в познании вообще. Наряду с противоречиями, разрешение которых приводит к сохранению в принципе того же самого противоречия, хотя и в ином виде (как это имеет место в случае противоречий между теорией и практикой, между относительной и абсолютной истиной), существуют и противоречия иного рода, разрешение которых состоит в получении конкретного ответа на поставленный вопрос. Таково антиномически «заостренное» противоречие познания механического движения. В общем виде В. И. Ленин указывает на то, что речь идет «не о том, есть ли движение, а о том, как его выразить в логике понятий» (29,

230). В этом высказывании — ключ правильного подхода ко всему узлу вопросов, связанных с познанием противоречий движения и изменения. Но и в противоречиях познания действует общий принцип: разрешение диалектического противоречия есть движение к более высокой позиции (в данном случае — на пути познания). Здесь действует и принцип общего познавательного противоречия, о котором Ленин пишет: «Мы не можем представить, выразить, смерить, изобразить движения, не прервав непрерывного, не упростив, углубив, не разделив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и **всякого** понятия» (29, 233).

Многоплановый смысл этого высказывания выявляется в сопоставлении его с другими высказываниями В. И. Ленина в «Философских тетрадах», в которых он говорит о бесконечном процессе познавательного отражения. Процесс познания при этом подходе выступает как бесконечный процесс смены одних теоретических огрублений и упрощений действительности другими, менее упрощенными, открывающими возможность оперировать более гибкими и всесторонними понятиями. При этом познание всегда совершается через диалектическую противоположность: относительная полнота и гибкость содержания знания достигаются через односторонние жесткие и огрубляющие абстрактно-теоретические средства.

Вообще в процессе познания действуют как всеобщие структуры диалектического противоречия, так и особенные, присущие процессу познания как таковому. Здесь, в частности, действуют противоречия так называемого «оборачивания метода» (термин Маркса). В. И. Ленин указывает на самый общий случай подобного оборачивания (К. Маркс и Ф. Энгельс рассматривали лишь частные случаи), который, по сути дела, является принципом гносеологического оборачивания вообще как способа познания через противоположности. «Движение познания к объекту, — пишет он, — всегда может идти лишь диалектически: отойти, чтобы вернее попасть — *reculer pour mieux sauter (savoir?)* (отступить, чтобы лучше прыгнуть (познать?). — *Ред.*). Линии сходящиеся и расходящиеся: круги, касающиеся один другого» (29, 252), т. е. переходящие в спираль. Таким образом, обнаруживается связь оборачивания с

гносеологическим действием закона отрицания отрицания, что проливает свет на один из моментов субординации диалектических закономерностей.

**Закон единства
и борьбы
противопо-
ложностей**

Категория противоречия вместе с категориями диалектического отрицания и единства входят в структуру закона единства и борьбы противоположностей. История диалектики и научного

познания свидетельствует о том, что наиболее глубоким основанием диалектической концепции развития, отличающим ее от концепции метафизической, является закон единства и борьбы противоположностей. В. И. Ленин пишет: «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... есть *суть*... диалектики. Так именно ставит вопрос и Гегель (Аристотель в своей «Метафизике» постоянно *бьется* около этого и *борется* с Гераклитом *respectively* (соответственно.— *Ред.*) с гераклитовскими идеями)» (29, 316). На всем протяжении «Философских тетрадей» Ленин показывает, что единство и борьба противоположностей является как законом развития объективной реальности, так и законом познания. Этот закон представляет собой своего рода «ядро» диалектики, он главный среди основных ее законов. Противоречия не статичны, но развиваются, когда взаимоотрицание, а значит, «борьба» между их сторонами в данном объекте, явлении или процессе становится все более интенсивной, напряженной. В ходе познания объективных противоположностей их внутреннее единство и борьба раскрываются не сразу, но их «заслоняют» особенные противоречия познавательного процесса. Но это раскрытие происходит благодаря последовательному применению принципа «совпадения», т. е. «тождества», противоположностей согласно закону их единства и борьбы. Когда речь идет о «совпадении» противоположностей, Ленин имеет в виду необходимость преодолеть разделение их живого единства, его расчленение на взаимополярные стороны, необходимость выявить глубинное взаимодействие сторон, доходящее до перехода каждой из них в свою противоположность, а в конечном счете — до перехода объекта в качественно новое состояние. Поэтому Ленин отмечает, что диалектика — это гибкость понятий, доходящая до тождества противоположностей, гибкость, примененная объективно и вечно «борющаяся» с неизбежным упрощением, огрублением, омертвлением понятий. «И в этом *суть*

диалектики. *Эту-то суть* и выражает формула: единство, тождество противоположностей» (29, 233). Сущность вещей противоречива; поэтому познание сущности неизбежно регулируется действием закона единства и борьбы противоположностей.

В. И. Ленин всегда боролся против поверхностного, непродуманного и голословного, а по сути дела, метафизического «согласия» с принципом развития, не доведенного до понимания того, что подлинное развитие есть процесс развития противоречий и через противоречия. Не только в фрагменте «К вопросу о диалектике», но и в конспекте раздела об элеатской школе в лекциях Гегеля по истории философии Ленин решительно порицает метафизический эволюционизм.

Некоторые философы изображали учение о законе единства и борьбы противоположностей неким проявлением дефекта умственной и нравственной культуры, выражающегося в готовности нагромождать любые противоречия без всякой заботы об их разрешении. Каков же тот пункт, который отделяет диалектику от *софистики* и *эклектики* такого специфического вида? В. И. Ленин уделил этому вопросу большое внимание.

Диалектика как метод стремится сохранить в результатах познания только такие противоречия, которые являются адекватным отражением реальных противоречий. Между софистикой и эклектикой, с одной стороны, и диалектикой — с другой, как методами имеется обманчивое внешнее сходство, поскольку представители и той и другой стороны признают противоречия в процессе и результатах познания, «гибкость» понятий и даже необходимость их перехода в познающем мышлении в свою противоположность. Но за этим внешним сходством и в данном случае скрывается глубокое, фундаментальное различие сторон, коренная их противоположность.

Софист XX в. отличается от софистов V в. до н. э., но и он произвольно жонглирует выдуманными противоречиями или доводит до абсурда противоречия реальные, тогда как эклектик смешивает в одну кучу противоречия объективные и субъективные. На примере Кратила Ленин показывает, что софист делает «отрицательный (и только отрицательный) вывод из диалектики» (29, 308). Софисты и эклектики — это метафизики, ибо они фетишизируют противоречия, а закономерную взаимосвязь явлений (и противоречий) подменяют случайным и произвольным конгломератом разрозненных мо-

ментов, преувеличивая их относительную самостоятельность. Также и в этом случае: «Для объективной диалектики в релятивном *есть* абсолютное. Для субъективизма и софистики релятивное только релятивно и исключает абсолютное» (29, 317).

Софистика и эклектика со свойственным им внешним, субъективистским соединением и «столкновением» различных определений предмета, с их спекуляциями на законе единства и борьбы противоположностей и со ссылками на подвижность и противоречивость граней и сторон вообще, без конкретного анализа конкретной ситуации, являются, как показал В. И. Ленин в ряде своих работ, «теоретической основой» политической непоследовательности и авантюристических зигзагов. Метафизическая абсолютизация софистами законов диалектики превращает ее в свою противоположность, в субъективистскую эквилибристику понятиями.

Диалектические противоречия в корне отличны от противоречий, возникающих как следствие неряшливости и путаницы в употреблении понятий софистами и эклектиками. Притом противоречия в их мышлении имеют тенденцию укореняться, консервироваться, они обладают большой «инерцией». Однако «логика» фетишизации и консервации противоречий опровергается всем ходом исторического развития познания, тогда как диалектико-материалистическая логика адекватного отражения, раскрытия и разрешения противоречий оправдывается всей историей действительности, ее преобразования и познания. Так, вопреки апологетической и филистерской методе «нежничанья» с вещами и затушевывания противоречий жизнь движется через противоречия; живые противоречия, отмечал В. И. Ленин, гораздо богаче и разнообразнее, чем это представляется человеческому уму, даже когда он сам стремится избежать схематизма и доктринерства. Практика общественной жизни и научного познания доказывает полную справедливость этих ленинских идей. XXVII съезд КПСС дал глубокий анализ различных противоречий, присущих современному миру, жизни социалистического общества.

В условиях современной эпохи особенно остро необходима активная позиция в отношении к противоречиям. Даже не зная марксизма, многие политики, деятели культуры, науки и искусства в капиталистических странах невольно приходят к осознанию глубоко противоречивого характера современности, но, не видя тех

социальных сил, которые способны к разрешению основных противоречий эпохи, нередко становятся на позиции пессимизма и безысходности. Диалектико-материалистический взгляд на противоречия и отрицания оптимистичен. В. И. Ленин писал: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике,— которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент,— нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики» (29, 207).

Говоря о диалектике противоречий, В. И. Ленин часто употребляет выражения «жизнь», «живая жизнь», «жизненность», имея в виду прежде всего текущий, вечно изменчивый характер действительности, находящейся в самодвижении, в противоположность тому «омертвленному» образу бытия, который свойствен метафизическим концепциям, а также характеризуя активный, творческий характер практики. Закон диалектического противоречия выделяется Лениным как существеннейший закон диалектики, он, указывая на «корень» жизненности всех вещей и процессов, является условием познания всех явлений и событий в «живой жизни» их постоянных изменений. Вместе с тем Ленин поясняет, что этим законом лишь кратко схватывается суть диалектики, что раскрытие этой сути требует многосторонней конкретизации, разъяснения и теоретического развития. Такая конкретизация через сеть категорий и других законов и осуществляется Лениным в «Философских тетрадах», в частности через выделение 16 элементов диалектики, характеризующих ее как учение о развитии мира и его познании.

ЭЛЕМЕНТЫ ДИАЛЕКТИКИ И ЕЕ КАТЕГОРИИ

*Фрагмент
«Элементы
диалектики»*

В знаменитом фрагменте под названием «Элементы диалектики» В. И. Ленин дает обзор основных принципов, законов и категориальных пар материалистической диалектики в их взаимодействии. Он указывает на такие категории, как «взаимосвязь» и «взаимодействие», «вещь» и «процесс», «единство» и «борьба», «противоположности» и «противоречие», «сущность» и «явление», «содержание» и «форма», «количество» и «качество», «причинность». Набросок не предназначен для печати, и порядок указываемых здесь категорий, законов и принципов диалектики не во всем совпадает с их порядком в других сочинениях Энгельса и Ленина; он соответствует последовательности размышлений Ленина над данной проблемой.

Данный фрагмент представляет собой относительно самостоятельную целостность и богат теоретическим содержанием, будучи одним из набросков плана намеченной будущей работы о диалектике. В. И. Ленин включил в состав элементов диалектики кроме ряда парных категорий основные всеобщие законы диалектики в их объективном содержании, а также в их гносеологическом действии. Но среди элементов диалектики прежде всего выделяются общие диалектические принципы исследования, т. е. широкие диалектические закономерности, действующие в качестве норм метода.

В. И. Ленин следует одновременно и гносеологическому и онтологическому истолкованию теории диалектики в их единстве, последовательно развивая при этом принцип теории отражения. Диалектика едина, ее основные закономерности общи и для объективного мира, и для его познания; единство это диалектическое, в нем есть различия, и они проявляются, в частности, в наличии особенных моментов диалектики познания, опирающихся на неисчерпаемые свойства и связи самой объективной реальности.

На первом месте среди принципов диалектического познания в ленинском наброске как первый элемент стоит принцип: «*объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)» (29, 202). Объективностью диалектика в принципе отличается от софистики и эклектики, применяющих «гибкость» понятий субъективистски.

Принцип объективности означает, что метод познания должен раскрывать диалектику самого предмета в ее полноте. «Гибкость» понятий, необходимая для того, чтобы обеспечить объективное познание, должна соответствовать движению, саморазвитию целостно организованных вещей (объектов) внешнего мира в их разнообразных связях и подчас неожиданных опосредствованиях. Рассмотрение вещи в ее собственном внутреннем развитии будет односторонним, если не учитывать всесторонней, универсальной связи, взаимозависимости всех вещей, их сторон, тенденций и явлений. Поэтому в познании необходимо идти от разветвленной структуры внешних связей и отношений вещей к их внутренней основе, к сущностным отношениям. Сами явления постигаются объективно только тогда, когда мы рассматриваем их в рамках целого, а затем в рамках той, более широкой системы связей, внутри которой эти явления действуют, выходя за рамки целого. Тем самым всесторонность познания сливается с его конкретностью.

В качестве восьмого элемента диалектики В. И. Ленин выделяет положение о том, что «отношения каждой вещи (явления etc.) не только многообразны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связаны с *каждой*» (29, 203; см. 29, 124, 179). К положению о всеобщей взаимосвязи относится и второй элемент, указывающий на наличие многообразных отношений одной вещи к другим (см. 29, 202).

Третий элемент диалектики — это принцип развития вещей, явлений, процессов, который также служит направляющей нормой для познания. Относительно связи принципов всеобщей взаимосвязи и развития В. И. Ленин, понимая первый из них также как принцип материального единства мира, сформулировал в «Философских тетрадах» стратегическую задачу познания: «...всеобщий принцип развития надо соединить, связать, совместить с всеобщим принципом *единства мира, природы, движения, материи etc.*» (29, 229).

Из сочетания указанных принципов вытекает, что взаимосвязи вещей в мире сопряжены с их относительной самостоятельностью, поскольку органически целостным объектам присущи «собственное движение», «собственная жизнь» (см. 29, 202), однако никаких абсолютно замкнутых процессов не существует. Десятый элемент диалектики указывает на «бесконечный процесс раскрытия *новых* сторон, отношений *etc.*», и это бросает дополнительный свет на смысл третьего элемента: В. И. Ленин придает диалектическому развитию в принципе свойство бесконечности, а само развитие трактуется им как переход объектов к новым, все более активным и сложным состояниям.

Для более полного уяснения содержания этих элементов, как и теории диалектики в целом, важное значение имеют категории всеобщего (общего), особенного и единичного (отдельного). По В. И. Ленину, они диалектически смыкаются, тяготеют к взаимопереплетению. Отдельное существует лишь в той связи, которая ведет к особенному и общему, а общее существует лишь через особенное и отдельное. Единичное не есть абстрактная «единица», и потому оно представляет собой конкретное отдельное. Всеобщее (общее) выступает в системе развитого целого как «скрепляющее» и объединяющее начало, как сущность, закон существования всей системы. Так, при капитализме отношения товарного обмена приобретают статус развитой всеобщности, ибо товарные отношения пронизывают так или иначе другие социальные явления. Важно заметить, что категория «особенное» — это не только «промежуточная инстанция» между общим и единичным, но и выражение специфичности, своеобразия действия общего закона в разных областях его приложения. (В книге «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин в связи с разбором такого «универсального закона развития», как закон «экономии сил» С. А. Суворова, показал, в частности, что под такой «универсальной закон», игнорирующий действие категории «особенное», можно «подвести, что угодно» (18, 353).

Среди 16 элементов диалектики специальное указание на категории общего, особенного и единичного отсутствует, поскольку, естественно, не все категории могли войти в состав этих элементов. Но эти категории все же затронуты в восьмом элементе.

Положение о бесконечном процессе познавательного раскрытия новых сторон предмета и об углублении в

сущность вещей обращено и на сам метод диалектики как исторически развивающуюся теорию. Эта саморефлексивность элементов диалектики определяется тем, что в них самих действуют категории общего и особенного. Так, в десятом элементе указывается также на то, что сам логический строй мышления развивается по восходящей линии, а в одиннадцатом, в частности, на развитие аппарата самой диалектической логики, совершенствование категориальных и номологических, т. е. связанных с использованием законов, средств познания, которое опирается на практику и идет по пути перехода от одного теоретического уровня к другим, более глубоко проникающим в безграничную действительность.

Развитие логики мышления совершается не путем суммирования категориальных уровней, а посредством конкретизации и обогащения каждого предшествующего уровня, когда он переходит в последующий уровень. Здесь еще раз обнаруживается коренное отличие марксистской диалектики от гегелевской, которая, как не раз отмечается в «Философских тетрадах», все-таки в конце концов изменяет принципу развития. Диалектическая тенденция гегелевского мышления утверждает вечность и бесконечность процесса познания, а метафизическая идея Гегеля об окончательном достижении абсолютной истины в рамках замкнутой системы его философии, а значит, и диалектической логики кладет этому движению конец. В. И. Ленин же развивает положение о вечном и бесконечном процессе развития вещей и познания их сущности, а соответственно о вечном процессе развития отдельных категорий, обогащения и развития их системы, что предполагает в будущем и включение в философию новых категорий.

Соображения В. И. Ленина об элементах диалектики бросают дополнительный свет на соотношение частей и сторон единой философской науки, в которой с помощью категорий объективной диалектики выделяется то содержание, которое можно условно назвать «онтологическим аспектом» марксистской философии. По сути дела, преимущественно о нем идет речь в элементах начиная со второго и до шестого включительно, а также в восьмом, девятом и четырех последних элементах.

Ряд элементов диалектики в ленинском фрагменте раскрывают различные стороны основных диалектиче-

ских законов, прежде всего в их собственно объективном значении, т. е. в отношении внешнего мира. Так, четвертый, пятый, шестой и девятый элементы характеризуют различные черты закона единства и борьбы противоположностей: единство противоречивых (противоречащих друг другу) сторон и внутренне противоречивых тенденций, борьба их друг с другом и переход «в *каж-дое* другое [в свою противоположность?]» (29, 203). Здесь Ленин как тему для дальнейшего изучения отмечает вопрос о границах приемлемости известной гегелевской формулы диалектического превращения как перехода «в свое иное». В шестнадцатом элементе упомянут закон перехода количества в качество и обратно, т. е. качества в количество, как определенная ступень в конкретизации действия закона единства и борьбы противоположностей. Соответственно в тринадцатом и четырнадцатом элементах речь идет о законе отрицания отрицания, который в своем гносеологическом значении указывает на условия сохранения прежнего знания в новом, а также обосновывает методологическое действие выявленного в физике принципа соответствия.

Кроме основных законов диалектики, В. И. Ленин указывает также на неосновные, но обладающие всеобщим значением. В качестве их представителя здесь Лениным взят закон взаимодействия содержания и формы, и впервые в истории марксистской философии Ленин дает ему законосообразную формулировку в соответствии с диалектико-материалистическим, а не гегелевским его пониманием. Ленин отмечает наличие диалектического единства и взаимообусловленности между содержанием и формой, исходя из ведущей роли содержания в отношении формы, но особое внимание обращает на их взаимоотрицание: «...борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания» (29, 203).

Седьмой, одиннадцатый и двенадцатый элементы диалектики формулируют законы взаимодействия некоторых пар категорий в процессе познания. В. И. Ленин отмечает взаимодействие анализа и синтеза (см. 29, 202) и указывает на бесконечность познавательного углубления в объекты, когда в бесконечном процессе раскрытия все новых и новых их сторон и отношений происходит переход «от явлений к сущности» (29, 203). Вместе с тем происходит процесс познавательного углубления «от сосуществования к каузальности и от одной

формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей» (29, 203) ¹.

На всем протяжении «Философских тетрадей» Ленин придерживается принципа единства логического и исторического. Имея в виду задачи построения в будущем детально разработанной теории диалектики, он применяет этот принцип прежде всего как требование логического исследования истории научного и собственно философского познания. Не раз в «Философских тетрадях» Ленин пишет о важности и необходимости проведения соответствующего исследования истории мысли по вопросу о раздвоении единого и познании его противоречивых частей и по проблемам развития категорий, логических форм мышления, раскрытия причин явлений (см. 29, 316, 142—143). Дальнейшее развитие указанного принципа содержится в ленинском положении о единстве истории наук и истории философии. История познания во всех ее видах должна послужить той основой, на которой сложится в более развитом виде теория познания марксизма (см. 29, 314).

Диалектическую логику интересуют как материал для исследования прежде всего генезис творческого мышления, механизм выдвижения новых идей, особенно тех, которые производят революцию в науке. В. И. Ленин особо отмечает значение творческого воображения в науке. Диалектическая логика использует для анализа факты фило- и онтогенеза мышления индивида и даже данные патологии мышления; она призвана обобщенно исследовать всю историю познания во всей ее противоречивости и сложности, конкретности и многообразии. Для Ленина классическим образцом был путь Маркса к созданию теоретически зрелой структуры и содержания «Капитала», путь, который вел через горы накопленных и методологически освоенных эмпирических фактов. Ленин поэтому был убежден, что все подготовительные работы Маркса, его черновики, заметки, выписки заслуживают самого пристального исследования. Несомненно, что и «Философские тетради» во всем богатстве имеющихся в них выписок, заметок, пометок требуют всестороннего и тщательного изучения при создании развитой теории диалектической логики.

---

¹ В книге «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленин как на одну из ступеней познания причинно-следственных связей указывал на функциональную зависимость (см. 18, 164).

Выделение В. И. Лениным рассмотрения элементов диалектики в специальный фрагмент говорит и о богатстве содержания, и о системности и целостности теории диалектики, имеющей целью не созерцательное описание диалектических связей и противоречий, а вскрытие их тенденций и разрешение.

*Сущность
и явление.
Причина,
взаимодействие
и цель*

В. И. Ленин придавал большое значение характеристикам процесса познания через указание на относительность категориального разграничения *явления* и *сущности*. Так, он отмечает, что «мы видим переход, перелив одного в другого: сущность является. Явление существенно... Мысль человека бесконечно углубляется от явления к сущности, от сущности первого, так сказать, порядка, к сущности второго порядка и т. д. *без конца*».

В собственном смысле диалектика есть изучение противоречия *в самой сущности предметов*: не только явления преходящи, подвижны, текучи, отделены лишь условными гранями, но и *сущности вещей* также» (29, 227).

Категории «сущность» и «явление» рассматриваются В. И. Лениным в «Философских тетрадах» в плане как объективной диалектики, так и субъективной. В первом случае существенное всегда оказывается и объективно общим, хотя бы и в специфическом (особенном) выражении; с другой стороны, не всякое общее тем самым является уже существенным, так что для познания сущности обобщения необходимы, но недостаточны. Во втором случае «явление» означает «явление познания» и берется в связи с категорией «видимость», или «кажимость», способствуя выявлению закономерностей процесса отражения. Ленин подчеркивает, что сущность не противостоит метафизически явлениям, но тесно с ними связана и выражается в них (см. 29, 117). Сущность выражается и в кажимости. «Кажущееся есть сущность в *одном* ее определении, в *одной* из ее сторон, в *одном* из ее моментов. *Сущность* кажется тем-то. Кажимость есть явление... сущности самой в самой себе» (29, 119). Ведь даже «*и пена* есть выражение сущности!» (29, 116). Поэтому путь к более глубокому познанию лежит не через выделение сущности в ее «чистом» виде, а через выявление ее связей с явлениями и через раскрытие характера последних, механизма их образования и проявления самой сущности через них (см. 29, 120). Суще-

ствуется противоречие между сущностью и ее явлениями, представляющее собой следствие и отражение противоречивости самой сущности данного процесса или вещи; то же самое должно быть сказано и относительно противоречивого единства между содержанием и формой, а также между формой и сущностью. Преодолевая это противоречие, познание «в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще» (29, 298). В процессе разрешения этого противоречия явление обнаруживает все богатство своего содержания, кажимость показывает себя как «сущность в *одном* ее определении, в одной из ее сторон, в одном из ее моментов» (29, 119). В основе этого процесса лежит практическая деятельность человека, которая «отнимает» (см. 29, 199) у действительности черты видимости и выявляет единство сущности и явлений, в том числе явлений в познании, а значит, и неабсолютность различия между объективным и субъективным, их единство. Познание объекта в его относительной полноте означает раскрытие не только его сущности самой по себе, но и всего механизма его обнаружения, когда выясняется, почему оно происходит именно в данных явлениях и даже именно в данных формах видимости. Ведь природа есть «и явление и суть, и мгновение и отношение» (29, 190).

Ряд важных моментов понимания взаимодействия сущности и явления В. И. Ленин вскрывает в связи с категорией *закон*. Махисты пытались полностью субъективизировать эту категорию. «Отбросьте «социальную практику» измерений, установления единиц меры, вычислений и пр., — рассуждал А. А. Богданов, — от закона тяготения ничего не остается. Поэтому, если говорят, что он действовал до человечества, то это не то же самое, что независимо от человечества»¹. В противоположность подобным попыткам упразднить объективное содержание категории «закон» Ленин подчеркивает его объективность и характеризует закон как «прочное (остающееся)» (29, 136) в явлениях, тождественное и общее (существенное) в них. «Закон берет спокойное — и потому закон, всякий закон, узок, неполон, приближителен» (29, 136), по содержанию он беднее явления. Но,

---

¹ Богданов А. Философия живого опыта. Популярные очерки, с. 290.

несмотря на это и в то же время благодаря этому, законы науки суть «отражение существенного в движении универсума» (29, 137). Делая движения и изменения «спокойными», т. е., во-первых, охватывая их как выражающие регулярность процессов и, во-вторых, фиксируя их в познании, гносеологически их как бы останавливая, законы науки выявляют все более и более существенные отношения вещей, процессов и событий, отношения сущностей. «...Закон и *сущность* понятия однородные (однопорядковые) или вернее, одностепенные, выражающие углубление познания человеком явлений, мира etc.» (29, 136). Через посредство научных законов люди осуществляют бесконечный процесс углубления познания от явлений к сущности.

Законы науки находятся в многообразных и сложных отношениях и связях, что отражает взаимосвязь объективных законов самой действительности. Понятия, используемые человеком, отмечает В. И. Ленин, «должны быть также обтесаны, обломаны, гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир» (29, 131). Очень важны для человеческой практики те законы науки, которые отображают объективные причинно-следственные связи, поскольку закон есть «отношение *сущностей* или между сущностями» (29, 138). Взгляд Ленина на объективную категорию *причинности* особенно ярко выражен в его комментариях по поводу тех соотношений между причинностью, взаимодействием и целесообразностью, которые установил Гегель.

Гегель высказал ряд глубоких соображений о диалектике причины и следствия, а также о недостаточности механического понятия причинно-следственной связи. При этом он попытался «снять» механическую, а по сути дела, природную причинность как якобы в принципе ограниченно-«рассудочную», заменив ее причинностью духовной как «разумной» и подлинно диалектической. Гегель как бы забыл свои собственные слова о том, что и в механике есть своя диалектика, а предикат «духовности» еще не служит гарантией подлинно диалектического понимания вопроса. «Снятие» механической, т. е. линейной, жестко однозначной и односторонне действующей, каузальности (причинности) и замену ее каузальностью немеханической Гегель попытался конкретизировать с помощью понятия взаимодействия: «*Взаимодействие* есть поэтому лишь сама причинность; причина

не только *имеет* некоторое действие, но в действии она как *причина* соотносится с самой собой»¹. С другой стороны, Гегель заменил причинность взаимодействием, так как всякая причинность конечна, а взаимодействие бесконечно, ибо оно есть воздействие духа самого на себя. Духовное же воздействие неизбежно оказывается у Гегеля телеологическим. Итак, перед нами выступает телеологическое развертывание духом своего собственного содержания: будущее состояние духа, т. е. развитая идея, определяет все свои прошлые состояния.

В. И. Ленин учитывает эту двойственность позиции Гегеля и усматривает рациональное зерно только в первой из двух сторон этой позиции: «Каузальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи, но (материалистическое добавление) частичка не субъективной, а объективно реальной связи» (29, 144; см. 29, 146), а именно: «Причина и следствие, ergo (следовательно.—*Ред.*), лишь моменты всемирной взаимозависимости, связи (универсальной), взаимосцепления событий, лишь звенья в цепи развития материи» (29, 143). Это всеобщее взаимодействие выражается посредством понятия линейной и необратимой каузальности «лишь односторонне, отрывочно и неполно» (29, 143). Не сводится оно и к обратному влиянию следствий на носителей причин. Всякая каузальность познается нами неполно, и полнота ее познания возрастает лишь постепенно. Одна из ступеней на пути этого познания — функциональная связь. Субъективные идеалисты и позитивисты извращают ее смысл и противопоставляют ее причинности, тогда как при правильном ее понимании функциональная связь иногда бывает определенным «видом причинности» (29, 471).

В то же время В. И. Ленин указывает на то, что *цели* человека, представляющиеся Гегелю чем-то изначально духовным, а обыденному познанию — чем-то чуждым природе, совершенно субъективным, в действительности «порождены объективным миром и предполагают его» (29, 171). Касаясь проблемы целей в плане исторического материализма и его «зерен, зародышей» у Гегеля, Ленин высоко оценивает его слова о том, что в своих орудиях человек обладает властью над внешней природой, тогда как в своих целях он скорее подчинен ей

---

¹ Гегель. Наука логики. М., 1971, т. 2, с. 223.

(см. 29, 172). Обыденный взгляд на вещи представляет это соотношение совершенно противоположным образом, но Гегель сумел распознать более глубокий слой истины, что приближало его к зачаткам исторического материализма, если под «природой» понимать социальную «природу» в смысле общественных отношений. Ленин отмечает, что целеполагание всегда имеет определенные объективные каузальные источники, которыми определяется и его реализация. «Неисполнение целей (человеческой деятельности) имеет своей причиной... то, что реальность принимается за несуществующее... что не признается ее (реальности) объективная действительность» (29, 199).

*Теория
и практика*

Значительное внимание в «Философских тетрадах» В. И. Ленин уделил диалектической категориальной паре «теория» и «практика». Он выделяет четыре функции практики: практика есть (1) цель познания и (2) определитель того, что именно в познании нам требуется, она — (3) основа всей познавательной деятельности людей и (4) критерий истинности наших знаний. Уже Гегелем было верно подмечено «единство теоретической идеи (познания) и практики — это NB (заметьте. — *Ред.*) — и это единство именно в теории познания...» (29, 200; см. 29, 193). Учение о практике и ее функциях включается марксизмом в теорию познания, а в аспекте собственно социального познания — и в исторический материализм. Но законы внешнего материального мира «суть основы *целесообразной* деятельности человека» (29, 169), его практики, они определяют практику, а она, в свою очередь, все более изменяет этот мир, перестраивает его в интересах людей, так сказать, очеловечивает. Поэтому учение о практике является важной составной частью марксистской философии в целом, а не только теории познания.

Законы объективного мира определяют возможности практики, диапазон выдвигаемых человеком целей и способов их достижения; при этом практика сталкивается с противодействием со стороны внешнего мира, встречает «затруднения в осуществлении» цели, преодолеваемые творческой деятельностью людей, и даже натывается на «невозможность» (29, 196). Материальная действительность в конечном счете «выше» любой практики, она бесконечна и неисчерпаема; в свою очередь, **«практика выше (теоретического) познания**, ибо она

имеет не только достоинство всеобщности, но и непосредственной действительности» (29, 195).

Противопоставление объективного мира и практики относительно: именно через практику сознание «не только отражает объективный мир, но и творит его» (29, 194), т. е., как разъясняет далее В. И. Ленин, преобразует материальную действительность в соответствии с человеческими планами и знаниями. Ленин указывает здесь на активный, творческий характер практики. Человек через практику воплощает в жизнь *«стремление реализовать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя»* (29, 194). Таким образом, необходимо соединение познания и практики: из практики вырастает знание, и вместе с тем «результат действия есть проверка субъективного познания и критерий истинности объективности» (29, 200) знания. В целом путь познания включает три ступени: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины*, познания объективной реальности» (29, 152—153).

Теория познания марксизма-ленинизма несовместима ни с каким шаблоном и догматизмом. Это, в частности, значит, что было бы неверно понимать вышеприведенные слова В. И. Ленина в том смысле, будто рациональное познание («абстрактное мышление») резко отделено от практически-чувственного (как и теоретическое — от эмпирического) хронологической и логической «стеной»: всегда имеют место их взаимопереплетение и взаимопереходы. Нет места догматизму там, где истина понимается как адекватное соответствие знания объективной действительности, ее фактам, а критерием истины служат результаты практики, добытые ею факты. И здесь для Ленина образцом метода развития теории всегда был «Капитал» Маркса. «Проверка фактами *respective* (соответственно.— *Ред.*) практикой,— отмечал Ленин один из методологических уроков «Капитала»,— есть здесь в *каждом* шаге анализа» (29, 302).

Для В. И. Ленина вопрос о теоретическом познании — это вопрос о диалектическом соотношении различных уровней познания объективного субъектом с его средствами, о соотношении рационального и чувственного, теоретического и эмпирического и вообще о структуре субъективной диалектики в свете отношения ее к действительности и к другим уровням познания.

Первобытный человек еще не переживает себя как субъекта, практически, а тем более теоретически, «не выделяя себя из природы» (29, 85), но этот процесс неуклонно происходит в деятельности человека общественного, и ступеньками такого выделения служат понятия теоретического мышления, которые, если они верны, отражают природу все более глубоко, и в этом им содействуют категории как «узловые пункты в сети, помогающие познавать ее и овладевать ею» (29, 85). В зависимости от уровня развития практика имеет различную степень активно-преобразующего воздействия, причем не только теоретическое, но и чувственное отражение по своей познавательной роли (полноте, точности, всесторонности, достоверности) зависит от включенности его в практику. Адекватность чувственных образов и теоретических знаний может быть осмыслена и обоснована лишь в пределах того уровня, до какого поднялась практика, в которую они вплетены. Отделять отражение от практики, противопоставлять ей и подменять ею, как это делали в начале века прагматисты и махисты, а в 60-х гг. ревизионисты из группы «Праксис», означает совершать глубокую ошибку. В самом теоретическом познании имеются относительно разные уровни, на каждом из которых взаимодействие с чувственным познанием в разных его формах (восприятия, образы памяти, представления и т. д.) происходит по-разному и уже не так, как на начальном уровне.

Категории диалектической логики суть моменты познания человеком природы, законы ее — следующий уровень отражения объективного в субъективном сознании людей. В субъективном, но не субъективистском, хотя и это бывает. «Конечный, преходящий, относительный, условный характер человеческого познания (его категорий, причинности и т. д. и т. д.) Кант принял за *субъективизм*, а не за диалектику идеи (=самой природы), оторвав познание от объекта» (29, 189).

Как уже отмечалось, «человеческие понятия субъективны в своей абстрактности, оторванности, но объективны в целом, в процессе, в итоге, в тенденции, в источнике» (29, 190). Объективна даже кажимость, поскольку в ней скрыта некоторая сторона явлений объективного мира, а для познания она становится объективной тогда, когда проявляется механизм ее образования именно как кажимости. Это пояснение обогащает наше знание о действительности и о процессах ее познания, недаром *«бога-*

че всего *самое конкретное* и *самое субъективное»* (29, 212). Итак, отличие субъективного от объективного только относительно, что находит отражение в структуре практики, в ходе которой происходит превращение идеального в материальное.

Это хорошо видно на законах и фигурах формальной логики, а тем более на принципах и законах логики диалектической. «В логике история мысли *должна*, в общем и целом, совпадать с законами мышления» (29, 298), а законы мышления — с наиболее общими связями самой действительности. В. И. Ленин выявляет следующую диалектическую особенность логики познания объективного субъективным: логические структуры отражают, конденсируют в себе структуру практической деятельности людей, а именно: «...практика человека, миллиарды раз повторяясь, закрепляется в сознании человека фигурами логики. Фигуры эти имеют прочность предрассудка, аксиоматический характер именно (и только) в силу этого миллиардного повторения» (29, 198; см. 29, 172). Через посредство структуры практики познается структура самого объективного мира. «Самые обычные логические «фигуры»... суть... самые обычные отношения вещей» (29, 159). Однако совпадение структур познания, практики и внешнего мира имеет место только в общем приближении, между ними существуют и различия, которые надо учитывать.

В. И. Ленин отнюдь не считал теорию познания марксизма вполне законченной. В «Философских тетрадах» намечена широкая и перспективная программа разработки теории познания и материалистической диалектики. В эту программу входят дальнейшее исследование и обогащение системы категорий, изучение особенных форм действия и методологического применения законов диалектики, разработка методологических выводов из исследования истории всех наук, в особенности истории познания и философии. К этому Ленин добавляет необходимость изучения истории развития высшей нервной деятельности у детей и животных, а также психологии, физиологии органов чувств и высшей нервной деятельности. Наконец, Ленин ставит задачу научного изучения исторического и современного опыта общественной борьбы, истории наук (в том числе естествознания) и истории техники (см. 29, 131, 143, 314). Теория диалектики и философия в целом не могут развиваться лишь в рамках своего собственного внутреннего содержания.

*Две концепции
развития*

Среди материалов «Философских тетрадей» в теоретическом отношении особенно важен фрагмент «К вопросу о диалектике».

Придавая дальнейшему развитию марксистского диалектического метода исключительно большое значение и понимая диалектику как «алгебру революции» (см. 21, 256), В. И. Ленин в 1914—1915 гг. начал подготовку к написанию специального труда по диалектике. Замысел этот остался не доведенным до конца. Подготовительными работами Ленина к этому труду стали и «Философские тетради», центральным ядром которых явился знаменитый фрагмент «К вопросу о диалектике», возникший «на пересечении» теоретической и практической политической проблематики.

Отправной теоретический пункт диалектического учения — это идея всеобщего развития. Движение и развитие всеобщие, и метафизику трудно отрицать их полностью, тем более в XIX в., когда возник дарвинизм. Однако типичной позицией метафизически ориентированного мышления даже в век успехов биологии оставалось признание механического движения в качестве универсальной формы движения. На этой основе развитие понималось плоско эволюционистски, как увеличение и уменьшение, а не как процесс, ведущий через противоречия к возникновению нового. Из понятия развития исключалась необходимость возникновения и уничтожения, превращения одних явлений в другие. В свете огромных успехов науки к XX в. идею развития в таком усеченном и деформированном виде признали даже многие реакционеры и консерваторы от философии вроде «умеренных» спенсерианцев, не говоря уже о буржуазных реформистах и ревизионистах марксизма. В. И. Ленин писал по поводу подобного «признания» концепции развития: «С «принципом развития» в XX веке (да и в конце XIX века) «согласны все». — Да, но это поверх».

ностное, непродуманное, случайное, филистерское «согласие» есть *того рода* согласие, которым душат и опошляют истину» (29, 229).

В XX в. в отличие от XIX в. центр споров о методе переместился с вопроса о том, признать или не признать факт развития, на вопрос: как его понимать? В этих условиях В. И. Ленин определяет диалектику как самое всестороннее, богатое содержанием и наиболее глубокое учение о развитии и раскрывает это определение, выделяя в диалектике вообще и в диалектической концепции развития в особенности как главное, как ее ядро закон единства и борьбы противоположностей.

В фрагменте «К вопросу о диалектике» В. И. Ленин характеризует коренную противоположность между метафизической и диалектической концепциями развития, наметившуюся еще в античной философии. Центральный пункт различия между этими концепциями Ленин видит в решении проблемы источника развития. В первой концепции «остается в тени *«само*движение, его *двигательная* сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится *во вне* — бог, субъект etc.» (29, 317). Во второй концепции «главное внимание устремляется именно на познание *источника «само*движения. Первая концепция мертва, бледна, суха» (29, 317). Это «ходячая идея эволюции» (26, 55). «Вторая — жизненна. *Только* вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового» (29, 317). Критика В. И. Ленина в адрес первой концепции развития не в бровь, а в глаз бьет реформистов. Однако элементы эволюции в диалектическом их понимании, т. е. когда они берутся в реальном их взаимодействии с революционными «скачками», входят неотъемлемо и во вторую концепцию развития.

Решающее значение в освоении диалектики В. И. Ленин придает признанию и точному пониманию механизма действия противоречий как внутреннего источника и движущей силы развития. Противоречия, обуславливая процесс развития, в ходе этого процесса развиваются сами. Более того, развитие объектов следует рассматривать как развитие их противоречий, развертывание этих противоречий и переход их на новые уровни (в новые стадии) действия. Для познания развития необходимо «раздвоение единого и познание

противоречивых частей его» (29, 316); изучение этого метода составляет центральную задачу диалектической логики в ее конкретном действии. В теоретическом же решении этой задачи необходимо опираться на уроки истории всех наук. При этом сама диалектическая логика должна выработать систему собственно диалектических закономерностей, опираясь не на упрощенно-поверхностные индуктивные обобщения истории научного познания, а на ее всестороннее творческое изучение. В этом одна из причин того, что В. И. Ленин настойчиво выступает против сведения диалектики как науки к сумме примеров, ибо хотя они указывают на разнообразие случаев и необходимы для подтверждения и «для популярности» (29, 316), но ими содержание теории диалектики ограничено быть не может.

Основное направление разработки В. И. Лениным диалектической логики, как и диалектики в целом, и подход к этой проблематике в фрагменте «К вопросу о диалектике» определялись новыми историческими условиями развития философии и науки. Метафизики XX в., в отличие от метафизиков предшествовавших столетий, активно стали усваивать, но опять же в метафизически искаженной форме, отдельные элементы диалектики в понимании развития природы и общества; эту же тенденцию они продолжили и в области теоретического мышления, как, например, английские «абсолютные идеалисты». Противники марксизма в это время охотно «признают» гибкость, движение, взаимопереход понятий, как будто «соглашаясь» с коренным требованием диалектики. На деле же они используют «диалектическую» фразеологию, как софисты. Ленин, ведя борьбу против метафизического образа мышления, направил главный огонь критики против лжедиалектической софистики буржуазных идеологов и их приспешников в рабочем движении как новой и наиболее опасной формы борьбы метафизиков против материалистической диалектики. Если гибкость понятий, примененная идеалистически субъективно, превращается в свою противоположность — в эклектику и софистику, то «гибкость, примененная *объективно*, т. е. отражающая всесторонность материального процесса и единство его, есть диалектика, есть правильное отражение вечного развития мира» (29, 99).

Образцом подлинного диалектического мышления и разоблачения софистической фальсификации диалек-

тики явилась борьба В. И. Ленина против социал-шовинистов по вопросу о характере первой мировой войны. Рассматривая эту войну как продолжение империалистической политики господствующих классов главных капиталистических держав, Ленин определил ее как войну захватническую, империалистическую для обеих сторон. (В статьях «Под чужим флагом», «Крах II Интернационала», «Софизмы социал-шовинистов» и других Ленин подверг разоблачению «теории», выдвигавшиеся социал-шовинистами в целях оправдания позиции «собственной» буржуазии в войне и тем самым в целях ее поддержки.)

Один из основных софизмов социал-шовинистов, который они «подкрепляли» ложными ссылками на К. Маркса и Ф. Энгельса, состоял в следующем. Не желая и помышлять о ближайшей перспективе социалистической революции, которая грозила спутать карты империалистам обоих блоков, они объявляли единственными практическими вопросами следующие: «Какой из двух империалистических блоков одержит победу?», «Успех какого блока более желателен?» Они ссылались на то, что Маркс в ряде случаев ставил, казалось бы, аналогичные вопросы применительно к войнам XIX в. в Европе. Германские социал-шовинисты, с одной стороны, русские и французские — с другой, давали на софистически поставленные ими вопросы диаметрально противоположные ответы, оправдывая позиции «своей» буржуазии в войне. «Софизм этих рассуждений, — писал В. И. Ленин, — состоит в том, что совершают подмен, ставя прежнюю, давно минувшую, историческую эпоху на место настоящей» (26, 184).

К. Маркс действительно при оценке войн XIX в. исходил из вопроса: «Успех буржуазии какой страны был бы желательнее?» Но это имело место в период, когда войны в Европе велись объективно за исторически прогрессивные цели: против отживших феодальных порядков, за государственное объединение складывавшихся буржуазных наций, за национальное освобождение от чужеземного господства. Империалистическая война, начавшаяся в 1914 г., преследовала, однако, совершенно иные, захватнические цели, которые ставили перед собой ее участники с обеих сторон. Оппортунисты использовали подход, выработанный марксизмом для прежних исторических условий и правильно эти условия отражавший, но механически перенесли его на совер-

шенно иные условия, т.е. субъективистски применили марксистский подход как шаблон. Вообще их софистика явилась следствием догматического, шаблонного и, по сути дела, глубоко метафизического подхода к событиям. Разумеется, этот подход был и следствием их измене классовому делу пролетариата.

Другой излюбленный тезис новейших софистов в оправдание войны, в особенно четкой форме выраженный Г. В. Плехановым, был таков: «На нас напали, мы защищаемся». Это рассуждение повторяло версию официальной пропаганды, твердившей об империалистических целях противника, но скрывавшей аналогичные цели правящих классов собственной страны. Ленин писал о Плеханове: «В благородном деле подмена диалектики софистикой Плеханов побил рекорд» (26, 222—223). Действительно, в основе его рассуждения лежит заведомо односторонний, софистический подход, выхватывающий ту сторону империалистического противоречия, которая «удобна», и умалчивающий о другой его стороне, которая «неудобна».

*Диалектика
движения
противополож-
ностей*

В фрагменте «К вопросу о диалектике», где рассмотрены многие проблемы, в том числе функции категорий абсолютного и относительного, абстрактного и конкретного, логического и исторического, всеобщего, особенного и единичного, а также проанализировано соотношение метафизической и диалектической концепций развития, в центре внимания В. И. Ленина находится закон единства и борьбы противоположностей в различных его аспектах, в том числе вопрос о переходе объекта в свою противоположность. Этот переход является внутренним «подтекстом» развития противоречия в целом, так как противоречие зарождается в своей исходной «клеточке», развивается, преломляется через иные категории диалектики в столь же конкретном их действии и, наконец, разрешается, порождая другие противоречия данного объекта.

Как на образец научного исследования противоречий, взятых в их динамике, В. И. Ленин указывает снова на «Капитал» К. Маркса. Действительно, Маркс начинает свой анализ с «клеточки» буржуазного общества — товара, вскрывает в акте товарного обмена зародыши всех противоречий капитализма, прослеживает развитие этих противоречий во всех областях экономической жизни и научно предсказывает неизбежность их полно-

го и окончательного разрешения через пролетарскую революцию. Здесь в качестве «клеточки» саморазвития объекта и соответственно «клеточки» его диалектического исследования на пути от абстрактного к конкретному взято «самое простое, обычное, основное, самое массовидное...» (29, 318; см. 29, 160—161) отношение буржуазного общества; при этом «диалектика буржуазного общества у Маркса есть лишь частный случай диалектики» (29, 318). Аналогично должна применяться диалектика для исследования и в иных случаях органически целостных объектов. Именно в период создания фрагмента «К вопросу о диалектике» Ленин работал над трудом «Империализм, как высшая стадия капитализма», а в подготовительных к этому труду «Тетрадах по империализму» делал также и философские выписки. В исследовании об империализме Ленин, продолжая дело Маркса, показывает, как противоречия монополистического капитализма превращаются в ходе развития в противоречия империалистической его стадии; при этом не только углубляются, но и качественно изменяются противоречия между трудом и капиталом, возникают новые противоречия — между метрополиями и колониями, а также между империалистическими державами, борющимися за передел уже переделенного ими мира.

Мысль об исходной «клеточке» саморазвития объекта также использована В. И. Лениным в его труде об империализме, где на основе обобщения, сопоставления и критического анализа колоссального эмпирического и теоретического материала Ленин выделяет расширенно самовоспроизводящуюся «клеточку», всеобщую основу империализма — монополию во взаимосвязи ее основных черт, показывая затем империализм как особую систему экономических отношений зрелого и перерезавшего, позднего капитализма. В «Тетрадах по империализму» особенно наглядно видна связь разработки диалектики как теоретической философской науки с конкретным экономическим анализом и революционно-практическими выводами.

Что касается изложения теории диалектики вообще, то метод такого изложения, согласно В. И. Ленину, должен быть в принципе таким же, как у К. Маркса в «Капитале», в частности в том смысле, что начинать следует с существенной и самовоспроизводящейся элементарной «клеточки» самого метода. Для наглядности

можно начать с любого простого утвердительного предложения («листья дерева зелены»; «Иван есть человек» и т. д.) и показать, что и здесь, как в «клеточке», заложены в зародыше все элементы диалектики. В этом случае термин «клеточка» употреблен в ином смысле: она уже не может быть источником расширения самовоспроизводящихся противоречий данного объекта (теории диалектики, национального языка, его грамматики). Здесь «клеточка» означает простейшую составную часть. Действительно, уже в простейшем суждении отдельное («Иван») диалектически ставится в органическую связь с общим («человек»); «...отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное» (29, 318). Говоря о «тождественности» этих противоположностей, Ленин имеет в виду их взаимообусловленность и своего рода «переход» одной из них в другую. Общее существует в конечном счете через отдельное, т. е. конкретно-единичное, и через связи между разными единичностями, а каждое отдельное, в свою очередь, не существует в метафизической изоляции, оно связано с общим и черты своей конкретности приобретает благодаря не только индивидуальным особенностям, но и сопричастности их общему. Связь между общим и отдельным реализуется через особенное, которое не есть всего лишь то же самое общее, но лишь на «более низком» уровне. Категория «особенное» очень важна. Она указывает на то, что действие общего не сводится к сумме примеров, но модифицируется на различных уровнях, изменяется, проявляется своеобразно, действует специфически. Отдельное, или конкретно-единичное, всегда несет в себе определенные черты общего и особенного, связи с ними и отпечаток тех модификаций, которые общее претерпевает в особенном. Наше мышление, вычленив в процессе познания реально существующие общие и особенные связи и закономерности, отбрасывает ряд признаков как случайные и выделяет необходимые.

Вся эта стихийная диалектика, далеко не всегда теоретически осознаваемая, присуща здравому человеческому мышлению в принципе. «...Всему познанию человека вообще свойственна диалектика» (29, 321), — замечает В. И. Ленин. Но сознательное использование диалектики существенно облегчает и более точно направляет путь познания.

Здесь снова встают вопросы революционно-практического применения теории диалектики. Разрабатывая метод материалистической диалектики, В. И. Ленин учитывал, что проблема соотношения общего с особенным и единичным чрезвычайно важна при определении путей перехода различных стран к социализму. Общее, т.е. закономерности революционного преобразования капиталистического общества — через переход власти в руки рабочего класса — в общество социалистическое, может действовать только через революционные процессы в отдельных странах, которые неизбежно отличаются значительной спецификой, своеобразием, особенностями. Важнейший шаг к разработке этой существенной и чрезвычайно актуальной, как подтвердил ход дальнейшей истории, диалектической проблемы был сделан Лениным в теории социалистической революции в годы первой мировой войны. Огромного значения вывод, сформулированный им в статье «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915), о возможности победы социализма «первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой, капиталистической стране» (26, 354) явился гениальным научным предвидением, которое полностью подтвердилось в России в октябре 1917 г.

Разновременность победы социализма означает новый важный диалектический момент в содержании особенностей социалистической революции и всей цепи начинаемых ею глубоких социальных преобразований. Исторический опыт затем показал, насколько важно было это ленинское открытие в области социальной диалектики. Возникновение и рост мирового социалистического содружества в наши дни открывает новые возможности для некапиталистического, а в конечном счете — социалистического пути развития тех ранее отсталых и зависимых стран, которые избирают социалистическую ориентацию. Из диалектики Маркса и Ленина непосредственно следует, что в выборе форм и путей строительства социализма одинаково неверно и опасно как забвение общих закономерностей, так и недостаточно полный учет исторических особенностей данной страны, а также своеобразия новой мировой обстановки.

Важным моментом в разработке В. И. Лениным ядра диалектической теории в фрагменте «К вопросу о диалектике» явилось дальнейшее развитие им тезиса о всеобщем превращении явлений в свою противоположность. «Диалектика есть учение о том,— замечает он,— как

могут быть и как бывают (как становятся) *тождественными противоположностями*, — при каких условиях они бывают тождественны, превращаясь друг в друга...» (29, 98). Таким образом, по Ленину, противоположности в диалектическом противоречии диалектически «тождественны» не всегда, а именно в момент коренного качественного преобразования, когда данное явление или его сторона актуально превращается именно в свою противоположность; чаще всего это происходит тогда, когда противоречие разрешается. При этом среди переходов в противоположность отмечаются такие моменты диалектического процесса, когда имеет место переход не одной стороны противоречия в другую, но всего объекта — в противоположное прежнему состояние. Вообще превращение в противоположность происходит по-разному и возможно, как указывает Ленин, лишь при определенных условиях, возникающих в результате всего предшествующего процесса развития. Но Ленин иногда вкладывает в термин «тождественность» сторон диалектического противоречия и иной смысл, имея в виду всегда им присущее диалектическое единство¹ и взаимообусловленность. Тем более эта «тождественность» возникает при предельном развитии каждой из сторон противоречия. Но и это не последний из смыслов, придаваемых Лениным данному термину.

«Тождественность» сторон противоречия имеет место и тогда, когда противоречие едва лишь наметилось; стороны его едва лишь выделились; в этих условиях противоположность между его сторонами еще не достигла стадии заметного диссонирующего различия. Кроме того, абстрактная возможность превращения в противоположность в принципе может стать реальной возможностью, но это совсем не значит, что, например, в случае социальных противоречий ее можно всегда считать уже реальной возможностью. Попытки подобного рода — следствие внеисторического подхода к объективному процессу; они связаны с метафизической абсолютизацией нашей способности воздействовать на этот процесс. Такой подход подрывает подлинные эвристические и прогностические функции диалектики, поскольку способствует волюнтаризму и авантюристическим действиям.

---

¹ Термины «тождество» и «единство» «в известном смысле оба верны» (см. 29, 316—317).

Волюнтаризм в политике выражается не только в том, что ставятся несбыточные цели, но и в том, что абстрактная возможность выдается за реальную, а реальная — за немедленно реализуемую, хотя конкретно условия для этого еще не сложились. Волюнтаризм бы- вает свойствен не только явным реакционерам, но и революционно настроенным «ультралевым», которые пытаются «перепрыгнуть» через еще не исчерпавшие себя этапы объективного исторического процесса. Последующие события показали это воочию. Так, в апреле 1917 г. некоторые большевики предлагали взять прак- тический курс на вооруженное восстание, хотя объек- тивные и субъективные условия для него еще не со- зрели. Ситуация в России в 1917 г. изменялась быстро: уже в сентябре — октябре победоносное восстание стало реальной возможностью. Осознание этой возможности и ставка партии большевиков на вооруженное восстание привели к превращению возможности в действитель- ность, тогда как в апреле установка на немедленный захват власти была бы ошибочной.

В трудах В. И. Ленина периода первой мировой империалистической войны и кануна социалистической революции в России содержатся замечательные образ- цы стратегии и тактики марксистской партии, опирав- шейся на «конкретный анализ конкретной ситуации». Теоретические разработки «Философских тетрадей», и в том числе фрагмента «К вопросу о диалектике», по- служили при этом методологической основой разрабо- танных Лениным установок и решений.

Одним из наиболее острых и сложных вопросов являлся тогда вопрос о характере мировой войны, о со- четании в ней империалистических и национально-осво- бодительных моментов, о возможном существенном изменении ее характера и в этой связи о характере других возможных войн в эпоху империализма. Извест- ная полемика В. И. Ленина с Розой Люксембург по этому вопросу является образцом подлинно диалекти- ческого ленинского подхода, неразрывно сочетающего в себе теорию и практику. Пытаясь подвести теоретиче- скую базу под свою нигилистическую установку в на- циональном вопросе, «Юниус» (псевдоним Р. Люксем- бург) утверждал, что в эпоху империализма уже вообще не может быть национально-освободительных войн: на- чавшись как национально-освободительная, всякая вой- на в этих условиях якобы обязательно должна превра-

титься в войну империалистическую, поскольку она затронет интересы конкурирующих между собой империалистических держав.

«Разумеется,— отвечал на это В. И. Ленин,— основное положение марксистской диалектики состоит в том, что все грани в природе и в обществе условны и подвижны, что нет *ни одного* явления, которое бы не могло, при известных условиях, превратиться в свою противоположность. Национальная война *может* превратиться в империалистскую и *обратно*» (30, 5). Но на том основании, что одна по своему характеру война может превратиться в другую, нельзя стирать различия между ними. Ленин указывал далее на то, что из реальной в общем возможности превращения одного в другое вовсе не следует, что это превращение обязательно будет иметь место в данном случае, в данных конкретных условиях. Стереть разницу между возможностью и действительностью может только софист. «Диалектика не раз служила— и в истории греческой философии — мостиком к софистике. Но мы остаемся диалектиками, борясь с софизмами не посредством отрицания возможности всяких превращений вообще, а посредством конкретного анализа *данного* в его обстановке и в его развитии» (30, 6).

Р. Люксембург и другие «левые» того времени заблуждались, полагая, что в эпоху империализма национально-освободительные войны более уже невозможны. Предвидение В. И. Ленина о том, что национально-освободительные войны возможны не только в колониях и полуколониях, но и в капиталистически развитой Европе, впоследствии полностью оправдалось. Вторая мировая война приобрела для народов Европы, поднявшихся на борьбу против германско-итальянского фашизма за свою жизнь и свободу, национально-освободительный характер. Ныне за свое освобождение от империализма борются многие народы, поскольку на место колониализма пришел неоколониализм. В ряде случаев эта борьба становится вооруженной.

Как учит диалектика, во всех случаях необходимо исходить из реальной действительности, учитывая ее своеобразие и тенденции ее развития и на этой основе выявляя конкретно реальные возможности борьбы прогрессивных сил и нашей инициативы в этой борьбе. В условиях первой мировой войны ее империалистический для обеих сторон характер стал свершившимся

фактом. Конкретной возможности превращения этой войны в национально-освободительную в 1915—1916 гг. не появилось. Реальной возможностью тех лет, на которую указывали В. И. Ленин и большевики, исходя из которой они и определяли свою политическую линию, была возможность превращения войны империалистической в свою диалектическую противоположность — в гражданскую, классовую войну.

Глубоко диалектическим должно быть при выработке политики революционной социал-демократии и отношение к буржуазной демократии, чего не хватало в рассуждениях Р. Люксембург в ее полемике с К. Каутским. В. И. Ленин писал: «Возможно, что одно явление превратится в другое — и наша тактика не застывает» (49, 348). Политику как «искусство возможного» нужно строить на действительных фактах и на учете реальных возможностей, вместе с тем имея в виду, что при изменении условий сегодняшняя абстрактная «возможность» может завтра превратиться в возможность реальную; а так как граница между ними подвижна, то при изменении условий возможен и обратный переход.

Важнейшим моментом творческого развития В. И. Лениным диалектики как концепции развития явилась дальнейшая разработка им учения о единстве и борьбе противоположностей в борьбе против «теории равновесия», сторонники которой являются одними из главных противников диалектики в вопросе об источнике развития. (Здесь под термином «единство» имеется в виду всякое состояние взаимообусловленности между сторонами диалектического противоречия на любой фазе его развития.) «Теория равновесия» в XX в., и особенно в ее современных вариантах (в том числе оформленных внешне на материалистический манер), в отличие от аналогичной теории Г. Спенсера конца XIX в., уже не отрицает ни единства противоположностей, ни даже их борьбы между собой, не отрицает существования противоречий, конфликтов. Более того, она охотно их признает, но по-своему перетолковывает, выдвигая в этой связи в качестве основного представление о постоянном «динамическом равновесии» общества с внешней средой, т.е. окружающей природой, а внутри общества — о «динамическом равновесии» классовых сил. Социальное «равновесие», с точки зрения такого понимания, может испытывать временные нарушения, но эти

«эксцессы» всегда должны преодолеваются во имя «единства нации», сохранения «стабильности» социальной структуры. Оппортунизм в рабочем движении, как известно, не отрицает факта классовой борьбы, но полностью подчиняет ее лозунгу «единства нации», особенно во времена войны или военной опасности, но также и в остальные отрезки исторического процесса.

В. И. Ленин подверг критике «теорию равновесия» еще в период борьбы с махизмом. Основные идеи этой теории прямо вытекали из так называемой «всеобщей организационной науки» — «тектологии» А. А. Богданова, где все внимание было сосредоточено на механизме функционирования организованных систем (что само по себе является реальной проблемой). Заимствованные им в этой связи из механики представления Богданов шаблоном перенес на живой организм и на общество. «Теорию равновесия» он противопоставил и диалектике вообще, и теории классовой борьбы в особенности¹.

Представление о динамическом равновесии систем содержит в себе определенную долю истины. Все дело в том, допустимо ли в каждом данном случае удовлетвориться этой долей истины, т. е. упрощением и огрублением реальности. Научное представление о динамическом равновесии в природе, между обществом и природой и внутри общества правомерно, но вопрос здесь в том, как именно охарактеризовать равновесие функционально, какое значение, роль и пределы действия ему придавать. В. И. Ленин рассматривает равновесие как существенный момент в борьбе противоположных сил и тенденций, действующих и внутри данной системы, и в отношениях ее с окружающей средой. Без относительного покоя и без равновесия нет его диалектической противоположности — определенного движения. Но отношение взаимопротивоположностей не сводится к равновесию, пусть к динамическому, и последнее имеет место далеко не на всех этапах развития противоречий². Относительное равновесие достигается противо-

---

¹ Современная буржуазная социология, например структурно-функциональная школа Т. Парсонса, также уповает на равновесие и устойчивость буржуазного общества, расценивая классовую борьбу как нарушение «нормальных» условий его функционирования, как «дисфункцию».

² С другой стороны, равновесие может возникать и в ходе взаимодействия относительно внешних в отношении друг друга сил, взаимосвязь которых может быть чрезвычайно далекой и опосредствованной многими звеньями длинной цепи зависимостей.

положностями в определенный момент их «борьбы» друг с другом, а именно, когда противоборствующие силы временно оказываются равными, когда наступает момент «равнодействия» их друг на друга. Этот момент равного (по силе) действия сил, тенденций является переходным от доминирования одной противоположности к доминированию другой. Ленин обозначил этот момент как временную «тождественность», «равенство» противоположностей по их величине и значению. Именно в этом (особом, частном) смысле термин «тождественность» был, по-видимому, употреблен Лениным в широко известной формуле: «Единство (совпадение, тождество, равнодействие) противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие, движение» (29, 317).

Это важнейшее ленинское положение, относящееся и к объективному миру, и к процессу познания, иногда разъясняют в том смысле, что единство противоположностей относительно и временно, так как оно всегда есть данное единство, т.е. данное качественное состояние предмета, явления, и что при переходе от старого качества к новому единство исчезает, в то время как борьба торжествует и в этом смысле она абсолютна. Однако неверно полагать, будто только развитие противоречий само по себе есть движущая сила прогресса, а их разрешение, имеющее одной из предпосылок диалектическое «совпадение» их сторон, такой роли не играет; ведь нет одного без другого, и само разрешение прежнего противоречия есть основа возникновения новых противоречий, хотя новые противоречия могут появиться и оттого, что вовремя не разрешены прежние. В старом качественном состоянии предмету, явлению были свойственны свои противоположности и определенный вид борьбы между ними, т.е. вид противоречия, свойственного данным противоположностям. При переходе в новое состояние изменяются, становятся качественно новыми и данный предмет как определенное единство противоположностей, и сами эти противоположности, и единство между ними. Поэтому как единство, так и борьба противоположностей в этом смысле в одинаковой мере и абсолютны (ибо не исчезают полностью), и относительны (ибо постоянно изменяют свою форму), и взаимообусловлены (ибо являются условием друг друга).

Для точного понимания смысла указанного ленинского положения следует иметь в виду, что, употребляя здесь термин «единство» как синоним тождества, совпадения, равнодействия, В. И. Ленин пишет об относительности «тождества» и об абсолютности «борьбы» противоположностей примерно в том же смысле, в каком покой, равновесие относительны, а движение абсолютно; при этом следует иметь в виду, что «тождество» противоположностей не есть их покой. Иначе говоря, здесь к соотношению противоположностей применено по аналогии решение диалектикой общей проблемы соотношения движения и покоя.

В ходе борьбы противоположностей непрестанно происходит изменение «соотношения сил» противоположных сторон. Одна из них до определенного времени является ведущей или же доминирующей стороной противоречия, но в ходе борьбы они могут поменяться местами, т.е. сторона, которая была прежде ведомой или подминирующей, становится, наоборот, господствующей и ведущей. Подобного рода изменение в соотношении взаимопротиворечивых сил предполагает прохождение через момент относительного равновесия, равнодействия противоположностей. Если бы все противоположности были всегда «равны» друг другу, равнодействовали, уравнивали друг друга, то движения вообще не было бы.

В этой связи возникает новый, более широкий момент значения ленинского положения. «Тождественность» противоположностей не только в частном, узком смысле как равенство, равнодействие сил, но и как сохранение данных противоречий есть временный, переходящий и в этом смысле относительный момент, в то время как «борьба» противоположностей абсолютна, она остается в принципе источником и сущностью исторического развития. Процесс образования и преодоления противоречий через «борьбу» противоположностей бесконечен, в нем нет последнего звена, которое остановило бы всякое дальнейшее движение и прекратило развитие.

В антагонистическом обществе господствующие и угнетенные классы суть противоположности. В истории не раз рост сил угнетенных общественных классов приводил к революции, в ходе которой эти классы становились господствующими и нередко служили главным «материалом» для образования нового господствующего класса, а прежние господствующие классы, как прави-

ло, в конечном счете вообще прекращали свое существование в социальном смысле. Относительное равенство сталкивавшихся сил оказывалось большей частью непродолжительным, условным, временным, релятивным моментом борьбы между ними, которая в итоге и приводила к смене одной общественно-экономической формации другой.

В октябре 1905 г. в России наступил момент временного равновесия сил, который Ленин охарактеризовал так: «Царизм *уже не* в силах,— революция *еще не* в силах победить» (12, 5). Известно, что это равновесие было непродолжительным: первая русская революция потерпела поражение. С февраля по июнь 1917 г., в период двоевластия, также сложилось известное равновесие сил между Советами и Временным правительством, т.е. рабочими и крестьянами, с одной стороны, буржуазией и помещиками — с другой. Двоевластие, как известно, закончилось в начале июля 1917 г. переходом власти в руки буржуазии, чтобы через несколько месяцев уже окончательно завершиться новым «переходом в свою противоположность» — победой пролетариата.

Признание равновесия как временного момента борьбы противоположностей коренным образом отличается от метафизической «теории равновесия», которая этот момент абсолютизирует, увековечивает, превращает в некое «нормальное» состояние. Для подлинной диалектики равновесие противоположностей существенно в том смысле, что оно несет в себе отрицание самого себя: оно представляет собой переломный момент борьбы, через который совершается переход противоположностей в свои собственные противоположности (противоположные состояния).

Таким образом, имеет место относительность единства, тождества, равнодействия противоположностей при абсолютном характере борьбы противоположностей как источника движения и развития и как фундаментальной их характеристики.

*Вопросы
диалектики
в истории
познания.
«Круги»
в философии*

К. Маркс и Ф. Энгельс показали, что материалистическая диалектика как наука — это теория не только общих диалектических закономерностей всей действительности, но и диалектических связей и отношений человеческого познания.

Эта сторона и часть диалектической теории также получила, как мы видели, большое развитие в

ленинских трудах данного периода. Эти принципиальные вопросы глубоко затронуты и в фрагменте «К вопросу о диалектике».

Диалектика, будучи наукой о наиболее общих законах всякого движения, уже тем самым есть наука о движении отображающего мир человеческого познания. Теория познания — наука о закономерностях познавательного отношения социального субъекта к миру. Но предмету изучения этой науки — процессу познания присущ диалектический характер, и поэтому гносеология может стать подлинно научной лишь на базе материалистической диалектики. Здесь нет и речи об утрате гносеологией своего особенного предмета и о полном ее растворении в теории диалектики или о сведении всей диалектики только к диалектике процессов познания. Согласно В. И. Ленину, диалектика «включает в себя то, что ныне зовут теорией познания, гносеологией», которая изучает, в частности, «переход от незнания к познанию» (26, 55). Именно в этом смысле «диалектика и есть теория познания...» (29, 321).

Одна из задач диалектики познания состоит в изучении специфики действия закона отрицания отрицания в познающем мышлении. Этот закон проявляется в истории познания, в частности в своеобразной закономерности «кругов» развития и смены теоретических систем в истории познания. Именно в наброске «К вопросу о диалектике» В. И. Ленин выдвигает идею, предназначавшуюся им для последующего размышления, — о «кругах» в истории философии, в истории развития человеческой мысли вообще.

Главное методологическое значение образа «круга кругов» состоит в выявлении внутренней логики поступательного противоречивого историко-философского процесса, т. е. в раскрытии истории философии как диалектически сложного процесса становления и развития научной философии. Сама философская теория марксизма, если ее рассматривать как систему категорий, также представляет собой ряд «кругов» (витков), разных уровней связи категорий.

Образ «круга кругов» призван помочь понять внутреннюю связь звеньев исторического восхождения философской и вообще научной мысли. Хронологический порядок этапов процесса развития философии не дает полного представления о действительной истории этой науки. Изображение этого процесса в виде прямой ли-

нии поступательного развития в принципе неверно, ибо скрадывает наличие двух основных философских направлений, а схема двух как бы параллельно развивающихся процессов также ошибочна, ибо она затушевывает борьбу между материализмом и идеализмом. Но и сама эта борьба происходит не просто в виде некоего «взаимоотталкивания». В. И. Ленин подчеркивает необходимость учитывать при характеристике этого процесса гораздо более сложное взаимодействие и преемственность разных систем, а также как относительное возвращение к исходным и ранее пройденным ступеням, но уже на более высоком уровне зрелости их содержания, так и наличие на «кругах» развития «точек роста» качественно новых идей и выводов. Все это в совокупности превращает сочетание «кругов» в сложную спираль (см. 29, с. 321—322).

В. И. Ленин обращает внимание на то, что уже в античной философии наметилась противоположность материализма (Демокрит) и несущего в себе важные элементы диалектики идеализма (Платон), тогда как в философии Гераклита мы найдем «снятие» того и другого через предвосхищение будущего диалектического синтеза материализма и диалектики. Возникающая таким образом триада представляет собой также и «круг» в смысле витка спирали, следующие витки которой охватывают философию XVII и последующих веков. Завершающий синтез в истории философии нового времени реализуется уже вполне четко: метафизический материализм (Гольбах и Фейербах) и диалектический идеализм (Гегель) отрицаются высшей ступенью философского мышления — диалектическим материализмом (Маркс) (см. 29, 321).

Таким образом, в действительности в истории философии имеет место не только прямая конфронтация материализма и идеализма, казалось бы, с «параллельным» развитием каждой из двух основных философских традиций, но и диалектическое взаимодействие, в результате которого материализм, критикуя идеализм, обогащается его же диалектическими достижениями, хотя и материализм сделал значительный исторический вклад в развитие диалектики еще до возникновения марксизма (Гераклит, Дидро, Герцен, Чернышевский).

религии. Прежние материалисты (иногда и некоторые марксисты) склонны были с порога отвергать рассуждения идеалистов, не анализируя, чем именно порождаются их ошибочные воззрения на соотношение мышления и бытия, а то и считая эти воззрения за простую «выдумку». Ленин учит вскрывать как социальные, так и гносеологические причины, которые в своем взаимодействии порождают ошибочные воззрения. Критика идеализма и религии будет неполной и недостаточно действенной, если не учитывать гносеологические корни этих воззрений, которые вырастают из сложности и противоречивости процесса познания и, по сути дела, из непонимания диалектики познания.

«Философский идеализм,— писал В. И. Ленин,— есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизичного. Наоборот, с точки зрения *диалектического* материализма философский идеализм есть *одностороннее*, преувеличенное... развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть (*«вернее» и «кроме того»*) *дорога к поповщине через один из оттенков* бесконечно сложного *познания* (диалектического) человека.

Познание человека,—развивает далее эту мысль В. И. Ленин,—не есть (respective (соответственно.— *Ред.*) не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее *закрепляет* классовый интерес господствующих классов). Прямолинейность и односторонность, деревянность и окостенелость, субъективизм и субъективная слепота voilà (вот.— *Ред.*) гносеологические корни идеализма. А у поповщины (=философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет*, бесспорно, но пустоцвет, растущий на живом дереве, живого, плодотворного, истинного, могучего, всеильного, объектив-

ного, абсолютного, человеческого познания» (29, 322).

Так, субъективный идеализм сенсуалистского толка, например, утверждает, что мир есть ощущение. Существует ли гносеологический исток этого ложного идеалистического взгляда и каков он? Мы действительно не имеем иного пути для получения сведений о вещах, как через ощущения; ощущения, вплетенные в практическую деятельность, в ходе ее приобретаемые и обогащающиеся, суть чрезвычайно важный элемент, они представляют собой основу познания, без них нет контакта мышления с миром. Но если гипертрофировать, преувеличить эту сторону познания, то ощущения как бы закроют собой, заслонят не только все другие этапы и средства познания, но и саму познаваемую вещь. Именно так возникает идеалистический сенсуализм, который признает существующими лишь наши ощущения и ничего «за» ними и вне их.

Другой пример. Абстрактное мышление является, как известно, высшей ступенью человеческого познания, но если «раздуть», преувеличить эту сторону процесса познания, то также открывается прямая дорога к идеализму и религии. Об одном из путей преувеличения роли общих понятий В. И. Ленин писал в связи с критикой Аристотелем платоновского учения об идеях: «Идеализм первобытный: общее (понятие, идея) есть *отдельное существо*. Это кажется диким, чудовищно (вернее: ребячески) нелепым. Но разве не в том же роде (*совершенно* в том же роде) современный идеализм, Кант, Гегель, идея бога? Столы, стулья и *идеи* стола и стула; мир и идея мира (бог); ведь и «нумен», непознаваемая «вещь в себе»; связь земли и солнца, природы вообще — и закон, λόγος (логос.— *Ред.*), бог. Раздвоение познания человека и *возможность* идеализма (=религии) *даны* уже в *первой, элементарной абстракции...*» (29, 329—330). Ленин приводит пример такой абстракции: «дом» вообще и отдельные дома.

Наши общие понятия о столах и стульях соответствуют тому существенному и общему, что свойственно данным классам вещей в их единстве, но если преувеличить абстрагирующую роль разума и приписать этим понятиям самостоятельное существование, то получится, что идеи в мире существуют до вещей. Таков платоновский объективный идеализм.

Путь к идеализму через гипертрофию рационального момента в познании может быть и несколько иным.

Человеческий разум обладает творческой способностью, что заметил уже Аристотель. Даже в простейшем ремесленном производстве сначала существует некоторый план действий, а потом уже осуществляется практическое достижение поставленной цели. Тем более очевидна творческая роль разума, далеко опережающего практические действия, в наш век бурного развития науки и техники. Но если эту сторону отношения человека к природе гипертрофировать, то можно прийти к ложному выводу, будто бы мысль предшествует действию, а действие — природе, т. е. что будто бы некий «вселенский разум» сотворил мир, подобно тому, как наша голова сначала идеально творит то, что затем материально выполняют руки.

Спиралевидный характер развития философской мысли, являющийся одним из проявлений закона отрицания отрицания, отчасти проявляется в том, что «умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм» (29, 248). Здесь имеется в виду соотношение между диалектическим идеализмом, с одной стороны, диалектическим и метафизическим материализмом — с другой. Объективный диалектический идеализм Гегеля «частью даже превратился» (29, 250) в материализм. До некоторой степени это может быть сказано и об идеализме Платона (см. 29, 255). С другой стороны, идеализм деформирует диалектику, внося в нее моменты метафизики. «Сторонник диалектики, Гегель, не сумел понять *диалектического* перехода от материи к движению, от материи к сознанию — второе особенно» (29, 256).

В. И. Ленин связывает воедино гносеологические корни, источники идеализма и религии с их социально-классовыми корнями, указывая, что теоретические заблуждения закрепляются классовыми интересами господствующих общественных классов. Эти классовые интересы, таким образом, превращают возможность идеализма в действительность. Положения Ленина о гносеологических и социально-классовых корнях идеализма явились обобщением борьбы марксизма против враждебных материализму и диалектике философских течений прошлого и настоящего времени, развитием и углублением содержания принципа партийности философии, сформулированного в труде «Материализм и эмпириокритицизм», а также выводов о естественно-научных предпосылках идеализма. Механизм действия

гносеологических корней идеализма, как обнаруживается, тоже обладает диалектической природой: здесь происходит переход в свою противоположность диалектических моментов процесса познания, складывающегося (в том числе и в истории философии) из отдельных отрезков и оттенков, каждый из которых в своей отдельности тяготеет к завершенности, а значит, и абсолютизации, вступающей в конфликт с общим направлением развития. Диалектическая мысль как «живое, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности» (29, 321) — таково содержание сущности всемирно-исторического познавательного процесса.

В. И. Лениным была дана характеристика двух важнейших видов новейшей софистики: (а) крайне односторонний и гипертрофирующий подход к анализу сторон, факторов, моментов и т. д. рассматриваемого процесса; (б) подмена конкретных исторических условий данного явления, т. е. тех внешних его связей, без которых оно не может быть вполне верно понято, ссылкой на условия существенно иного по качеству исторического периода. Встречаются и другие виды софистики.

В противоположность софистике диалектика требует всестороннего и исторически конкретного подхода как ко всем сторонам данного явления, т. е. к внутренним факторам его развития, так и к его связям и опосредствованиям. В. И. Ленин часто повторяет ведущую мысль о том, что истина всегда конкретна и что диалектика требует конкретного анализа конкретных ситуаций. Замечательным примером такого всестороннего, подлинно диалектического подхода может служить ленинское определение империализма. Если бы было необходимо дать наиболее краткое его определение, отмечает Ленин, то вот оно: империализм есть монополистическая стадия капитализма. Это указывает на его историческое место в развитии данной, т. е. капиталистической, общественно-экономической формации. «Но слишком короткие определения хотя и удобны,— замечает Ленин,— ибо подытоживают главное,— все же недостаточны, раз из них надо особо выводить весьма существенные черты того явления, которое надо определить» (27, 386). Исходя из этого, Ленин далее указывает на пять основных признаков империализма, раскрывая их взаимосвязь, причем все четыре вытекают

именно из первого, главного признака: господства капиталистических монополий. Однако вытекают не благодаря обычной, формально-логической дедукции, но посредством сочетания ряда приемов диалектической конкретизации. Осмысление этих приемов было подготовлено проведенным в книге «Материализм и эмпириокритицизм» различением между кратким определением понятия (в данном случае понятия материи) и раскрытием всего основного содержания этого понятия. (Так же в отношении понятия капитала поступает в «Капитале» К. Маркс.)

Этот подход, соединяющий всесторонность охвата явления с выделением главного, решающего в данных условиях признака этого явления, типичен для диалектической логики как руководства к действию. Формулируя свое ставшее классическим определение общественных классов, В. И. Ленин также начинает его с главного признака классов, указывая на то, что они различаются по месту, занимаемому ими в исторически определенной системе общественного производства. Из этого решающего признака вытекают все остальные, характеризующие классовые различия у разных классов со всех основных сторон (см. 39, 15).

Таким образом, в «Философских тетрадах» в единстве с другими своими трудами эпохи мирового кризиса капитализма 1914—1916 гг., оказавшегося также кризисом в развитии рабочего движения и социал-демократии, В. И. Ленин существенно обогащает диалектику марксизма, в том числе такую ее важнейшую сторону и часть, как диалектическая логика, осуществляя это в самой непосредственной связи с решением практически-политических задач, с выработкой правильной тактики Коммунистической партии в сложнейших и быстро меняющихся условиях бурной эпохи. Собственно философские труды Ленина этого периода и его политические и экономические произведения должны поэтому рассматриваться в тесном единстве. Фрагмент «К вопросу о диалектике» суммировал и обобщил философскую сторону всего творчества Ленина в один из наиболее сложных периодов политического развития в Европе XX в., будучи нацелен на методологическое применение философии к политической социальной практике, к делу пролетарской революции.

РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

*Роль истории
философии
в разработке
теоретических
проблем
философии*

Мысли В. И. Ленина о принципиальных контурах и содержании диалектики как философской науки в «Философских тетрадах» глубоко мотивированы историей познания вообще, историей философии в особенности. Историческая подготовка материалистической диалектики привлекла его самое пристальное внимание. Но это значит, что сама история философии предстает перед творческим взором Ленина по-иному. Она рассматривается им под углом зрения борьбы не только материализма против идеализма, но и диалектики против метафизики, в разрезе проблем внутренне закономерного процесса становления материалистической диалектики.

Для теоретических исследований В. И. Ленина в «Философских тетрадах», построенных на материале истории философии, и для его подхода к последней характерен ряд особенностей.

Прежде всего это последовательное и строгое соблюдение принципа партийности философии, настойчивое проведение материалистической точки зрения, решительная борьба против всяких отступлений от нее.

Ревизионисты немало рассуждали о том, будто бы в «Философских тетрадах» В. И. Ленин «отказался» от принципа партийности философии, сформулированного им в «Материализме и эмпириокритицизме». В действительности же отношение Ленина к идеализму и его мысли в «Философских тетрадах» о чертах метода критики идеализма являются дальнейшим развитием принципа партийности, разработанного в книге «Материализм и эмпириокритицизм». В ней он сделал важный вклад в разработку марксистской концепции истории философии, выработав классификацию видов материализма в условиях XIX—XX вв. и очертив основные вехи истории позитивизма, при этом материалистиче-

ская точка зрения в философии была проведена им со всей решительностью. Требование «побывать в стране противника», раскрыть историю и предысторию его склада мышления, выявить те проблемы, на нерешенности которых спекулирует данная форма идеализма, довести анализ до выявления социально-классовой мотивации и действительного социального смысла рассматриваемой философской концепции — все эти идеи получили конкретизацию и дальнейшее разностороннее развитие в «Философских тетрадах» на большом историко-философском материале.

В противоположность Гегелю, нападавшему на материализм, В. И. Ленин подчеркивал здесь достоинства материализма, его традиционно тесную связь с наукой, просвещением, гуманизмом, его антирелигиозную и нравственно возвышающую человека направленность. Воинствующая партийность в философском анализе органически соединена с высшей объективностью, и, если ее противопоставлять последней, она превращается в свою противоположность — в пристрастный субъективизм. С целью усиления позиции нового, диалектического, «умного» материализма должны быть учтены слабости и просчеты старого материализма, вместе с тем следует решительно подвергать критике всякую вульгаризацию материализма и принижение его исторической роли. С другой стороны, анализ идеализма, особенно классического, необходимо довести и до выявления его сильных сторон, и до раскрытия его достижений, т. е. содержащихся в нем «рациональных зерен», с тем чтобы использовать их в демистифицированном, очищенном от идеализма виде. Таковы основные моменты ленинского понимания партийного отношения к философским традициям, которые с большой глубиной реализованы в «Философских тетрадах».

Особенностью историко-философских исследований В. И. Ленина в «Философских тетрадах» является и то, что его критические замечания в адрес идеалистов и метафизиков перерастают в развернутое изложение результатов коренной переработки содержания исследуемых концепций. Ленин стремится не просто отвергать ложные концепции и положения, но исправлять их и противопоставлять им истинные (см. 29, 161). «Исправляющая», конструктивная критика, творческое положительное преодоление неверной точки зрения являются тем методологическим средством, пользуясь которым

он формулирует качественно новые выводы, развивает далее материалистическую диалектику как философскую науку.

Еще одна особенность историко-философского подхода В. И. Ленина в «Философских тетрадах» состоит в непримиримом отношении к вульгаризации, огрублению и упрощению исследуемого материала. В наиболее концентрированном виде взгляды Ленина по этому вопросу содержатся в его замечаниях на книгу В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западноевропейской философии. От Декарта до Э. Маха» (1908), которую Ленин прочитал, видимо, сразу же после ее выхода в свет, а значит, одновременно с окончанием работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом». Ленин выступил против непосредственной «накладки» структуры философского учения того или иного буржуазного мыслителя на картину классового строения капиталистического общества, когда идеологи буржуазии изображались как теоретики «организации» производства, причем не проводились исторические различия политической роли буржуазии и роли ее идеологов в разные эпохи, не выявлялся, например, прогрессивный характер борьбы последних против религиозно-идеалистической идеологии феодализма.

Случаи подобного упрощенного подхода к истории философии есть и в наши дни: так называемые «новые философы» во Франции конца 70-х гг. Б. А. Леви и К. Жамбе утверждают, что всякая философия во все времена и эпохи имеет чисто политическое содержание, непосредственно оправдывает существующие порядки и все философы всюду и везде стремятся к тому, чтобы «властвовать» над народом, стоя бок о бок с политическими лидерами, которые держат власть в своих руках, или пытаются во что бы то ни стало «дорваться» до нее¹.

Рассматривая историко-философский процесс, В. И. Ленин в качестве одного из образов выявления его механизма использует, как уже отмечалось, модель «круга кругов», т. е. спирали. Огромный теоретический интерес представляют и конкретные замечания его по поводу отдельных периодов и философских систем в истории философии.

---

¹ Lévy B.-H. La barbarie à visage humain. P., 1977, p. 151.

Вслед за К. Марксом В. И. Ленин отмечает, что в философской мысли Древней Греции были намечены все главные моменты, которые позднее оказались развернутыми в истории познания. Ленинский конспект лекций Гегеля по древнегреческой философии и конспект книги Лассалья о Гераклите имеют особо важное теоретическое значение для изучения диалектики и ее истории.

Характеризуя Гераклита как одного из основоположников диалектики, В. И. Ленин вводит его в первый «круг» философии, для которого учение Гераклита составляет как бы замыкающее звено. Это позволяет уловить общий дух древнегреческой философии, ее идущую рука об руку с глубокой мудростью свежую наивность, которая так восхищала Ленина (на полях выписок он заметил: «прелестно»). В целом в схеме уже первого «круга» рельефно обозначены две основные философские линии — материализма и идеализма (Демокрита и Платона).

Но кроме того, в структуре первого «круга» зафиксировано то, что в истории античной философии обозначились две концепции развития: диалектическая и метафизическая. «...Превращение одни понимают в смысле наличности мелких качественно-определенных частиц и роста (respective (соответственно.— *Ред.*) уменьшения) [соединения и разъединения] их. Другое понимание (Гераклит) — превращение *одного* в *другое*» (29, 241). В качестве ведущей нити развития здесь выделяется органическая связь материализма и диалектики, образом единства которых явилось творчество Гераклита. Гераклит уже наметил смутно несколько моментов диалектического противоречия: единство и взаимопереход противоположных различий, действий и проявлений; противоречие как движущая сила развития. По поводу знаменитого гераклитовского положения о едином космосе, который не создан никем из богов и из людей, а представляет собой живой, закономерно воспламеняющийся и закономерно угасающий огонь (это связано с энергичным выдвиганием Гераклитом на первый план идеи движения, становления, метаморфозы), В. И. Ленин пишет: «Очень хорошее изложение начал диалектического материализма» (29, 311).

В дошедших до нас фрагментах из Гераклита выражена связь движения с противоречивостью вещей, присущей самой их сущности. Отрицание вещи находится

в ней самой как самоотрицание, небытие, порождаемое бытием и в него же вновь возвращающееся. Гераклитом впервые была выражена в отличие от пифагорейцев глубочайшая мысль о подвижном противоречии как внутреннем единстве, взаимообусловленности, взаимопереходе и борьбе противоположностей. Недаром, определяя ядро, суть диалектики в фрагменте «К вопросу о диалектике», В. И. Ленин буквально воспроизводит приписываемую Гераклиту формулировку.

Прикованность философствования Гераклита к непосредственному созерцанию не позволила ему (и вообще всей древнегреческой философии) дойти до сознательно-теоретического понимания диалектики. Эту мысль В. И. Ленин высказывает в фрагменте «К вопросу о диалектике», а затем в конспекте «Метафизики» Аристотеля. Имея в виду идею тождества бытия и небытия, он замечает: «...подошли к ней греческие философы, но не сладили с ней, с диалектикой» (29, 326). Диалектика Гераклита есть непосредственное усмотрение диалектики, ее запрос, поиск, но это еще не теория диалектики.

Сжатый, но исключительно содержательный ленинский конспект «Метафизики» Аристотеля раскрывает такие особенности философии Стагирита, как его колебания между идеализмом и материализмом, беспомощная, но проникнутая «прелестными по наивности вопросами» путаница вокруг основного вопроса философии, преломленного через проблему соотношения понятия (общего) и конкретной вещи (отдельного). «У Аристотеля *везде* объективная логика *смешивается* с субъективной и так притом, что *везде видна* объективная» (29, 326).

Очертив сильные и слабые стороны наивной диалектики древних греков, В. И. Ленин отмечает момент, важный для программы исследований сознательной, теоретической диалектики, которая может строиться и развиваться лишь на основе обобщения всей истории познания, в том числе истории философии. Это касается того, что уже в первом «круге», где диалектика представлена в форме наивной диалектики, опирающейся на наивное созерцание, в виде потенции, «задано *все*, все категории» (29, 325). У древних греков особенно ценны «именно приемы постановки вопросов, как бы *пробные системы...*» (29, 326).

Следующий историко-философский «круг», намеченный В. И. Лениным, включает диалектика-дуалиста

Р. Декарта, метафизического материалиста П. Гассенди и материалиста Б. Спинозу, в учении которого появились значительные диалектические моменты. «Круг» философии XVII в. намечен В. И. Лениным предварительно, как вариант для последующего обдумывания. Можно предположить, что, когда Ленин возвратился бы вновь к этому вопросу, он внес бы в этот вариант коррективы, например, включив в «круг» Лейбница. Ведь в конспекте книги Фейербаха о Лейбнице Ленин особо выделил все места, в которых обрисованы диалектические моменты учения Лейбница о монадах: «Тут своего рода диалектика и очень глубокая, *несмотря* на идеализм и поповщину» (29, 70).

*Немецкая
классическая
философия*

Особенно важным, и по ленинскому наброску весьма сложным, «кругом» явился третий, ярчайшими представителями методологических противоположностей в котором указаны сначала Гольбах и Гегель, затем Гегель и Фейербах и, наконец, эти два домарксистских философа, с одной стороны, и Маркс — с другой. При этом внутри идеалистической линии, увенчанной творчеством Гегеля, обрисовалась своя особая, наиболее здесь резкая, антитеза между Кантом и Гегелем.

В философии Канта впервые были поставлены многие глубокие проблемы диалектики. Перенесение им центра тяжести философского анализа на проблему активности познающего субъекта имело огромное значение, открывая путь к изучению диалектики процесса познания. Но у Канта активность субъекта замыкается на нем самом, лишая познание подлинно объективного содержания. Многие теоретики II Интернационала увидели образец теории познания в гносеологии кантианского типа и, отрицая наличие в марксизме собственной теории познания, требовали соединить марксизм с кантианством. Привлекли их и возможности неокантианской этики для оправдания отказа от революционной политики и для утверждения реформизма и оппортунизма. И они присоединились к пресловутому лозунгу «Назад к Канту!». Когда В. И. Ленин показывает, что диалектика К. Маркса и есть теория познания, в том смысле, что она конституирует основные принципы и положения последней, это ленинское положение также разоблачает неокантианскую ревизию марксизма. Только материалистическая диалектика раскрывает процесс

познания как обусловленный предметным миром через посредство общественно-исторической практики, которая одновременно и связывает субъекта с этим миром, и выделяет его из него.

У Канта имелись определенные подходы к диалектике познания, что особенно видно в его учении об антиномиях чистого разума. В. И. Ленин отмечает то важное положение Канта, что противоречия в мышлении возникают неизбежно, что познающее мышление внутренне противоречиво не случайным образом, а необходимо. И потому «большая заслуга *Канта*, что он у диалектики отнял «den Schein von Willkür» («кажимость произвольности». — *Ред.*)» (29, 89). Однако для Канта противоречия познающего мышления никоим образом не свидетельствуют о наличии так или иначе отражаемых в них противоречий внешнего мира; первые, по Канту, суть лишь симптом и доказательство основного его тезиса о невозможности познания «вещей в себе».

В «Философских тетрадах» главное внимание в связи с Кантом В. И. Ленин обратил на критику его агностицизма. Он указывает, что подлинная логика познания должна быть построена как теоретический вывод из познавательной деятельности общественного субъекта, как теоретическое обобщение коллективного процесса познания на протяжении всей истории человечества, процесса, происходящего на основе деятельного освоения мира.

С сочинениями Гегеля В. И. Ленин познакомился задолго до «Философских тетрадей». «Науку логики» Гегеля он читал еще в сибирской ссылке, а работая над «Материализмом и эмпириокритицизмом», просматривал логическую часть «Энциклопедии философских наук». В 1914—1915 гг. Ленин занялся подробным конспектированием основных сочинений Гегеля. Он тщательно выделяет из идеалистической «шелухи» учения Гегеля рациональное, материалистическое в своей тенденции «зерно», решительно критикуя в то же время его идеализм. Заслугу Гегеля в истории диалектики Ленин видит главным образом в том, что он, хотя и на почве идеализма, всесторонне развивает диалектику «как самое всестороннее, богатое содержанием и глубокое учение о развитии...» (26, 53), создав концепцию внутреннего единства диалектики, логики и теории познания, хотя она и была доведена им до ложного тезиса

об их идеалистическом тождестве. Вместе с тем гегелевскому идеализму Ленин решительно противопоставляет материалистическую позицию: категории мышления суть «выражение закономерности и природы и человека...» (29, 83).

В. И. Ленин критически отнесся к истолкованию Гегелем закономерностей научного познания. Диалектика, считал Гегель, есть внутренняя характеристика процесса познания, и потому она есть и логика, взятая в ее действительном содержании, и структура самого объективного мира. Но Гегель свел всю объективную диалектику к диалектическому движению понятий и лишь «угадал» в диалектике понятий диалектику вещей. Ленин, считая, что диалектика коренится в самой материальной действительности, указывает, что, когда она «ухвачена», то выступает как ключ к познанию «всех процессов мира в их *самодвижении*», в их спонтанном развитии, в их живой жизни...» (29, 317).

Диалектическое единство и в этом смысле «совпадение» диалектики, теории познания и логики намечает абрис «логики, в коей формы были бы... формами живого, реального содержания, связанными неразрывно с содержанием» (29, 84). И Гегель много верного подметил в диалектических законах развития мира, оказавшим этим определенное влияние на Маркса. В связи с этим Ленин подчеркивает: «Нельзя вполне понять «Капитала» Маркса и особенно его I главы, не проштудировав и не поняв *всей* Логики Гегеля. Следовательно, никто из марксистов не понял Маркса 1/2 века спустя!!» (29, 162). Ленину, как и Марксу и Энгельсу, было ясно, что в законах и формах диалектической логики мы имеем приблизительно верное отражение существенных материальных связей и отношений внешнего мира.

Гегелевское положение о логике как теории познания было основано на утверждении идеалистического тождества бытия и мышления, совершенно совпадающих по диалектической структуре их содержания. Идея тождества объективного мира по его сущности с абсолютной идеей является, конечно, идеалистической, но и в рамках ее философия Гегеля иногда превращается, по словам В. И. Ленина, в поставленный на голову материализм. Следует, говорил Ленин еще раньше, в «Материализме и эмпириокритицизме», отсесть «идеалистическую косу», т. е. представление о таком логическом мышлении, которое будто бы существует вне,

помимо и до реальной действительности, а значит, употребляя выражение Маркса, надо «перевернуть» Гегеля с головы на ноги, т. е. «читать Гегеля материалистически» (29, 93). Однако такое «перевертывание», в понимании Ленина, не очень-то просто, оно не сводится к некой чисто механической операции, ибо идеализм, проникая в содержание логики, искажает и деформирует ее. С другой стороны, материалистические рациональные «зерна» очень тесно сращены с идеалистической «шелухой»: указанное Энгельсом противоречие между методом и системой у Гегеля Ленин обнаруживает как противоречие внутри самого гегелевского метода, поскольку положения последнего содержат в себе и идеалистическую трактовку диалектики, и замечательные материалистические догадки, тем самым иногда делая такой «умный» идеализм «ближе» к диалектическому материализму, чем материализм метафизический (29, 215, 248).

Сказанное не означает, конечно, что ныне материализм будто бы возникает «из» идеализма или имеет его своей причиной. Ведь В. И. Ленин предупреждает, что логика в ее гегелевском виде не может быть использована марксизмом, ее надо в процессе долгой и сложной работы очистить от «мистики идей», «из нее *надо выбрать* логические (гносеологические) оттенки...» (29, 238). Это целая программа долгой и интенсивной теоретической деятельности.

Материалистическая диалектика по самому существу своему противоположна идеалистической диалектике Гегеля, а рациональные моменты последней, как показывает В. И. Ленин, могут быть выявлены только с более высокой позиции — позиции диалектического материализма. Только отсюда раскрывается подлинный исторический смысл как замечательных достижений, так и огромных просчетов философии Гегеля. В том числе и в области взглядов на историю человеческого общества, где Ленин выявляет и отдаленные подходы Гегеля к историческому материализму, и глубоко идеалистические искажения существа исторического процесса (см. 29, 171—173, 186).

Оценивая отдельные философские системы, В. И. Ленин дает нам образцы марксистского историко-философского исследования. Скрупулезный анализ философских источников сочетается здесь со строго объективным, а значит, с последовательно материалистическим

и принципиально партийным подходом к философскому наследию. Так, критикуя идеализм Гегеля, Ленин связывает эту критику с критикой идеализма вообще, используя выводы и уроки своей критики Маха и его единомышленников в «Материализме и эмпириокритицизме» (см. 29, 240). А изучая «Лекции о сущности религии» Фейербаха, Ленин особенно выделяет те места, где раскрываются основы философского материализма вообще, и подчеркивает заслуги Фейербаха в принципиальном разоблачении гносеологических корней религии и идеализма.

Вместе с тем В. И. Ленин глубоко характеризует слабости и недостатки учения Фейербаха, как и других предшествующих марксизму материалистических учений, показывает, в чем состоит их ограниченность и как ее преодолевает марксизм.

Ленинский конспект книги Фейербаха «Лекции о сущности религии» характеризует исторический переход от идеалистической диалектики Гегеля к материалистической диалектике Маркса. Но этот переход представляет собой диалектическое звено в самом важном историко-философском «круге», соединенное с предшествующим и последующим звеньями через глубокие перерывы постепенности. Фейербахом было положено начало критике идеализма Гегеля, и В. И. Ленин особо отмечает те места, которые посвящены у Фейербаха этому вопросу. Содержание ленинского конспекта концентрируется в основном вокруг следующих основных пунктов: 1) достижения Фейербаха в обосновании фундаментальных принципов материализма и в критике религии; 2) неполнота, узость материализма Фейербаха; 3) сопоставление фейербаховского материализма с качественно иной и несравненно более высокой философской точкой зрения Маркса и Энгельса. Все эти пункты выпукло выступают при разборе центральной идеи Фейербаха о сущности человека и его отношении к им же самим созданным иллюзиям. Указанные пункты связаны с тремя принципиальными слабостями старого материализма, о которых у Ленина идет речь в статье «Карл Маркс», — механицизмом, общей метафизичностью и абстрактно-натуралистическим пониманием деятельности человека в обществе (см. 26, 53). Человек интересовал Фейербаха в принципе не только как чисто биологическое существо, и демократические устремления Фейербаха не были лишены даже некоторой поли-

тической направленности, поскольку он был сторонником буржуазно-демократической республики, но социальность человека он понимал очень абстрактно, а политический темперамент у него отсутствовал. В философии Фейербах страстно отстаивает материализм и даже осознает недостаточность чисто теоретической точки зрения, считая нужным дополнить теорию точкой зрения практики, однако понимает практику то крайне туманно, то очень узко и не видит ее действительного значения для становления человека и развития жизни общества. Признание культурно-исторического момента в оценке явлений общественного сознания, сочетаемое с искренним демократизмом, обусловило сильные стороны феербаховской критики религии и в некоторой мере даже зачатки материалистического понимания им истории. В своем конспекте «Святого семейства» Ленин жирной чертой отчеркнул слова Маркса и Энгельса о том, что Фейербах «завершил» критику религии и «наметил основные черты» критики гегелевского и вообще всякого идеализма (см. 29, 33).

Но антропологизм Фейербаха обнаруживает свою слабость как раз в отношении истории. «И антропологический принцип и натурализм суть лишь неточные, слабые описания *материализма*» (29, 64). Человек, из понятия которого исходит Фейербах, есть абстрактное, внеисторическое существо, сущность которого определяют лишь органические потребности, в том числе вытекающие из принадлежности к тому или иному полу. С методологической точки зрения неспособность Фейербаха понять сущность человека конкретно-исторически объясняется недооценкой им диалектики. Существенно ограничен и взгляд Фейербаха на общественно-исторический процесс: сущность современного этапа общественной жизни он видит лишь в борьбе с религией, в ее искоренении и создании новой религии — «религии любви» человека к человеку. Религия, говорит Фейербах, противоречит современной культуре, и «устранение этого противоречия есть необходимое условие возрождения человечества, единственное условие... нового человечества и нового времени. Без него все политические и социальные реформы тщетны и ничтожны»¹. Здесь налицо идеалистическое утверждение об опреде-

---

¹ Фейербах Л. Избранные философские произведения. В 2 т. М., 1955, т. 2, с. 733.

ляющей роли религии в историческом процессе. Призывы Фейербаха стать «политическими материалистами», логически «обосновать коммунизм» остались лишь декларациями, он не смог выйти за пределы буржуазно-просветительской пропаганды.

Слабость Фейербаха особенно сильно бросается в глаза, отмечает В. И. Ленин, если сравнивать его взгляды с той мировоззренческой позицией, на которой уже прочно стояли Маркс и Энгельс к 1848—1851 гг., т. е. ко времени работы Фейербаха над «Лекциями о сущности религии». Однако тот толчок, который Фейербах дал общественной мысли начала 40-х гг. XIX в., не прошел бесследно. Его материализм, критика им идеализма Гегеля и толкование религии как иллюзорного отражения человеческих потребностей стимулировали становление материалистических убеждений Маркса и Энгельса. Но путь к диалектическому материализму они могли пройти только совершенно самостоятельно.

Философия Фейербаха была связующим звеном, составляющим переходный этап от «гегелевского круга» в истории к формированию философии марксизма, в которой нашли свое подлинно научное решение те проблемы, которые остались нерешенными в прошлых «витках» всемирно-исторического процесса. Это звено В. И. Ленин связывал и с деятельностью великих русских революционных демократов, прежде всего А. И. Герцена и Н. Г. Чернышевского. Отмечая «зачаток» исторического материализма в рассуждениях Фейербаха о механизме религиозного отчуждения сознания людей и о роли борьбы угнетенных против угнетателей в смене эпох истории (здесь у Фейербаха намечилось даже свое отрицание отрицания), Ленин помечает: «...ср. Чернышевский» (29, 58). А в труде «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин окончил «Добавление к § 1-му главы IV» словами о том, что Чернышевский в период 50—80-х гг. XIX в. сумел удержаться на уровне последовательного материализма, хотя «не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (18, 384). Оценивая взгляды Чернышевского, Ленин подчеркивает также его революционный демократизм (см. 29, 560).

Процессу формирования философии марксизма В. И. Ленин уделял специальное внимание. Именно он заложил основы научной истории диалектического и исторического материализма.

Следует иметь в виду, что такие важные для понимания истории марксизма труды, как «Экономическо-философские рукописи 1844 года» и «Немецкая идеология», были опубликованы лишь в 30-х гг. XX в. Они остались неизвестны Ленину, как и труд «Диалектика природы». Но, несмотря на это, Ленин с исключительной проницательностью, глубиной и точностью характеризует становление марксизма как философского и политического учения, анализируя в «Философских тетрадах» содержание «Святого семейства» — первого совместного произведения Маркса и Энгельса. Конспект этого сочинения был составлен Лениным еще в 1895 г. во время его первой поездки за границу. И уже здесь хорошо видно, что молодой Ленин занимает вполне зрелые позиции в отношении материалистического мировоззрения и диалектического метода. Очень меткой является общая ленинская оценка этого сочинения: «Маркс подходит здесь от гегелевской философии к социализму: переход наблюдается явственно — видно, чем уже овладел Маркс и как он переходит к новому кругу идей» (29, 8).

Речь идет прежде всего об идее производственных отношений как базисе, фундаменте всех других общественных связей и отношений. В. И. Ленин называет ее основной идеей всей «системы» К. Маркса. Действительно, как раз здесь находится ключ к материалистическому пониманию истории, ибо среди всех явлений общественной жизни именно область объективных материальных отношений есть та сторона общественной жизни, которая определяет сознание и желания людей. Здесь же заложены основы материалистической диалектики жизни общества. Наконец, здесь теоретический исток главного вывода марксизма — о всемирно-исторической роли рабочего класса как освободителя человечества от эксплуатации и как творца нового общества. Ведь, по мысли Ленина, возникновение всех основных составных частей марксизма протекало взаимобусловленно и в едином процессе, определяясь прежде всего переходом Маркса и Энгельса от революционного демократизма на идеологические позиции революцион-

ного пролетариата. Уже в «Нищете философии» (1847), которую Ленин наряду с «Манифестом Коммунистической партии» считает первым произведением зрелого марксизма, содержится мысль о том, что пролетарии продают капиталистам не свой труд, но рабочую силу, а это — основополагающее экономическое открытие Маркса.

К. Маркс и Ф. Энгельс с позиций материализма подвергли резкой критике мелкобуржуазный индивидуализм младогегельянцев и М. Штирнера, который привел к разновидности «культу героев». Этой критике В. И. Ленин придает огромное значение, тем более что она была методологически и мировоззренчески родственна той борьбе, которую ему самому пришлось вести против субьективной социологии либеральных народников и их эпигонов. Сам конспект «Святого семейства» Ленин сделал в связи с задачами этой борьбы.

В. И. Ленин выделяет знаком «NB» мысль К. Маркса о том, что вместе с основательностью исторического действия растет объем народной массы, делом которой оно является (см. 29, 18). Эта мысль была чрезвычайно важна для практической борьбы в той назревавшей социальной революции, к которой Ленин подготавливал партию и массы. Обобщая позже опыт этой российской революции, он расширил и углубил теоретические и практические представления об активности масс в историческом процессе. В борьбе с ультралевыми течениями Ленин подчеркивал, что социалистическую революцию можно осуществить только при активном участии самых широких народных масс.

Другой момент, который выявляет В. И. Ленин в критике К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Святом семействе» младогегельянцев, — это анализ истоков фактической консервативности их воззрений, прикрывавшейся внешне революционным характером их рассуждений и утверждавшей пассивность и косность народных масс. Эти истоки состоят в том, что младогегельянцы сводили все практические проблемы только к их осознанию и определенному перетолкованию. Маркс и Энгельс считали, напротив, что решение животрепещущих проблем общественного развития находится в сфере реального политического действия, что одни лишь идеи сами по себе, не претворенные в реальную революционную деятельность масс, никогда не выводят за пределы того общественного строя, осознанием которого или даже пониманием того, что он изжил себя, они являются.

Следует заметить, что в конспекте «Святого семейства» В. И. Ленин выписал ряд мест, касающихся проблемы отчуждения (см. 29, 11—13, 15, 18, 36—37), что тесно связано с выявлением гуманистического содержания марксова мировоззрения.

Исторический подход к различным этапам самой истории развития марксизма — один из важных заветов В. И. Ленина. Ленинский историзм нацелен не на прошлое, а на будущее. Материалистическая диалектика в ленинском понимании есть концепция, сознающая свою собственную историчность, способная к самокритике и к действительному историческому развитию, — в этом смысле слова это «открытая» для прогресса система философских воззрений, ибо она не замыкается в жестких доктринерских рамках, но верна тем основополагающим положениям, которые были открыты Марксом и Энгельсом. Она способна творчески освоить качественно новый исторический материал, которого ранее не было. Способность марксистской философии к теоретическому освоению в ее собственных рамках и на ее собственной основе нового эмпирического материала обеспечивает, в частности, конкретизацию и развитие метода изучения всей истории познания, в том числе и собственно философского; она непрерывно обогащает само понимание сущности и общего содержания историко-философского процесса.

История философии, таким образом, является важным проявлением диалектики в ее социально-историческом аспекте. Но продолжение дела К. Маркса по развитию материалистической диалектики как теории и метода должно состоять, по убеждению В. И. Ленина, выраженному им в ряде мест «Философских тетрадей», в диалектической обработке всей истории человеческого труда и борьбы, а не только истории мысли. Понимаемая в свете этих ленинских идей, диалектика теоретически подытоживает всю историю человеческой деятельности и выступает как мировоззренческая и методологическая основа ориентации революционной практики на достижение высшей гуманистической цели: коренное преобразование мира на коммунистических началах.

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ

*Философские
вопросы
естествознания
в работах
1911—1914 гг.*

В. И. Ленин исследовал философско-методологические и социальные аспекты естественных наук также и после выхода в свет «Материализма и эмпириокритицизма». При этом он особо подчеркивал следующие взаимосвязанные моменты, а именно, что: 1) существует единство философского материализма и естественных наук и отсюда — истории материалистической философии в ее борьбе с идеализмом и истории наук; 2) новейшие открытия в области наук в принципе подтверждают правоту диалектико-материалистической философии; 3) данные естествознания обогащают законы и категории диалектического материализма; 4) все частные науки, в свою очередь, нуждаются в методе материалистической диалектики.

Интерес Ленина к философским вопросам естествознания нашел отражение в ряде его работ 1911—1914 гг. Так, в статье «Наши упразднители» (1911) он отметил принципиальную необходимость освоения данных физического знания для развития законов и категорий диалектического материализма (см. 20, 128). (На современном этапе научно-технической революции возник ряд в принципе новых научных дисциплин — кибернетика, бионика, информатика и т. д., — которые создали иную, чем прежде, теоретико-познавательную ситуацию, стимулируя постановку ряда философско-методологических проблем, связанных не только с естествознанием в узком смысле слова.)

Идея единства материализма и естествознания была вновь подчеркнута В. И. Лениным в работе «Три источника и три составных части марксизма». В статье «Одна из великих побед техники» (1913), посвященной социальным аспектам идеи получения газа под землей из пластов каменного угля, Ленин отметил принципиаль-

ное отличие судеб и последствий научных открытий при капитализме и социализме (см. 23, 94).

В 1914 г. в статье «Карл Маркс» Ленин вновь подчеркнул необходимость систематической разработки законов и категорий диалектики с учетом новейших естественнонаучных открытий. Приводя известное положение Ф. Энгельса: «Природа есть подтверждение диалектики, и как раз новейшее естествознание показывает, что это подтверждение необыкновенно богатое», Ленин обращает внимание читателей на то, что эти строки были написаны Энгельсом «до открытия радия, электронов, превращения элементов и т. п.» (26, 54). Все это еще раз доказывает эвристическую силу философии марксизма.

В том же 1914 г. в работе «Еще одно уничтожение социализма» В. И. Ленин отмечает, что «могущественный ток к обществоведению от естествознания шел, как известно, не только в эпоху Петти, но и в эпоху Маркса. Этот ток не менее, если не более, могущественным остался и для XX века» (25, 41). «Ток», идущий от естественных наук к философии, не только подтверждает философские идеи и положения и обогащает методологический инструментарий познания, но и помогает философии поставить новые мировоззренческие вопросы природы, а также видоизменяет и укрепляет внутренние связи между различными областями философского знания. Происходит и обратное воздействие: отдельные философские положения превращаются в «работающие» на специально научном уровне методологические принципы. Здесь же Ленин отмечает отличие в характере связи естественных и общественных наук с классовыми интересами. «Недаром давно уже сказано, — пишет он, — что если бы истины математики задевали интересы людей (интересы классов в их борьбе, вернее), то эти истины оспаривались бы горячо. Для оспаривания непроборимых истин экономической науки требуется совсем, совсем мало багажу» (25, 46).

*Диалектика
и развитие науки*

В период создания «Философских тетрадей» новейшая революция в естествознании продолжалась в неослабевающем темпе, а попытки идеалистов и позитивистов использовать в своих целях ломку прежних научных представлений о мире не прекращались.

«Философские тетради» и особенно фрагмент «К вопросу о диалектике» дают основание говорить, что

В. И. Ленин, готовясь к написанию специальной работы о диалектике, ясно видел ее необходимую связь с проблемами развивающегося естествознания. Одна из задач, решаемых в «Философских тетрадах» в связи с этим, — развитие категориального строя диалектики с учетом новейших достижений наук о природе. Но в некоторых случаях, и это связано со спецификой «Философских тетрадей», Ленин лишь ставит соответствующую проблему, откладывая ее решение на будущее.

В «Философских тетрадах» имеются конспекты и выписки из большого числа книг, касающихся философских проблем естествознания. Высказывая свое отношение к содержащимся в них концепциям, В. И. Ленин обращает особое внимание на необходимость защиты науки и ее достижений от извращений их идеалистически мыслящими философами. Фрагмент «К вопросу о диалектике» начинается с тезиса о необходимости проверки диалектического учения о противоречиях фактами развития научного знания. «Правильность этой стороны содержания диалектики должна быть проверена историей науки» (29, 316). Ибо, по словам Ленина, «на эту сторону диалектики обычно (например, у Плеханова) обращают недостаточно внимания» (29, 316).

К мысли о необходимости углубления и разработки теории диалектики на базе истории научного познания В. И. Ленин возвращается многократно. Так, анализируя статус причинности в «Науке логики» Гегеля, он отмечает, что «двоякого рода примеры должны бы пояснять это: 1) из истории естествознания и 2) из истории философии» (29, 143). Об этом Ленин пишет и в фрагменте «План диалектики (логики) Гегеля»: «Понятие (познание) в бытии (в непосредственных явлениях) открывает сущность (закон причины, тождества, различия etc.) — таков действительно *общий ход* всего человеческого познания (всей науки) вообще. Таков *ход и естествознания и политической экономики* [и истории]. Диалектика Гегеля есть, *постольку*, обобщение истории мысли. Чрезвычайно благодарной кажется задача проследить сие конкретнее, подробнее, на *истории отдельных наук*» (29, 298). Далее, конспектируя книгу Ф. Лассалья «Философия Гераклита Темного из Эфеса», он перечисляет области знания, которые составляют «эмпирическую» базу теории познания и диалектики, и включает в этот перечень «историю познания вообще», «всю область знания» (29, 314). Те

отдельные частные науки, которые Ленин упоминает после слов «история отдельных наук», наиболее близки к истории познания, могут быть ею использованы наиболее непосредственно.

Конспектируя «Науку логики» Гегеля, В. И. Ленин подчеркивает: «Продолжение дела Гегеля и Маркса должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» (29, 131). Диалектика может конкретно выступать как логика познания только в том случае, если ее законы и категории функционируют как «итог, сумма, вывод *истории* познания мира» (29, 84).

Согласно В. И. Ленину, для развития категорий диалектики совершенно необходимо учитывать результаты развития наук. Эвристическую методологическую значимость такого подхода показала затем вся история развития физики и других наук XX в. В этом отношении характерна судьба категорий «пространство» и «время». В структуре классического естествознания эти категории были абсолютно разведены как друг от друга, так и от материи, и такой взгляд на эти категории был абсолютизирован с помощью прилагательного «абсолютное (пространство)», «абсолютное (время)» и т. д. Однако диалектический подход внес сюда существенную коррекцию, и его развивает философия. «Движение, — пишет Ленин, — есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства)» (29, 231). В связи с этим он высоко оценил мысль Гегеля о единстве этих (и им аналогичных) определений применительно и к собственно физическому аспекту проблемы.

Материалистически перерабатывая диалектические идеи Гегеля, В. И. Ленин связывал диалектику с естественнонаучным знанием, с основными тенденциями в природоведении. Он писал: «Обламывание» и «вывертывание» слов и понятий, которому здесь предается Гегель, есть борьба с абсолютизированием понятия *закона*, с упрощением его, с фетишизированием его. *NB* для современной физики!!!» (29, 135). Сформулированная Лениным задача борьбы с абсолютизированием и фетишизированием классической трактовки понятия *закона* особенно остро встала перед физикой позднее, после создания квантовой механики, когда статистические законы приобрели в теории статус вполне истинных законов.

Обращаясь к философским проблемам естествознания, В. И. Ленин делает общий вывод о том, что пока «у естествоиспытателей узко понятие превращения и нет понимания диалектики» (29, 236). Дальнейшие события в науке подтвердили эту оценку Ленина: достаточно вспомнить полемику вокруг таких основополагающих категорий науки, как материя, реальность, пространство, время и причинность, в связи с возникновением релятивистской механики, а затем — развитием теории элементарных частиц. С развитием науки естествоиспытатели уже сами стали подчеркивать, например, немеханический характер взаимопревращений элементарных частиц¹.

Еще раз обратим внимание на ленинское высказывание о том, что в идеале «вся человеческая практика должна войти в полное «определение» предмета» (42, 290). С новой силой эта мысль В. И. Ленина получила подтверждение в контексте современной теоретико-познавательной ситуации, свойственной квантовой и релятивистской механике, где она актуализировалась в форме проблемы данности предмета. Обнаружилось, что невозможно познать сущность микрообъектов безотносительно к практической, в данном случае приборной, деятельности человека. Но глубочайшая диалектика процесса познания состоит как раз в том, что, несмотря на сказанное, именно деятельность субъекта в науке все более преодолевает субъективность результатов познания, делая знание в конечном счете все более и более объективным. Примечательно то выделение, которое сделал Ленин в книге А. Рея «Современная философия», подчеркнув его слова: «Система Коперника—Галилея гораздо более объективна, так как она упраздняет условия, зависящие от того факта, что наблюдатель помещается на земле» (29, 514). Как известно, преодоление Коперником геоцентристской позиции субъекта познания привело его к преодолению господствовавшей до него космологической картины мира.

Обращение В. И. Ленина к философским проблемам естествознания было связано, в частности, с анализом тех философских систем, в которых диалектическая «обработка» истории научного познания была представлена во многом неверно. Так, высказывание Гегеля, что Эпикур приписывает атомам криволинейное движение

---

¹ См.: Марков М. А. О природе материи. М., 1976.

и «это-де «произвол и скука» у Эпикура», Ленин сопровождает словами: «а электроны?» (29, 266), показывая, что рассуждения Эпикура содержат по мерке современных представлений о строении материи идеи, заслуживающие серьезного внимания. Ленин неоднократно возвращается к той мысли, что «современное естествознание versus (по отношению к.— *Ред.*) Эпикур — против (NB) Гегеля» (29, 267).

Философские проблемы естествознания были специально затронуты В. И. Лениным и при анализе статьи А. М. Деборина «Диалектический материализм», с которой он познакомился, по-видимому, после завершения работы над «Материализмом и эмпириокритицизмом». Ленин сделал в этой связи ряд замечаний, которые, как показало дальнейшее развитие событий, сохранили свою актуальность и позднее, особенно когда Деборин и его сторонники в 20-х гг. попытались истолковать философское содержание теории относительности и квантовой физики. Так, по поводу замечания Деборина о «новом течении в области естествознания» Ленин написал на полях: «Плеханов молчит об этом «новом течении», *не знает* его. Деборин *неясно* его представляет» (29, 532—533). Деборин туманно и неконкретно представлял себе философско-гносеологическую суть новейших открытий в физике, и это привело авторов, следовавших за Дебориным, к противоречивому, по сути дела, ошибочному отношению к теории относительности и квантовой физике.

В. И. Ленин оставил заметки на многих прочитанных им естественнонаучных работах, и они свидетельствуют о его размышлениях над философскими проблемами естествознания и после написания им книги «Материализм и эмпириокритицизм». Ленин показывает, как нерешенные проблемы и трудности развития науки стимулируют появление идеалистических поветрий в физике и естествознании вообще. Так, Ленин отмечает, что для М. Ферворка, автора книги «Биогенная гипотеза» (1903), характерно «полное неумение отличить материализм как *философию* — от отдельных, заскоруждлых взглядов материалистами называющих себя *обывателей* данного времени» (29, 354). М. Ферворн, в частности, заявил, что оборот «живой белок» слишком неясен. Между тем, отмечает Ленин, «превращение химического в жизненное — вот, видимо, в чем суть» (29, 354), вот что является сложной и пока нерешенной, но впол-

не соответствующей материалистическому подходу действительной проблемой науки, которая еще раз затрагивает и вопрос об источниках идеализма в естествознании. И решение таких сложных проблем лежит не в плоскости словесной замены одних терминов другими, а в сфере конкретных научных исследований.

Ленинский анализ философских проблем развивающегося научного знания в «Философских тетрадах» стал органической частью философского учения о специфике диалектического отражения природы познающим субъектом. В. И. Ленин прозорливо видел, что анализ достижений наук о природе необходим для развития, уточнения и конкретизации самой философской методологии, ибо отказ от такого анализа ведет к появлению спекулятивных натурфилософских искажений существа развивающегося знания.

«Философские тетради» — яркая демонстрация огромного методологического значения творческого диалектического мышления для всех наук, выражение нерасторжимого единства философии марксизма и современного естествознания.

* * *

«Философские тетради» имели огромное значение для дальнейшей теоретической и политической деятельности В. И. Ленина. Они позволяют проникнуть в самую лабораторию ленинского теоретического мышления, детально раскрывают ленинскую методологию. Без анализа их духовного богатства невозможно в полной мере понять и оценить философское и вообще идейное содержание более поздних ленинских трудов, таких, как «Государство и революция», «Еще раз о профсоюзах...», «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и др., не говоря уже о книге «Империализм, как высшая стадия капитализма» и подготовительных материалах к ней, работа над которыми протекала одновременно с работой над «Философскими тетрадами». Поэтому «Философские тетради» можно по праву считать «философским введением», или, если угодно, философской подготовкой исследования империализма как особой и высшей стадии капитализма, рассмотрения всей совокупности процессов новой революционной эпохи»¹.

---

¹ Розенталь М. М. Диалектика ленинского исследования империализма и революции. М., 1976, с. 14—15.

Опираясь на развитый в «Философских тетрадах» марксистский диалектический метод, В. И. Ленин доказал, что только он позволяет разобраться в сущности острейших и неотложных социально-политических вопросов эпохи, требующих правильных и решительных действий. Критикуя тех, кто выступал с ревизией марксизма, Ленин усматривал коренной гносеологический порок их теоретических построений и оценок в сведении диалектики к сумме примеров из прошлых событий и явлений, к шаблонной, а потому пустой схеме, в неумении принять диалектику как орудие конкретного исследования.

К сожалению, после работы над «Философскими тетрадами» В. И. Ленин не смог выделить времени для продолжения систематических углубленных теоретических изысканий на материалах истории философии и частных естественных наук. Но эти исследования он продолжал далее на огромном социально-экономическом и политическом материале диалектики самой жизни. И фундаментальное значение содержащихся в «Философских тетрадах» идей для последующего развития диалектико-материалистического мировоззрения подчеркнуто философским завещанием В. И. Ленина — его работой «О значении воинствующего материализма».

РАБОТА «О ЗНАЧЕНИИ
ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА» —
ОБРАЗЕЦ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА
(Вместо заключения)

Среди ленинских трудов послеоктябрьского периода принципиально важное место занимает статья «О значении воинствующего материализма», написанная в 1922 г. накануне открытия XI съезда партии. Это, по сути дела, философское завещание В. И. Ленина, подводившее итог его теоретической деятельности и раскрывавшее перспективы дальнейшего развития марксистской философии. Статья — образец творческого применения материалистической диалектики в целях решения кардинальных проблем социалистического строительства. Здесь дано магистральное направление последующей деятельности советских философов.

Это произведение явилось продолжением фундаментальной разработки теории материалистической диалектики, программу которой наметил Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» и других работах и которая во многом уже была реализована и конкретизирована в таких трудах В. И. Ленина, как «Материализм и эмпириокритицизм» и «Философские тетради», а также «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция» и др. В этой статье Ленин приводит к единству результаты собственных предшествующих исследований. Именно здесь четко прослеживается глубокая органическая связь идейного содержания «Философских тетрадей» и «Материализма и эмпириокритицизма». Но у данной работы есть и другое измерение, устремленное в будущее.

Республика Советов к данному моменту уже пятый год упорно решала проблемы утверждения нового общественного строя. Но еще больше проблем ей предстояло решить в будущем. Был осуществлен выход из мировой войны, одержана победа в гражданской войне, государственная власть находилась в руках пролетариата. Все это было достигнуто прежде всего потому, говорил В. И. Ленин на IX Всероссийском съезде Советов, «что в основном наше понимание событий было

верно... Мы оказались правы в самом основном. Мы оказались правы в своих предвидениях и в своих расчетах» (44, 292—293).

Однако жизнь показала, что развитие по социалистическому пути оказалось делом куда более сложным и противоречивым, чем это представлялось ранее. «Мы представляли себе, — говорил В. И. Ленин, — ...грядущее развитие в более простой, в более прямой форме, чем оно получилось» (44, 292). Осложнения были вызваны рядом трудностей, в числе которых были экономическая отсталость страны и разруха, порожденная гражданской войной, ожесточенные враждебные действия со стороны империалистического окружения и многое другое. К тому же у трудящихся еще не было необходимого опыта ведения дел в экономике, государственном управлении, в области культуры.

Большинство социал-демократических теоретиков на Западе и меньшевики в России в принципе отвергали саму возможность социалистического строительства в нашей стране. «Нам наши противники, — писал В. И. Ленин, — не раз говорили, что мы предпринимаем безрассудное дело насаждения социализма в недостаточно культурной стране. Но они ошиблись в том, что мы начали не с того конца, как полагалось по теории (всяких педантов), и что у нас политический и социальный переворот оказался предшественником тому культурному перевороту, той культурной революции, перед лицом которой мы все-таки теперь стоим» (45, 376—377). Ленин вскрыл органическую взаимосвязь и взаимообусловленность решения задач экономических, социально-политических и культурных, выявив при этом глубокую диалектику развития общества в новой исторической ситуации.

В работах В. И. Ленина начала 20-х гг. в концентрированном виде предстают те животрепещущие вопросы, которыми жила в ту пору страна, вставшая на путь строительства нового общества. В статье «О значении воинствующего материализма» он дает обстоятельный анализ того, каким должно быть собственно философское, диалектико-материалистическое обоснование решения всех этих вопросов.

Советская философская наука в ту пору делала свои первые шаги. Идеологическая обстановка в стране была сложной: вновь оживилась деятельность идеалистов, появилось немало путаников, лишь поверхностно озна-

комившихся с марксизмом. Среди профессуры высшей школы оставалось еще немало буржуазных философов (интуитивистов, неокантианцев, махистов и т. п.).

Еще в 1918 г. начал готовиться, а в 1921 г. стал распространяться сборник «De profundis» («Из глубины»), в числе авторов которого было немало бывших участников «Вех» (1909) — этой своего рода «энциклопедии» мнимолиберальной контрреволюции. Авторы сборника твердили о «гибельности» социалистических идей, ополчались на материализм и атеизм, предрекали распад и исчезновение Советской власти в России. В самой стране снова подняли голову деятели реакционного «Петербургского философского общества», возник ряд философских кружков, к которым буквально липли антисоветски настроенные группки буржуазной интеллигенции. Как раз с начала 1922 г. в Петрограде стал издаваться орган упомянутого «общества» журнал «Мысль», авторы которого изощрялись в нападках на атеизм: А. И. Введенский, например, в № 2 этого журнала заявил, что «марксистский социализм» потерпит поражение в борьбе за умы людей и победят полностью религия и иррационализм (самого себя Введенский причислял к неокантианцам). Иррационалист И. А. Ильин еще в 1918 г. выпустил книгу о Гегеле, в которой постарался вытравить всякий след диалектики.

Бурную деятельность в эти годы развил А. А. Богданов, который в 1918—1919 гг. стал издавать полупозитивистский журнал «Пролетарская культура», пропагандируя и философски «обосновывая» идеи Пролеткульта; несколько раз за эти годы он напечатал «Тектологию», критический разбор которой, заметим, был дан в послесловии ко второму изданию (1920) книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Невским. Это была статья под названием «Диалектический материализм и философия мертвой реакции», на которую Ленин сослался в своем авторском предисловии ко второму изданию книги (см. 18, 12). Второе издание «Материализма и эмпириокритицизма» явилось отправным пунктом в развитии марксистской философской мысли в Советской России.

Но богдановские концепции были живучи: считая себя атеистом, А. А. Богданов фактически проводил идеи затушеванного фидеизма, как это было свойственно и ряду других сторонников и союзников эмпириокритицизма. К тому же Богданов запутывал философское

размежевание в области идеологии тем, что противопоставил материалистической диалектике псевдоматериалистическую и механистическую теорию равновесия и все время поддерживал левацки-нигилистическую демагогию Пролеткульта (см. 41, 336—337). В сочинении под названием «Падение великого фетишизма» А. А. Богданов обрушился с нападками на «Материализм и эмпириокритицизм» как на защиту «фетиша материи». С другой стороны, профессор В. Н. Рожицын в статье «Новая наука и марксизм» объявил книгу Ленина вообще направленной против... всякой философии, тогда как С. К. Минин в статье «Философию за борт!» объявил ленинский призыв к овладению диалектическим материализмом не только излишним, но и... вредным. Мелкобуржуазная стихия в философских спорах бушевала вовсю.

В этой сложной обстановке в Москве с января 1922 г. начал выходить первый марксистский философский журнал — «Под знаменем марксизма». В этой связи В. И. Ленин решил остановиться на вопросах, определяющих содержание и программу работы этого журнала, но фактически это означало обсуждение программных задач советской философской науки в целом.

Смысл стоявших перед марксистами-философами задач в общем виде концентрировался в определенном требовании: философия должна вооружать людей необходимым для творческого мышления и революционно-преобразующего действия методом, помочь вырабатывать те качества, которые необходимы и партийному, общественному деятелю, и ученому, и вообще любому участнику социалистического строительства. А таким методом познания и преобразования действительности является именно материалистическая диалектика. Поэтому основная практическая задача марксистской философии заключалась в том, чтобы совершенствовать способность к диалектическому мышлению, вооружать строителей социализма научным мировоззрением и вместе с тем вести наступательную борьбу против идеализма, религиозных предрассудков, догматически-метафизической окостенелости мысли. В. И. Ленин подчеркивает, что материализм должен быть воинствующим. Что касается специалистов, занимающихся непосредственно разработкой философских вопросов, то его требование к ним было выражено столь же четко и определенно.

Их первостепенная задача должна состоять в том, чтобы, занимая твердые позиции материализма, развивать далее теорию материалистической диалектики. «...Мы, — пишет Ленин, — можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон...» (45, 30).

В новых условиях материалистическая диалектика стала, образно говоря, не только «алгеброй революции», но и «алгеброй» социалистического строительства, в том числе создания новой культуры. «Пора, когда надо было политически рисовать великие задачи, прошла, — говорил В. И. Ленин в одном из своих докладов за несколько месяцев до написания статьи «О значении воинствующего материализма», — и наступила пора, когда их надо проводить практически. Теперь перед нами задачи культурные, задачи переваривания того политического опыта, который должен и может претвориться в жизнь. Либо гибель всех политических завоеваний Советской власти, либо подведение под них экономическое фундамента. Этого нет сейчас. Именно за это надо взяться. Задача подъема культуры — одна из самых очередных» (44, 169).

Глубокие перемены, происходящие в социально-экономических и политических отношениях новой эпохи, должны, по мысли В. И. Ленина, стать объектом пристального внимания исследователей-марксистов, служить источником дальнейшей разработки теории материалистической диалектики и вместе с тем сферой ее творческого приложения. В статье «О значении воинствующего материализма» он прямо указывает на этот источник развития диалектики и отмечает необходимость изучения «диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много» (45, 30).

Эту диалектику реальной жизни извращали теоретики II Интернационала, которые утверждали, что пролетариату вполне логично «примкнуть» к достижениям буржуазной «цивилизации» и только на них и опираться в своей практической деятельности. Потому якобы не следует ломать буржуазное государство, а надо учиться у него демократии. Одним словом, пролетариату в России предписывалось понять, что он «созрел» пока только для учебы у «цивилизованных», империалистических государств, а в конечном счете — для жизни в условиях «культурного» капитализма. Ультрале-

вые, в том числе пролеткультовцы, наоборот, призывали к отрицанию всей прежней культуры, всех культурных богатств, выработанных человечеством на протяжении его предшествовавшей истории.

В. И. Ленин первым среди марксистов того времени увидел абсолютную необходимость качественно нового пути социального прогресса человечества. Им была категорически отвергнута версия о «цивилизующей миссии» империализма. Достижение цивилизованности менее развитыми в экономическом отношении странами лежит не на пути империалистического развития, а на пути революционного переустройства буржуазного общества и развития созидательного творчества масс — такова была принципиальная логика ленинской точки зрения. С другой стороны, Ленин отверг левацкую демагогию о необходимости строить новую, пролетарскую культуру «на пустом месте».

Всем ненаучным, умозрительным трактовкам отношения к прежней культуре и созидания новой, социалистической культуры В. И. Ленин противопоставил свою диалектико-материалистическую концепцию развития культуры, требующую глубокого осмысления социальных противоречий, разрешение которых составляет действительный источник общественного развития.

Приступая к строительству нового общества, В. И. Ленин, коммунисты нуждались в союзе с некоммунистами. С напоминания об этом и начинается статья «О значении воинствующего материализма». «Одной из самых больших и опасных ошибок коммунистов (как и вообще революционеров, успешно проделавших начало великой революции) является,— писал Ленин,— представление, будто бы революцию можно совершить руками одних революционеров... Без союза с некоммунистами в самых различных областях деятельности ни о каком успешном коммунистическом строительстве не может быть и речи» (45, 23).

Ленинская идея союза коммунистов с некоммунистами, прогрессивными силами имеет чрезвычайно глубокий смысл: она находится в диалектическом единстве с принципом партийности в политике, философии и культуре. Она является формой конкретной реализации этого принципа в соответствующих исторических условиях. Особенно важным в ту пору был союз коммунистов с деятелями науки и культуры, с самыми широкими слоями интеллигенции для вовлечения их

в общую созидательную работу. Но идея этого союза гораздо шире. Методологическое ядро этой мысли В. И. Ленина состояло в том, что «авангард лишь тогда выполняет задачи авангарда, когда он умеет не отрываться от руководимой им массы, а действительно вести вперед всю массу» (45, 23). Идея широкого союза проявилась и нашла потом свой отклик в разные периоды истории и в союзе марксистов с прогрессивными учеными Запада (пусть не искусственными в политике), и в принципе антифашистского народного фронта в 30-х гг., и в идее патриотического фронта, реализованной ныне в ряде социалистических стран, и в лозунгах всеобщей борьбы за мир, против агрессивных милитаристских империалистических кругов в наши дни. Ленин указывал, что марксисты-материалисты должны уметь находить прогрессивные силы среди колеблющейся и буржуазной интеллигенции, должны осуществлять даже «в известной мере свой союз с прогрессивной частью буржуазии» (45, 28), неуклонно разоблачая ее, когда она впадает в реакцию, и сотрудничая с ней в той мере, в какой ее действия соответствуют задачам прогрессивного развития общества.

Одной из форм активного союза марксистов с прогрессивно настроенными некоммунистами-материалистами в их общей борьбе против идеализма и всякого обскурантизма явилось использование в интересах строительства социалистической культуры духовного наследия минувших эпох, материалистических и атеистических идей прошлого (например, французского материализма XVIII в.). Воинствующий материализм и атеизм не могут быть сектантскими. «Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные (особенно крестьянские и ремесленные) массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии чисто марксистского просвещения» (45, 26).

Но для строительства новой культуры необходимо было, разумеется, и обращение вообще к широкому опыту общественной борьбы и к истории познания в целом, важной частью которой, как В. И. Ленин подчеркнул в «Философских тетрадах», является история философии. Поэтому, когда Ленин в своих работах указывает на необходимость «превратить всю сумму накопленного

капитализмом богатейшего, исторически неизбежно-необходимого для нас запаса культуры и знаний и техники, — превратить все это из орудия капитализма в орудие социализма» (36, 382), он связывает это и с извлечением уроков из истории борьбы прогрессивных и реакционных идеологий в прошлом, и в частности борьбы в области философии. Работа «О значении воинствующего материализма» нацеливала на решение и данной задачи.

Относительно самостоятельную, но чрезвычайно важную составную часть этой общей работы образует, по мысли В. И. Ленина, установление и укрепление союза марксистской философии и естествознания, философов-марксистов и ученых-естествоиспытателей. Эта проблема сотрудничества и сближения философии и науки была в свое время поставлена Марксом и Энгельсом. Ленина она интересовала еще в дооктябрьский период. Об этом свидетельствуют его книга «Материализм и эмпириокритицизм», а также естественнонаучные фрагменты и ряд замечаний на работы Лейбница и Гегеля в «Философских тетрадах». Обращение к данной проблематике было вызвано необходимостью ни в коем случае не отдавать идейным противникам обширную область истории познания и самого научного знания. Изгнание метафизики, идеализма и религии из данной области было важно как для частных наук, так и для философии; это усиливало позиции диалектики и материализма, открывало путь к широкому использованию огромного потенциала науки. В послеоктябрьский период к этому добавились качественно новые моменты, связанные с необходимостью привлечения широких слоев интеллигенции на сторону Советской власти и ликвидации тех предубеждений, которые могли возникать у представителей интеллигенции в отношении диктатуры пролетариата. Эта необходимость была обусловлена в конечном счете задачей превращения науки в непосредственную производительную силу общества. В работе «О значении воинствующего материализма» Ленин подчеркивал, что Советская власть нуждается в созидательной силе науки и что научный социализм и наука отнюдь не антиподы, как это утверждали его противники, а, наоборот, союзники в общей борьбе за освобождение человека.

У социализма и научного знания есть и еще одна сторона, характеризующая их единство. Это их методо-

логическая, теоретико-познавательная общность, выраженная в материалистической диалектике как всеобщем методе познания и практического действия.

Те ученые, которые не видели или не желали видеть органической связи оснований современной науки с материализмом и диалектикой, не нашли в начале XX в. верного выхода из методологического и мировоззренческого кризиса в физике, когда происходила «ломка понятий» и старых представлений. «Надо помнить, — замечает В. И. Ленин, — что именно из крутой ломки, которую переживает современное естествознание, рождаются сплошь да рядом реакционные философские школы и школы... Поэтому следить за вопросами, которые выдвигает новейшая революция в области естествознания, и привлекать к этой работе в философском журнале естествоиспытателей — это задача, без решения которой воинствующий материализм не может быть ни в коем случае ни воинствующим, ни материализмом» (45, 29). Естественник должен в конце концов стать сознательным сторонником материализма Маркса, т. е. диалектическим материалистом. «...Без солидного философского обоснования никакие естественные науки, никакой материализм не может выдержать борьбы против натиска буржуазных идей и восстановления буржуазного миросозерцания» (45, 29—30).

Представители частных наук должны учиться правильному общетеоретическому мышлению не только на основе опыта естествознания и его истории, но и опыта истории философии. В этом — еще одна из форм союза научной философии и передового естествознания. В данной связи В. И. Ленин еще раз подчеркивает чрезвычайную важность разработки истории материализма и истории диалектики, в которой особо важное место принадлежит диалектике Гегеля, для развития метода материалистической диалектики и теории диалектического материализма.

Проблема отношения к гегелевскому наследию в философии всегда была для марксизма важной теоретической проблемой. В конце концов это был и вопрос, связанный с оценкой характера диалектики К. Маркса и ее подлинной методологической роли. Это был вопрос и о качественном отличии марксистской диалектики от гегелевской, и о глубоком историзме диалектического «снятия» учения Гегеля марксизмом, вообще вопрос об одной из сторон содержания революционного переворо-

та в философии и о способах извлечения «рационального зерна» из наследия великих мыслителей прошлого. Об этом вновь напоминает В. И. Ленин: «Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятую диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон... Современные естествоиспытатели найдут... в материалистически истолкованной диалектике Гегеля ряд ответов на те философские вопросы, которые ставятся революцией в естествознании и на которых «сбиваются» в реакцию интеллигентские поклонники буржуазной моды» (45, 30—31). Он призвал к систематическому критическому изучению гегелевской диалектики. Марксисты-философы, писал Ленин, должны стать своего рода ее «материалистическими друзьями» (см. 45, 30) ¹.

Источником дальнейшего развития материалистической диалектики и средством формирования научного философского мышления вообще, подчеркивает В. И. Ленин, являются прежде всего, конечно, уроки современной классовой борьбы (см. 45, 30), а в области мысли — прежде всего диалектика К. Маркса и богатейшее содержание всей истории материализма. Он указал в этой связи также на необходимость исследования вообще прогрессивных национальных традиций, которые должна унаследовать социалистическая культура. Об этом тем более нужно было напомнить, поскольку в начале 20-х гг., как мы отмечали, набрали силу вульгарно-социологические и нигилистические атаки пролеткультовцев на национальное культурное наследие. Эти атаки были связаны и с нигилистическим отношением к философии, и с позитивистским структурализмом А. А. Богданова. Однако «у главных направлений передовой общественной мысли России, — напоминает Ленин, — имеется, к счастью, солидная материалистическая традиция» (45, 24). К числу важных факторов формирования научного философского мировоззрения он относит изучение истории материализма, а также пропаганду боевой атеистической литературы конца XVIII в.

Вопросу об отношении к религии В. И. Ленин вообще придает в статье важное значение. Он подчеркивает, что буржуазия, именно исходя из своих классовых

---

¹ Заметим, что этот ленинский призыв был, к сожалению, искажен А. М. Дебориным, который в книге «Ленин как мыслитель» (1924) понял его как просто совет возвратиться к Гегелю и к гегелевскому пониманию диалектики.

интересов, поддерживает разнообразные формы религии и мистики, усиленно разжигает религиозные настроения. Журнал «Под знаменем марксизма», отмечал он, должен стать органом не только воинствующего материализма, но и воинствующего атеизма. Чтобы атеистическая пропаганда проникала в умы и сердца самых различных, в том числе отсталых, слоев населения, материалистам целесообразно и в этом плане пойти на союз с теми буржуазными учеными, которые разделяют атеистические взгляды или своими исследованиями способствуют (хотя бы косвенно) их укреплению.

Итак, в работе «О значении воинствующего материализма» В. И. Ленин творчески применил метод материалистической диалектики к решению задач развития советской философской науки и вообще культурного строительства в Советской России. Этот труд служит образцом глубоко верного диалектического подхода к новым назревшим вопросам. Здесь Лениным была выдвинута широкая программа дальнейших философских исследований марксистов, очерчены основные ее проблемы и пути их решения. Это была и первая программа развертывания философской деятельности в СССР, ориентированного на потребности социального развития страны, и важный набросок организации соответствующих учреждений культуры. Общая нацеленность этой программы заключалась в требовании разработки теории диалектики как методологии решения коренных проблем строительства нового общества.

Задачи, поставленные В. И. Лениным перед философской наукой в условиях, когда страна приступала к строительству социалистического общества, как нельзя более актуальны сейчас, когда речь идет о коренном, качественном его обновлении и перестройке. М. С. Горбачев в речи на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук подчеркнул, как важно сейчас культивировать и распространять новое мышление как мышление диалектическое, опирающееся на методологические заветы В. И. Ленина. Поэтому так важен ныне поворот философской мысли к анализу животрепещущих проблем, которые ставят перед марксистской теорией современное социальное развитие и прогресс научного знания, на что обращал такое пристальное внимание Ленин. «Философия только тогда может эффективно выполнять свои социальные и научные функции, когда она своевременно реагирует на

главные события в стране и на мировой арене, на фундаментальные открытия и процессы науки», — говорится в постановлении ЦК КПСС «О журнале «Коммунист». В условиях, когда большое значение приобретают фундаментальные обобщения, всесторонний, комплексный подход к действительности, постижение ее во всей конкретности, во всей полноте ее реальных противоречий и тенденций, особенно возрастает роль диалектико-материалистической философии как теоретической и методологической основы других наук. Отсюда столь актуальна задача расширять и укреплять завещанный Лениным союз философов с представителями всех конкретно-научных дисциплин (естественных, технических, общественных и др.), объединять их усилия вокруг решения важнейших проблем научно-технического, социального и духовного развития общества. Борьба с застойностью и догматизмом, постижение подлинной диалектики развития социализма требуют прочной опоры на ленинское теоретическое наследие, возрождения ленинского духа творческого искания истины. Это важнейшая задача, стоящая ныне перед нашими обществоведами, в том числе и перед философами.

ВВЕДЕНИЕ	3
--------------------	---

Раздел I

«МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ»

Глава 1. ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ СОЗДАНИЯ ЛЕНИН- СКОГО ТРУДА	14
Социально-политическая обстановка	—
Идеологическая обстановка	16
Социал-демократы и махизм	19
Глава 2. КРИТИКА ИДЕАЛИЗМА И ПРИНЦИП ПАРТИЙ- НОСТИ ФИЛОСОФИИ	26
Критика субъективного идеализма	—
Принцип партийности философии	35
Другие принципы критики современной буржуазной фило- софии	43
Глава 3. АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКИХ ПРОБЛЕМ ЕСТЕСТВО- ЗНАНИЯ	50
Революция в естествознании и кризис в физике	—
Махистский ответ на кризис в физике и ленинский подход к критике махистских решений	56
Раскрытие Лениным причин «физического» идеализма	63
Естественнонаучные представления о материи и философ- ский взгляд на нее	75
Философия и структура реальности	86
Глава 4. ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФСКОГО ПОНЯТИЯ МАТЕ- РИИ	95
Подход Ф. Энгельса к определению понятия «материя». Ленинское определение этого понятия	—
Соотношение теории познания и мировоззрения	103
Соотношение понятия материи и естественнонаучных дан- ных о ней	107
Значение ленинского определения материи	112

Глава 5. ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ОТРАЖЕНИЯ КАК ЯДРО ГНОСЕОЛОГИИ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА	115
Принцип отражения	—
Гносеологический аспект отражения	118
Проблема существования отражения в «фундаменте» материи	122
Активность отражения	126
Объективная истина	128
Данные ощущений и их объективность	131
Восхождение от относительных истин к абсолютным. Практика и релятивизм	137
Глава 6. ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА	149
Махизм и исторический материализм	—
Ложность идеи тождества общественного бытия и общественного сознания, Материальность общественного бытия	153

Раздел II

«ФИЛОСОФСКИЕ ТЕТРАДИ»

Глава 1. УСЛОВИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ «ФИЛОСОФСКИХ ТЕТРАДЕЙ»	166
Статья «Карл Маркс»	—
Место «Философских тетрадей» в истории марксистской мысли	174
Идеологическая обстановка и мотивы создания «Философских тетрадей»	178
Глава 2. ДИАЛЕКТИКА КАК ВСЕОБЩИЙ МЕТОД ПОЗНАНИЯ	183
О «тождестве» диалектики, логики и теории познания	—
Творческий характер познания как процесса отражения	192
Роль категорий диалектики в процессе познания	199
Глава 3. КАТЕГОРИЯ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ЗАКОН ЕДИНСТВА И БОРЬБЫ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ	202
Категория противоречия и проблема диалектики движения	—
Диалектические противоречия в процессе познания	205
Закон единства и борьбы противоположностей	210
Глава 4. ЭЛЕМЕНТЫ ДИАЛЕКТИКИ И ЕЕ КАТЕГОРИИ	214
Фрагмент «Элементы диалектики»	—
Сущность и явление. Причина, взаимодействие и цель	220
Теория и практика	224

<i>Глава 5. ФРАГМЕНТ «К ВОПРОСУ О ДИАЛЕКТИКЕ»</i>	228
Две концепции развития	—
Диалектика движения противоположностей	232
Вопросы диалектики в истории познания. «Круги» в философии	243
Классовые и гносеологические корни идеализма	246
<i>Глава 6. РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ</i>	251
Роль истории философии в разработке теоретических проблем философии	—
Античная диалектика	254
Немецкая классическая философия	256
Конспект «Святого семейства» К. Маркса и Ф. Энгельса	263
<i>Глава 7. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ НАУКИ</i>	266
Философские вопросы естествознания в работах 1911—1914 гг.	—
Диалектика и развитие науки	267
<i>РАБОТА «О ЗНАЧЕНИИ ВОИНСТВУЮЩЕГО МАТЕРИАЛИЗМА» — ОБРАЗЕЦ ТВОРЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФИЛОСОФИИ МАРКСИЗМА (Вместо заключения)</i>	274

ГЛАВНЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ТРУДЫ В. И. ЛЕНИНА

На форзацах:

Фрагмент первого издания книги В. И. Ленина
 „Материализм и эмпириокритицизм”.— 1909 г.

Страница книги И. Дицгена „Мелкие философские работы”
 с замечаниями В. И. Ленина.

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*
 Редакторы *П. П. Апрышко* и *А. Н. Голубев*
 Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова* и *Е. С. Молчанова*
 Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
 Технический редактор *Н. К. Капустина*

ИБ № 5973

Сдано в набор 29.05.87. Подписано в печать 16.09.87. Формат 84×108¹/₃₂.
 Бумага кн.-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать высокая.
 Усл. печ. л. 15,12. Усл. кр.-отт. 15,54. Уч.-изд. л. 16,26. Тираж 85 000 экз.
 Заказ № 264. Цена 95 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография изд-ва «Уральский рабочий».
 620151, г. Свердловск, пр. Ленина, 49.

Теорія познанія емпіріокритицизма и діалектическаго матеріалізма.

1. Ощущенія и комплексы ощущеній.

Основныя посылки теоріи познанія Маха и Авернаріуса откровенно, просто и ясно изложены ими въ ихъ первыхъ философскихъ произведеніяхъ. Къ этимъ произведеніямъ мы и обратимся, откладывая до дальнѣйшаго изложенія разборъ поправокъ и подчистокъ, въ послѣдствіи данныхъ этими писателями.

«Задача науки—писалъ Махъ въ 1872 году—можетъ состоять лишь въ слѣдующемъ: 1. Изслѣдовать законы связи между представленіями (психологія).—2. Открывать законы связи между ощущеніями (физика).—3. Разъяснять законы связи между ощущеніями и представленіями (психофизика)» ¹⁾. Это — вполне ясно. Предметъ физики — связь между ощущеніями, а не между вещами или тѣлами, образомъ

die miserable Bourgeoiswirtschaft, welche das Volk auszieht und es schließlich, wenn nichts mehr daran zu verdienen ist, ohne Arbeit und ohne Lohn aufs Pflaster wirft. Da gehen ihm denn die Augen groß auf. Da wird ihm der Idealismus vertrieben; und so bedürfen wir zur Volksbildung weder einer zarten Pädagogik, noch Moses und die Propheten. Unsere Zöglinge, die modernen Lohnarbeiter, sind wohl qualifiziert, um endlich Einsicht in die sozialdemokratische Philosophie zu bekommen, welche die Naturerscheinungen als das Material der theoretischen oder wissenschaftlichen Wahrheit, der erfahrungsmäßigen, empirischen, materialistischen, oder wenn man so will, auch subjektiven Wahrheit einerseits, von der auf die andere Seite postierten extravaganten oder übergeschnappten Metaphysik wohl zu trennen weiß.

Wie in der Politik die Parteien mehr und mehr sich in nur zwei Lager gruppieren, hier Arbeitnehmer und dort Arbeitgeber, analog der ökonomischen Entwicklung, welche die Mittelklassen lichtet und auf Zweitrennung in Besitzer und Habenichtse lossteuert, so teilt sich auch die Wissenschaft in zwei Generalklassen: in Metaphysiker dort und in Physiker oder Materialisten hier. Die Zwischenglieder und vermittelungstüchtigen Quacksalber mit allerlei Namen, Spiritualisten, Sensualisten, Realisten usw. usw., fallen unterwegs in die Strömung. Wir steuern der Entschiedenheit,

Zur
Beyn

/// us
/// us

us
/// us
/// us

53 84711

Главные философские труды В.И. ЛЕНИНА